

Annotation

Ребенок, привезенный Эддардом Старком с юга, был загадкой для каждого, включая себя самого. Девочка, рожденная в разгар зимы, была проблемой для любого и для самой себя. Какие у судьбы на них планы? Какая сила таится в его крови? Что нужно от неё древнему ордену? И что будет, если они откажутся расставаться?

Лошадь завертела головой, загуляла, и всаднику пришлось натянуть поводья. Видимо, пустой гнев и усталое отчаянье передавались и скакуну, по-другому не объяснить, из-за чего человека, сидевшего на лошади с четырех лет, мог не послушаться конь. Следовало вылезти из седла и отдохнуть, но поступи он так, вряд ли бы смог влезть обратно.

Раны, зашитые и обработанные лучшими лекарями Королевской гавани, его мало беспокоили, но в голове при каждом движении лошади пульсировала боль. Судьба последнего из рода каменной глыбой давила на плечи юноши, заставляя сгибаться сильнее и сильнее. В одной из карет, что ехали следом, лежали останки его семьи. Отец, старший брат, сестра. Будто этого мало, в Риверране он узнал, что его мать тоже мертва, а младший брат ушел. В другой карете ехали его жена и сын, голубоглазый смешливый малыш. Он полюбил сына сразу, как увидел, полюбил так же сильно, как любил другого мальчика, сероглазого и тихого, которого держала на руках кормилица в повозке, но ни дети, ни жена не могли избавить от чувства, что он — последний из Старков.

Он боялся Севера. В Речных землях все было незнакомым и чужим, как и в любом месте южнее. Там его никто не любил и не ждал. На Севере его ждали призраки.

Даже Трезубец, проклятую реку, он не смог перейти спокойно. Ему чудилась кровь вместо воды, чудились запахи дыма, пота и дерьма. Видения битвы стояли перед глазами.

Над рекой звучали десятки девизов. Даже сквозь лязг и вопли он слышал друга, рычавшего "Нам ярость!" В ответ сотни глоток вопили о пламени и крови, но в тот день ему было плевать на девизы высоких домов. "Лианна!" — вот что Старк выкрикивал в лицо врагам, беспощадно прорубаясь сквозь строй. Джон Дарри, рыцарь Королевской гвардии, один из лучших бойцов Вестероса, задержал Старка лишь на несколько мгновений и упал в красную воду, держась за обрубок руки. Коня под Недом убили еще в самом начале схватки, и он рвался вперед пешком, по колено в воде, одаривая поцелуем меча каждого вставшего на пути. Тогда он хотел спасти сестру, отомстить за отца, отомстить за брата..

Сейчас, пересекая Трезубец в другую сторону, Нед хотел лишь блевать. Вся его ярость осталась у развалин Башни Радости.

Всю дорогу от Рубинового брода до дома Нед чувствовал себя ожившим мертвецом. День он проводил в седле, глядя в горизонт и вспоминая всех, кого он потерял из-за Таргариенов, а ночью страдал от кошмаров. Чем ближе был Винтерфелл, тем ужаснее становились сны.

Ему снилось суровое лицо отца. Рикард Старк стоял в богороще, облаченный в черные доспехи, на его поясе висел Лед. Шлем лежал в снегу у его ног, погнутый, словно на него наступил великан.

— Если сражаешься — побеждай, — пророкотал лорд Рикард; в его глазах плескалось разочарование, — побеждай! — крикнул он и вспыхнул зеленым пламенем.

Кожа его медленно обугливалась; глаза уже вытекли, волосы сторели, но он продолжал говорить.

— Побеждай...

Обугленная рука в оплавленных доспехах легла на плечо Эддарда, и запах, ужасная вонь, пропитавшая тронный зал Красного замка, заставила отвернуться.

Нед увидел сердце-дерево. Оно было белым, ослепительно белым; в шелесте кровавых листьев были слышны имена его мертвых друзей, а лик на нем было детским лицом Бенджена, полностью обескровленным. Из пустых глазниц тек красный сок, от него пахло железом и кровью. Нед не мог на это смотреть.

Он хотел уйти, но, обернувшись, прямо перед собой увидел Брана. Старший брат возвышался над ним, словно лютovolк над собакой, а его налитые кровью глаза смотрели с укором. Серые, будто покрытые пеплом губы разомкнулись.

— Теперь ты лорд Винтерфелла... — прохрипел Бран.

Кожа на его шее почернела, указывая, где была проклятая веревка.

Эддард опустил глаза и увидел под ногами пруд богорощи. Вода в нем была черна как ночь, и дна не было видно. У самой поверхности виднелось бледное, прекрасное лицо его сестры. Лианна была одета в свадебное платье, серое и алое, цвета Старков и Таргариенов. Она погружалась глубже и глубже.

"Она мертва, — сказал себе Нед, — это лишь сон".

И прыгнул за ней.

Удивительно, но, добравшись до Винтерфелла, Эддард ощутил облегчение. Джон Аррен, может, и стал ему вторым отцом, но Орлиное Гнездо никогда не могло стать его домом. Конюх Ходор, если это было возможно, вырос ещё больше. Кузнец Гован, ровесник Старка, оброс жесткой черной бородой и нашел себе подругу — рядом с ним стояла маленькая рыжая девушка со светлым лицом. Сир Родрик Кассель, немолодой рыцарь с сединой в каштановых волосах, широко улыбался. Если кто-нибудь спросил бы Неда, кому он доверяет больше всех, тот назвал бы Джона Аррена, но подумал о сире Родрике. Рыцарь знал, что сейчас не место для улыбок, но он был рад видеть

Неда — и улыбался. Кассель не умел лгать ни словами, ни лицом.

Замок не изменился. Стены были теплыми, камни твердыми, а люди честными. Прибыв сюда из Гнезда, Эддард поселился в старых комнатах, но больше он не имел права бояться мертвых родителей.

И все же он не смог войти в покои Рикарда Старка. В Винтерфелле было лишь одно место, куда он сейчас мог пойти.

Богороца, как и в детстве, встретила его тихим шепотом листьев. Чардреву было белым, но вовсе не белоснежным, и его лик не был похож на лицо младшего брата, а красные листья вовсе не напоминали россыпь кровавых капель. Вода в пруду была спокойной и темной, от нее шел пар, но, заглянув в нее, Нед увидел лишь свое отражение.

Старк рвано выдохнул. Здесь следует молиться духам предков, а не искать их призраков.

* * *

Север не нравился Кейтлин Старк. Кейтлин Старк не нравилась Северу. Зимой в Речных землях всегда выпадал снег, но здесь он мог идти даже летом. По дороге они остановились на очередном постоялом дворе — и когда Кейтлин вышла из кареты, неся на руках ребенка, с неба падали маленькие снежинки. Они таяли, едва касались земли. Несколько из них упали на лицо маленького Робба — и тот заплакал. Быстрым шагом зайдя под крышу, Кейтлин обернулась — кормилица несла бастарда, будто он был сделан из золота, а мальчик смеялся и пытался поймать снежинки руками. Как муж мог так ее унижить?

Ей не нравился Эддард Старк. Угрюмый и холодный мужчина был с ней вежлив, но не более, и даже не пытался сблизиться с супругой. В дороге она сполна наслушалась болтовни солдат и служанок. Солдаты спорили о том, кто лучший боец — король или хранитель Севера, и вспоминали битвы.

"Он свиреп, как волк, — говорили они, — Он лично убил трех королевских гвардейцев, выкрикивая имя сестры".

Немногие служанки говорили, что Старк едва не выхватил меч, увидев у Железного трона мертвых детей, и в ярости кричал на короля и Тайвина Ланнистера. Но Кейтлин не могла представить ничего из этого. Человек, которого она видела изо дня в день, не мог проявить хоть каких-нибудь эмоций. Ледяной, спокойный, молчаливый, он не мог быть ни свирепым, ни яростным. В Винтерфелле многие знаменосцы восхваляли его честь, но Кейтлин не понимала этого. Какая честь могла быть у человека, принесшего жене бастарда?

Ей очень не нравился Эддард Старк.

Какая-то часть Кейтлин рвалась назад, в город на двух реках, чтобы обнять младшего брата и продолжить помогать слабеющему отцу. Лорду Хостеру было лишь сорок пять лет, но он уже был полностью седым, головные боли приходили все чаще, а единственным человеком, рядом с которым он не пытался быть... лордом, была его дочь Кэт. Кто теперь будет управлять замком? Эдмuru столько же лет, сколько было Кейтлин, когда их мать умерла, но мальчик дрался, ловил рыбу и кидался камнями — он вырастет, лишь когда будет невозможно оставаться ребенком. Единственное время, когда Эдмур был серьезен, — когда резал по дереву. Его научил дядя Бринден, но он ушел вместе с Лизой и Джоном Арреном, а в Риверране остались лишь мальчишка и старик.

Впервые увидев Винтерфелл, она чуть не назвала его Черным замком — стены в сотню футов из черного камня грозили небу острыми башнями, а ворота казались ей пастью чудовища. Она вышла из кареты — если тебя везут в пасть чудовища, это куда страшнее, чем если ты сам туда идешь, — но храбрости ей все равно не хватало.

Робб у неё на руках удивленно осматривал стены и улыбался, и Кейтлин стало намного легче. Рядом с ней спешился муж.

— Он хочет увидеть свой замок, — суровое лицо Старка посветлело, когда он взглянул на сына, но улыбки мужа Кейтлин так и не увидела.

В первые дни после прибытия она спросила у сира Родрика, единственного рыцаря в Винтерфелле, почему её муж так мрачен, едва говорит с ней и предпочитает не видеть.

— Он потерял всю семью за два года, миледи, — ответил Кассель, — Все его друзья погибли у Башни Радости. Не будь он сейчас мрачным, я бы не назвал его человеком.

Кейтлин стало стыдно, хотя ни чем виновата она не была. Никто не говорил про потери её мужа, и она забыла о них.

Брандон Старк, высокий, галантный и веселый — это он должен был стать её супругом, но боги решили иначе, и Брандон погиб в чертогах Красного замка.

Кейтлин не могла понять горе своего мужа, не могла даже представить, но она тоже скучала по своей семье.

Однако сир Родрик был неправ.

— У него все еще есть семья, сир.

"Как и у меня".

Она говорила тихо, но твердо.

Рыцарь улыбнулся, и, кажется, это была первая настоящая улыбка, которую она увидела в Винтерфелле.

— Не дайте ему об этом забыть.

Она нашла мужа в богороце. Не удивительно, что Кейтлин редко его встречала — чардрева пугали ее своими лицами и кровавыми слезами, а вера в Старых богов была ей противна. Поздоровавшись, она не представляла, что дальше говорить, но говорить и не пришлось. Заговорил Эддард.

— Простите меня, миледи. Я так и не поблагодарил вас за сына, — его голос отличался от того ледяного тона, которым он говорил все время. — Робб — чудесный мальчик.

Кейтлин хотела спросить, благодарил ли он женщину, родившую ему бастарда, но сказала совершенно другое:

— Дарить мужу детей — долг хорошей жены.

Эддард поморщился.

— Моя мать говорила, что вежливость — щит женщин, — он грустно улыбнулся. — Но если жене нужен щит от своего мужа — это плохой муж.

Кейтлин тоже улыбнулась.

* * *

С его прибытия в Винтерфелл прошло чуть больше месяца. Кейтлин была мила с ним, и Нед старался отвечать тем же, но между ними стеной стоял Джон Сноу. И его мать. Старк понимал: Кейтлин хочет поговорить о нем, но боится, что это разрушит тот хрупкий мир, призрачную привязанность между ними. Нед сам должен был начать этот разговор — вот единственный выход, — но он не мог, просто не мог заставить себя говорить о *ней*.

Из раздумий его выдернул стук в дверь. Стражник сообщил, что к замку приближается конный отряд в полсотни мечей, а их знамя — пробитое копьем солнце. Мартеллы.

Прибывшим оказался принц Оберин Мартелл, младший брат правителя Дорна. Старк мало что знал об этом человеке — они виделись лишь раз, на проклятом богами турнире в Харренхолле. Бран сломал два копья, прежде чем выбил Мартелла из седла.

Пребывание Оберина в Винтерфелле стало пыткой для Старков. Мартелл много пил, хоть и меньше, чем Роберт, соблазнял служанок, пусть и не так открыто, как Роберт, и любил сражаться — куда более бесчестно, чем Роберт.

Когда на приветственном обеде — пир они устроить просто не успели — сир Родрик спросил Оберина о цели его визита, тот презрительно бросил, что пришел посмотреть на честь Старков. Кассель не выхватил меч лишь потому, что меча не было, а вызов предотвратила Кейтлин.

— Тогда взгляните на солнце, принц Оберин. Поверьте, вы не заметите разницы.

Три недели Мартелл провел в Винтерфелле, пытаясь вызвать гнев Эддарда. Он говорил об Эртуре Дейне, с Ливене Мартелле, о Тайвине Ланнистере... В конце концов, у него получилось. На одном из обедов он громко заявил, что принес весть от матери Джона Сноу.

Кейтлин, державшая Неда за руку, отпустила его и сжала челюсти. Принц, казалось, наслаждался положением, в которое поставил Старка. *Ненадолго*.

— Может, вы принесли еще вести из мира мертвых? — Нед не дал ярости проникнуть в голос, но последним, на кого он так смотрел, был Эртур Дейн, преграждающий путь к сестре.

Кейтлин отчетливо вздрогнула. Почти каждый в чертоге вздрогнул.

— В каком-то смысле... — насмешливо протянул Мартелл; на миг его взгляд стал серьезным, и он продолжил уже другим тоном: — Эшара Дейн мертва. Очевидно, вам это известно.

Эддард почувствовал, будто его ударили в грудь. Левая рука вцепилась в край стола, а кубок, который Старк держал в правой, лопнул с противным треском.

— Оставьте нас, — выдавил он, возвращая контроль над эмоциями и голосом.

Неду повезло, что из всех знаменосцев у него гостил только Хавал Толхарт, сражавшийся рядом с ним на Трезубце — тот вышел одним из первых.

— Ты можешь остаться, Кейтлин.

Он притронулся к плечу жены самым нежным касанием, на которое был сейчас способен. Та вздрогнула и медленно, будто опасаясь двигаться, кивнула, и Нед перевел взгляд на Мартелла.

— Милая Эшара сбросилась с башни, не смогла пережить потерю брата, — тон дорнийца вновь был насмешливым. — Но я здесь из-за другой смерти, смерти *сестры*.

Оберин долго смотрел на Старка, но Нед отказывался продолжать, и тогда Красный Змей вновь заговорил:

— Моей сестры, лорд Старк. Знаете, давным-давно мы с Элией долго путешествовали, подбирая ей подходящего мужа, а мне — жену. Правда, на Севере мы так и не побывали... Я вернулся из Эссоса лишь два месяца назад — и все это время я потратил, чтобы добраться сюда. Мой старший брат сказал мне, что наша сестра, принцесса Элия, мертва, как и её дети. Вы знаете, милорд..

Кулаки Старка сжались, лицо побелело от гнева, и он поднялся.

— Вам так нравится звук собственного голоса, принц? — Нед почти рычал. — Вы размахиваете своей потерей,

как шпандартом, едва ли Элие это понравилось бы.

Этот проклятый дорниец, видимо, не понимал, что говорит с человеком, потерявшим куда больше, чем Оберин.

— Моя сестра мертва! — рявкнул принц. — Убита!

— А как же моя сестра, Оберин? Моя? — Старк начал говорить тихим, полным гнева шепотом и повышал голос с каждым словом, — Не думайте, что потеряли больше всех. Ваш отец жив, ваша мать жива, ваш брат жив. Знаете, что стало с моей семьей? Мой отец сожжен. Мой старший брат — удушен и сожжен. Моя сестра истекла кровью. Моя мать утопилась от горя, а мой младший брат, вытащивший её тело из озера, ушел в Ночной дозор! — Старк уже кричал.

Он дышал, как разозленный волк, оперевшись на стол, и исподлобья смотрел на Мартелла.

Теплая рука его жены сжала его ладонь, и Старк смог совладать с гневом.

— Я понимаю вашу утрату и мирюсь с вашей наглостью, но перейдете черту еще раз — пожалеете.

* * *

Оберин уезжал из Винтерфелла, оставив в подарок лучших дорнийских жеребцов, а Кейтлин сжимала холодную ладонь мужа и улыбалась. Она знала, кто мать Джона Сноу, и от этого ей было необъяснимо легче. Эддард просил позволить детям расти вместе, и она могла это сделать. А когда мальчик вырастет и неизбежно проявит свои наклонности, быть может, получится уговорить мужа отправить бастарда в Звездопад. Красота Эшары Дейн была такой же легендарной, как мастерство ее брата; её сына должны хорошо принять в Дорне, где ик бастардам-то другое отношение.

Но улыбка на ее лице была не от этого. Нед Старк, мрачный и замкнутый, доверился ей, когда прогнал всех остальных. Возможно, боги дали им шанс полюбить друг друга, как полагается мужу и жене. Он благороден и честен, и она сможет довериться ему, стать другом, соратником и опорой.

Едва Эддард понял, насколько она набожна, он велел построить септу и пригласить септона — не спрашивая ее и не дожидаясь ее просьбы — лишь для того, чтобы жизнь Кейтлин стала лучше. Они делили одну постель, но Нед прикоснулся к ней лишь после того, как покрасневшая девушка сказала, что хочет этого — а осознала она это лишь спустя несколько месяцев.

Она была по-настоящему счастлива, когда их сын произнес первое слово.

"Мама", — промямлил он, глядя в её голубые глаза и вцепившись ручками в платье.

Роббу было чуть больше года. К полутора годам он уже называл мать, отца, сира "Родика" и знал имя сводного брата.

Мейстер же выражал беспокойство из-за Джона Сноу. Бастард научился ходить в восемь лун — невероятно рано, — но не говорил вплоть до двух лет. Септа Модрейн говорила, что это кара богов, но Кейтлин знала — Сноу просто некого назвать мамой. Кормилицы менялись слишком часто, а леди Старк не подходила к бастарду. Ей было жаль мальчика, которому придется расти без матери, и она боялась того, кем он вырастет.

А ещё она злилась. Злилась когда, что этот мальчик начал ходить раньше, чем её сын. Злилась, когда Джон поднимал на неё свои серые глаза. *Глаза Старков*. Злилась, когда Нед брал бастарда на руки.

Кейтлин осталась с ним наедине лишь раз. У малыша жутко резались зубы, и он кричал на весь замок. Служанка побежала среди ночи будить мейстера, а Кейтлин, подумав, что кричит Робб, зашла к ним. Робба в комнате не было, его отнесли туда, где брат его не разбудит. Джон кричал, сидя в кроватке. Мейстер со служанкой пришли лишь через час, все это время она качала ребенка и пела ему "Зимнюю деву".

На следующий день мейстер сказал, что у Кейтлин будет еще один ребенок.

Нося под сердцем дитя, она начала больше общаться со слугами. Визит Оберина Мартелла, как оказалось, породил множество слухов — служанки вновь шептались о Дейнах, а мужчины вновь восхваляли Эддарда, "наступившего на хвост Красному змею". И все больше они говорили о тихом волчонке, как две капли похожем на Неда Старка.

Мальчик заговорил незадолго до своих вторых именин. Служанка гуляла с ним во дворе, шел осенний снег. Тяжелые хлопья пытались накрыть все вокруг — стены, землю, одежду. Мальчик посмотрел вверх и тихо, не детски задумчиво произнес:

— Зима.

* * *

Бастарды взрослеют быстрее обычных детей — так говорил мейстер Лювин, и это больше всего соответствовало Джону Сноу. Сложно быть ребенком, когда у тебя нет матери, а отец — хранитель Севера. Когда он еще мало что понимал, то тянул ручки к леди Кейтлин — ведь та была мамой Робба, а Робб — его братом. Он однажды повторил за братом обращение, но в ответ получил лишь растерянный взгляд рыжей женщины и сочувственный шепот служанок.

У Джона не было матери.

Ему всегда уделяли меньше внимания, чем брату, и он быстро к этому привык, однако почти все время брата

проводили вместе. Они слушали сказки старой Нэн, бегали по коридорам замка и дрались на палках.

Сноу было четыре, когда они впервые поссорились. Было бы хорошо, будь дело в какой-нибудь глупой игрушке или в соперничестве, но дело было в Джоне.

Леди Кейтлин должна была вскоре родить и не могла приглядывать за сыном. Она вообще не выходила из покоев — зима была слишком суровой для женщины на сносях. Вода во рву покрылась коркой льда, а во дворе лежали сугробы.

Забраться на стену и играть там было идеей Сноу. Они пытались перекричать друг друга, размахивали палками и выкрикивая имена героев прошлого. Джон был меньше своего брата и получал палкой гораздо чаще.

— Я Криган Старк, лорд Винтерфелла! — выкрикнул он.

— Ты не можешь быть лордом Винтерфелла. Ты бастард, Джон, — Робб говорил поучительным тоном, будто перед Джоном стоял не он, а его мать.

Что-то загорелось в груди бастарда, что-то, совсем непохожее на слезы. Злость.

Джон хотел дать Роббу в глаз, но нога заскользила по камню, и он неуклюже рухнул, ударившись коленом. Боль молнией прошлась от колена в спину, и слезы сами навернулись на глаза.

Робб засмеялся.

Джон вскочил, схватив палку и ударил брата. Тот отбил, не прекратив смеяться. Джон бил еще и еще, попал по пальцам, вызвав недовольный вскрик. Робб выронил палку, и Джон ударил его снова — по лицу. Хотел ударить еще, но замер, глядя на брата.

Рыжеволосый мальчик всхлипнул, а из ссадины на щеке потекла кровь. Робб толкнул его со всех сил.

Джон отступил назад, неловко перебирая ногами, но попал на то же место и снова поскользнулся. Он переступил назад, пытаясь сохранить равновесие, но нога нащупала лишь пустоту.

И он упал.

Со стены.

Винтерфелл I

Снег резал его лицо. Холод забирался под плащ, под кафтан, под рубаху и впивался мертвыми зубами в плоть. Потрескавшиеся и посиневшие губы не были способны разомкнуться. Уши под беличьей шапкой горели от холода. Грудь дрожала, а при каждом вдохе казалось, что в нос вбивают кинжал и ребра ломают молотом. Не мерзли только ноги — их он уже не чувствовал. По бедру теплой стружкой стекала кровь.

— Кап, кап, — падала она на снег.

В ночи кровь казалась черной. Если не остановить её, он умрет от раны, которую на юге даже не заметил бы. Идти становилось все сложнее. Ноги проваливались по колено в снег, ветер бил ледяными лезвиями по щекам, по глазам... всюду, куда мог дотянуться. Он запахнул плащ увечной рукой и сделал еще один шаг.

— Кап-кап-кап, — говорила с ним кровь. — *Остановись*, — говорила она, — *ты уже мертв*. Кап-кап.

Раненая нога подогнулась, и он упал на колени. Точно так же он упал четыре года назад — тогда он лишился трех пальцев и едва не потерял ногу. В тот раз он зажимал кровоточащие обрубки на правой руке — сейчас он даже не был ранен. Где сейчас тот воин? Тот воин, который ослепил врага собственной кровью и убил бы, если бы его ногу не пробил насквозь кинжал... Что от него осталось? Хромающий, наполовину седой калека, блуждающий на краю мира.

Он так и стоял на коленях, позволяя снегу медленно покрывать его. За день он превратится в небольшой сугроб, и уже никто не будет помнить благородного воина, чей меч когда-то никто не мог остановить.

Он не хотел умирать вот так, в снегу, от холода и мелкой царапины. Он воин, и хотел умереть в бою, *должен умереть в бою*. Он хотел бы обнять старшего брата и младшую сестренку перед тем, как уйти на суд к богам, где его будут ждать прекрасная сестра и дева-северянка, которую он не имел права любить. Но больше всего он хотел снова сойтись в бою с тем воином, полным звериной ярости, воином, который был равен ему. И проиграть. Проиграть *честно*.

Он молился Семерым, но в Зачарованном лесу не было его богов, только белые деревья северян с окровавленными лицами. *Этим* богам он не молился никогда.

"Кровавые деревья, — вот что говорил о них командующий. — Они белые, словно смерть, а из их глаз течет кровь тех, кто им молится".

Северянка лишь смеялась и кружилась в богороще.

"Неужто вы боитесь их, милорд? — её голос звучал так, что на неё невозможно было обидеться. — Они — мудрость Первых людей и тех, кто был до них, они — чистота наших снегов и ключей. Сердце-дерева не требуют ни золота, ни слов, ни поклонения. Лишь уважение".

Воин поднял взгляд и на мгновение в снежном вихре увидел её силуэт. Она танцевала в белом платье, сотканном из чистого снега. Её фигура кружилась, таяла и вновь появлялась. С каждым движением, каждым взмахом рук она отдалялась. Этот танец был прекрасен, был полон дикой силы земель севера. Она была похожа на лань, на волчицу, на кошку... Во вьюге слышался волчий вой, топот сотен копыт северных оленей, треск столетних железностволов и шелест, тихий шелест красных листьев чардрева. В ней звучало журчание леденеющих ручьев, режущее карканье воронов и мурлычущее рычание сумеречных котов. Когда она замерла, тут же распалась тысячей снежинок, и наваждение пропало — слышен был лишь свист ветра.

Там, где она остановилась, он разглядел силуэт дерева — огромное чардревко развело свои лапы почти на сотню ярдов. Он не мог встать, даже опершись на меч — тот по гарду утонул в снегу, поэтому воин полз к чардреву. С каждым футом вьюга стихала, а снег становился менее глубоким. Когда он достиг корней, то понял, что снег кончился — под ним была земля, черная и твердая.

Он привалился к стволу, сев между корнями — такими огромными, что он не мог бы их обхватить. Воин поднял голову. Меж белых ветвей и красных листьев проглядывало небо — черное, с яркой россыпью звезд — такое бывает только перед рассветом. Те же звезды смотрят сейчас на его семью.

Его мысли прервал медвежий рев. Возможно, ему все же придется умереть в бою.

Справа от него из темноты вышла громадная тварь. Если бы она встала на задние лапы, была бы втрое выше мужчины. Правая рука потянулась за мечом, но пальцы — те, что остались — схватили лишь пустоту.

К счастью, те мгновения, которые он потерял, вытаскивая меч из ножен левой рукой, медведь — если это создание могло так называться — ничего не делал.

Оперевшись увечной рукой о ствол, он смог подняться. Зверь смотрел на него желтыми глазами, полными рокошущего гнева. Лишь у одного человека он видел такой взгляд.

Единственное, о чем жалел воин — то, что не видел ребенка любимой. Мальчика, которому не мог быть отцом.

Листья чардрева засияли красным.

Рассвет.

* * *

Мальчик замерзал.

Вода заливалась ему в рот, в уши, в нос, ледяным молотом била по голове. Холод был всюду. Казалось, он проник даже внутрь, под кожу, в грудь, в живот и распускался там острыми синими цветами.

Джон слышал голоса сквозь толщу воды — он их не узнавал. Через маленькое, не закрытое льдом окошко на него равнодушно смотрел кусочек серого неба. Он становился все меньше, все дальше, пока вовсе не стал далекой точкой, единственным источником света в бесконечной, холодной темноте.

Он опускался все глубже, а холод подбирался все ближе к сердцу. Почему он до сих пор не коснулся дна? Почему не задохнулся? Сколько он уже тонул? Джон хотел дернуться, но не мог пошевелить даже пальцем — холод сковал его, запер в собственном теле.

Он хотел закрыть глаза, но не мог даже этого — маленькая, тусклая звездочка все равно оставалась перед взглядом.

И голоса. Голоса не смолкали, они становились все громче и громче. Джон слышал их, будто вокруг не было толщи воды, будто он стоял во дворе Винтерфелла.

— Пойдем, Джон! — он знал, кто это говорил. Знал, но не мог вспомнить. — Джо-он! Ну пошли-и!

Из-за спины выскочила девочка, чуть выше него. Простое серое платье было перепачкано в траве. Темные волосы взметнулись, когда она резко повернула голову. Девочка задорно улыбнулась, махнула рукой, зовя за собой и побежала.

Джон не шевелился, но бегущая девочка от него не отдалялась.

— Давай играть! — девочка нетерпеливо подпрыгивала прямо перед его лицом. — Кузен, ну поиграй со мной!

Она щелкнула его по носу и сложила руки на груди, надув губы. Джон хотел ей улыбнуться и сказать, что у него не было кузин, лишь сестра, рыжая и улыбчивая, но не мог двигаться.

— Отлично! Поймай меня! — она ударила его маленьким кулачком по плечу и снова побежала.

Джон больше не чувствовал холода. Он вообще не чувствовал тела, но почему-то его это не пугало. Джону захотелось смеяться.

— Ну же! Лови меня, кузен! — вокруг него носился серый, восторженно визжащий вихрь. Вдруг Джон почувствовал, как его укусили за нос.

— Ар-р! — Клацнула девочка зубами, — Я дракон!

"Дракон" насмешливо смотрела на него сверху вниз, но обижаться не хотелось — хотелось её обнять.

За левым плечом девочки Джон увидел, наверное, самую красивую женщину в мире.

"Высо-окая, — подумал он, — даже выше моего отца".

Её волосы опускались до колен и будто были созданы из темноты, в которой недавно пребывал Джон. В них был вплетен единственный синий цветок.

"Зимняя роза. Отец их очень любит".

На бледном лице горели нечеловеческие глаза. Джон бы испугался, но улыбка этой женщины не позволяла страху зародиться. Леди Кейтлин так же улыбалась, когда смотрела на Робба и Сансу. Хотя, рядом с *ней* Кейтлин Старк была бы похожа на кухарку.

— Висенья, — тихо проговорила женщина, проходя мимо них, — тебе пора.

— Да, иду.

Девочка посмотрела куда-то за спину Джону и засмеялась. Она прыгнула на него, но не коснулась, а прошла сквозь, будто призрак.

— Найди меня! — раздалось за его спиной.

Слова эхом разносились по пространству, хотя стен здесь не было.

Джону снова стало холодно.

— Тебе тоже пора. Нед ждет тебя.

И Джон понял, что может шевелиться. Вокруг было настолько жарко, что Джон не был уверен, сможет ли вдохнуть.

За окном завывала вьюга, а в замке были слышны крики новорожденного.

Сил едва хватило, чтобы открыть глаза.

Перед ним мелькнул потолок его комнаты, а потом он снова провалился в беспамятство. Джону снова снилась девочка с его лицом.

* * *

Робб сидел у постели брата.

Час назад здесь были все, кто мог: мейстер суетился у постели, отец мрачной статуей стоял в углу, слуги бегали вокруг камина, пытаясь растопить сильнее и не сжечь при этом свои брови, служанки наперебой давали мейстеру советы, которые тот с невероятным спокойствием игнорировал.

Вдруг забежала еще одна служанка — бледная как смерть и растрепанная как воробей. Она что-то сказала

Лювину, тот что-то сказал отцу и люди стали исчезать из комнаты.

Сейчас в комнате не было никого, кроме братьев. По замку разлетались женские крики. Робб узнавал их, в прошлый раз после них появилась Санса. Мама рожала.

Быть может, Роббу тоже стоило идти к ней, но он не мог оставить Джона одного. Вдруг что-нибудь... хотя что с ним может *ещё* случиться? По щекам Робба не прекращали течь слезы. Он поклялся себе, что если Джон сейчас умрет, Робб немедленно уйдет, не прощаясь и не собираясь. Братоубийце не место в Винтерфелле. Может быть, потом он наденет черное, как дядя Бенджен, о котором иногда рассказывала старая Нэн.

— Холодно... — простонал Джон, не приходя в себя.

Робб вздрогнул, будто его снова ударили палкой по лицу. Зачем, зачем он повторил за матерью её слова?!

Темные, старковские волосы прилипли к покрытому испариной лбу, губы, едва-едва вернувшие нормальный цвет, дрожали. Весь Джон дрожал.

Робб подскочил, схватил шкуру и накрыл ей Джона — теперь на нем было уже пять шкур, но замерзать он не перестал.

Робб зажмурился, чтобы не видеть дрожащего брата, но это не помогло.

Робб видел, как Джон спиной проламывал тонкий лед и исчезал в темной воде рва. Его брат не издал ни звука во время падения, а потом Робб услышал лишь хруст льда — или костей. Он снова и снова слышал этот хруст.

— Помогите ему! — кричал он, но вокруг не было ни души.

Его горло сдавило, и это был вовсе не холод.

Он бежал так быстро, как только мог, кричал так громко, что горло жгло болью. Робб пробежал по стене, спустился по лестнице, перепрыгивая через несколько ступеней — последний десяток он преодолел кувырком, отбив все, что можно было отбить. Рука до сих пор болела, но он даже не заикнулся об этом мейстеру.

Выбежав из башни, он запутался в ногах и чуть не слетел с моста в ров. Потом вскочил и побежал снова. Его грудь горела от холодного воздуха, шапка слетела — и Робб не смог бы вспомнить, когда. Лицо было в крови. Или в слезах, он не был уверен.

Робб вбежал во внутренний двор и врезался кому-то в грудь.

— Помогите! Он т-тонет... — Робб сорвал голос и прорыдал последние слова в грудь неизвестному. Неизвестным оказался Джори Кассель, один из гвардейцев Старков.

Робб пытался объяснить, что случилось, что он не виноват, что не хотел вредить Джону, но его никто не слушал — Кассель бежал ко рву, неся маленького Старка подмышкой. Робб не мог остановить слезы.

Когда они забежали на мост, соединявший внешнюю и внутреннюю стены, Джон уже лежал там. По нему стекала вода, его била крупная дрожь. Из одежды остались одни штаны, а каштановые волосы превратились в обледенелый комок. Он свернулся и обхватил ноги, пытаясь сохранить немного тепла.

— Х-холодно... — бормотал он синими губами. — Мне холодно... но.

Робб взглянул на ров. Дорожка из пробитого льда шла от места, куда упал Джон — куда *Робб* столкнул его — до места, где мост встречался с внешней стеной. Тем временем Джори бросился растирать мальчика и накинул на него мгновенно снятый плащ. Робб рывками стянул перчатки и отдал брату.

Кассель перекинул Джона через плечо, поднял Робба и побежал в замок.

— Холодно, — шептал Джон, кутаясь в шерстяной плащ, — холодно..

Когда Робб открыл глаза, он наткнулся на мутный взгляд брата.

* * *

Эддард положил ладонь на лоб забывшейся супруги. Как и два года назад, рожая, жена гнала его прочь. И, как и в прошлый раз, Нед знал — завтра она будет благодарна за то, что он не ушел. По словам Лювина, эти роды были проще предыдущих. Девочка чуть ли не сама вылезла из матери.

"Сильная воля", — сказал тогда мейстер с легкой улыбкой.

Она кричала так, что вьюга за стенами, должно быть, пугалась этой малышки. Её глаза цвета закаленной стали напомнили ему Брандона — и Джона Сноу, отчего сердце лорда Винтерфелла прекратило радостный пляс.

Нед и сам хотел сейчас лечь рядом с женой и забыться в усталом сне, но где-то там, в маленькой комнате, замерзал мальчик, которого он обязан был защищать от всего.

— Вы дадите ей имя, милорд? — напомнил о себе Лювин. Его голос был похож на скрип страж-деревьев.

"Лианна", — чуть было не сказал Нед, но вовремя остановился.

Видят боги, он желал дочери смелости, красоты и гордости сестры, но не желал малышке её судьбы.

— Арья. Её зовут Арья Старк.

Эддард поцеловал дочь в лоб и едва вырвался, когда маленькая ручка ухватила его за нижнюю губу. Потом он оставил легкий поцелуй на щеке своей супруги и широкими шагами вышел из покоев.

Лишь чтобы застать улыбающегося Робба.

— Он жив, отец! — закричал тот, едва завидев Неда. — Он открыл глаза! Я видел...

Дальше кричать Эддард ему не позволил.

— Твоему брату нужен покой.

Робб замер, поклонился и, уже гораздо тише, заговорил:

— Я могу остаться с ним?

Боги, как же он напоминал сейчас Брандона. Старший брат Неда отказывался отходить от кровати сестры, когда та болела, а если отец выгонял его силой — пробирался ночью и спал рядом с её постелью, на шкарах.

— Ты можешь навестить его завтра, Робб. — Нед положил руку на плечо сына и попытался заглянуть ему в глаза. — Ты сделал для него все, что мог сделать брат. Я горжусь тобой.

Робб опустил взгляд, что-то пробормотал и выбежал из комнаты.

"С падением Джона все не так просто", — сразу же понял Нед.

Но еще он знал, что секреты — это то, что делает братьев братьями.

Лювин пришел спустя четверть часа. Мейстер был уже стар, а из комнаты Джона в покои Кейтлин ему пришлось бежать. Сейчас Лювина под локоть поддерживал Джори, почему-то винящий себя в случившемся с Джоном — молодой гвардеец очень привязался к мальчику, растущему без матери.

Пока Эддард был один, Джон дважды открывал глаза, оглядывал комнату пустым взглядом и вновь забывался в болезненном сне.

Лювин долго его осматривал, прикладывал ухо к груди, стучал по спине, где расплылся огромный синяк, щупал шею.

— Ему повезло, — удивил мейстер Неда. — Будь лед толще, падение бы его убило, а не будь льда вовсе, он бы не смог выбраться из рва. Хотя я не понимаю, как мальчик смог дышать, плыть и вообще оставаться в сознании после такого удара, — Нед открыл рот, чтобы задать вопрос, волновавший его куда больше, чем толщина льда, но мейстер продолжил: — Ушибы сильные, но не опасные. Гораздо хуже то, что он провел несколько минут в ледяной воде, а потом — на холодном воздухе...

Мейстер говорил долго, но все, что Нед понял — Джону предстоит пережить несколько дней горячки.

Эту ночь Нед провел рядом с постелью Джона. Эддард прошел войну, терял друзей, видел, как его сестра умирает у него на руках.

Видят боги, никогда еще ему не было так страшно, как в эту ночь.

Джон дышал неровно, с хрипами, и иногда вздрагивал от боли в спине, а Нед мог лишь беспомощно на это смотреть. Каждый вздох Джона казался последним, и хранитель Севера вскакивал, склоняясь над мальчиком, чтобы услышать свистящий, болезненный вдох. В тених, отбрасываемых огнем на стену, Нед видел свою умирающую сестру, маленькую девочку Рейнис, с кровавым месивом вместо груди, грудную девочку, которой не хватило сил жить, принца Эйгона, разорванного надвое, летящую навстречу скалам Эшару Дейн. Он не смог их спасти... неужели боги накажут Джона вместо него?

Когда дверь скрипнула, Нед выхватил кинжал быстрее, чем понял, что делает. Слуга замер на пороге — он всего лишь собирался подбросить дров в камин.

— Вон, — одними губами произнес Эддард.

Слуга убежал так быстро, что Нед даже не успел увидеть его лица.

Нед сам подбросил в камин дрова и вновь сел рядом с Джоном. Холодный воздух, ворвавшийся, когда слуга открыл дверь, заставил мальчика задрожать и сжаться в комок под кучей шкур.

Джон ненадолго очнулся лишь утром. Восторженная улыбка, появившаяся на бледном лице, и неверяще расширившиеся глаза едва не заставили Неда заплакать.

Он напоил Джона горячим, вонючим отваром — тот выпил, не морщась, продолжая смотреть на отца. Потом Эддард поцеловал мальчика в лоб и ушел, прислав к Джону слуг.

Следующую ночь рядом с ребенком был Лювин. По его словам, если Джон сможет пережить третью ночь — выживет. Вся его спина была одним черным синяком, а к хрипам добавился жуткий кашель, но теперь он хотя бы был в сознании.

Третью ночь с ним провела Кейтлин. Его жена, лично вскормившая первых двух детей, отдала новорожденную дочь кормилице, чтобы ухаживать за бастардом.

Когда же он утром увидел жену — бледную и с мешками под глазами, держащую Джона за руку, Нед, впервые с тех пор, как покинул Орлиное гнездо, искренне улыбнулся.

Через десять дней Джон уже мог вставать, а к следующей луне кошмарный ушиб полностью прошел.

Нед сам познакомил Джона с Арьей, его младшей сестрой. Едва Они подошли к кроватке, девочка кинула в них какой-то фигуркой. Вырезанный из дуба орел ударился о грудь Неда и упал на пол. Потом Арья ухватила потянувшегося к ней Джона за палец, пытаясь добыть из него молоко.

Джон замер, улыбаясь так широко, что становился совершенно непохожим на Неда. Свободной рукой мальчик погладил сестру по голове, покрытой темными волосами. Потом он легонько ткнул её в нос пальцем. Девочка

удивленно уставилась на старшего брата и улыбнулась беззубым ртом.

— М-можно? — заикнувшись, спросил Джон, а после кивка Эддарда, аккуратно, будто та была сделана их мирийского стекла, поднял сестру. Обычно дети кричат, когда их поднимают, но Арья, оказавшись на руках брата, лишь захихикала.

— Привет, — он наклонил голову, почти касаясь своим носом носа сестры — Я твой сводный брат, Джон.

Арья продолжала хихикать.

На следующий день, за обедом, стюард сказал, что кто-то украл из зимнего сада три маргаритки, а их всего было лишь несколько десятков. Нед спросил Джона, не те ли это маргаритки, лепестки которых валяются у кровати Арьи. Тот, жутко смущаясь, рассказал, что сестра начала бить его маргаритками по лицу.

Нед посоветовал подарить сестре игрушку — и Джон неделю пропадал у резчика по дереву, после чего принес корявую фигурку, похожую на пузатого волка, овцу и, немного, ворона с плоским клювом. Арья, улыбаясь, запустила её Джону в лоб.

На следующий день в зимнем саду пропали несколько незабудок.

Обычно лорд Старк бывал в богороще в одиночестве, но этот раз был исключением. Они стояли перед сердцедревом, и Эддард легко сжимал плечо сына.

— А почему без Джона? — растерянно спросил Робб. — Он любит богорощу больше, чем я. Это потому, что он бастард, да?

На мгновение Нед сжал челюсти до боли. Он надеялся, что это слово и его значение дети узнают не раньше, чем возьмут в руки сталь.

— Нет, Робб. Джона тут нет потому, что он не станет лордом Винтерфелла, — хотел бы Нед слово в слово повторить отцовскую речь, но второй сын не знал, что отец говорил его старшему брату. — Слушай меня, запоминай, что я говорю, и не перебивай. Слова нашего дома — зима близко. Мы северяне, Робб, а Север холоден и жесток. Нужно быть сильным, чтобы жить здесь, а чтобы править Севером, нужно быть сильным дважды. Ты не должен пировать, когда наступает зимний голод, ты не должен носить шелков и золота — они созданы не для Севера, ты не должен продавать еду осенью. Если ты когда-нибудь приговоришь человека к смерти — отнимай его жизнь сам. И самое главное — всегда защищай свою семью. Теперь ты можешь задавать вопросы.

Несколько минут Робб молчал, а потом вопросы посыпались, словно осенний снег.

Когда отец и сын вышли из богорощи, на небе горели звезды.

Со следующего утра Робб начал заниматься фехтованием и конной выездкой, а мейстер начал учить его письму и геральдике. В каждом из этих занятий к нему присоединился Джон. Но, когда Джон убежал играть или лазать по деревьям, Робб оставался с мейстером учиться военному делу и истории, пускай Кейтлин и говорила, что ему слишком рано. Теперь, вечером каждого второго дня, Робб приходил к отцу — не в покои, а в кабинет, где Эддард рассказывал сыну о ситуации на Севере.

Джон же заменил игры с Роббом на редкое общение с сестрами и пропадал либо на тренировочном дворе, размахивая деревянным мечом, либо в кузнице, пялясь на то, как работает добродушный здоровяк Миккен.

Цветы из зимнего сада продолжали иногда пропадать.

За одну луну Джон смог выяснить, что Арья любит только колокольчики и зимние розы, о чем Нед узнал, увидев дочь, жуящую синие лепестки.

Его отец говорил, что Старки не умеют смеяться — что ж, сегодня это стало ложью.

Спустя несколько дней после пятых именин Робба из Цитадели прилетел белый ворон.

Наступила весна.

* * *

Джон сбил деревянный меч в сторону, и её сын получил куском дерева по голове. Сердце Кейтлин на секунду остановилось, но Робб лишь улыбнулся, а из-под толстого кожаного шлема весело блеснули голубые глаза. Она и не думала, что будет так волноваться — Кейтлин видела десятки турниров и ни на одном из них не забывала, как дышать. Даже когда её жених едва не убил Петира, она так не волновалась.

А вот Арью, кажется, мало волновало, насколько сильный удар получил её брат. Она ворочалась, хлопала ручками и смеялась, глядя на бастарда, неловко вращающего в руках меч. Тот, услышав её, повернул голову. Арья тут же замахала ему, заерзала на коленях матери и кокетливо-смущенно улыбнулась. Такая улыбка была только у Лизы.

Сноу помахал ей в ответ, тут же получив удар по пальцам. По звуку — весьма болезненный. Он выронил меч и схватился за руку.

— Джон! — воскликнул Робб, тут же бросая свое оружие. Он подскочил к сводному брату. — Все в порядке?

Бастард взглянул на брата и выдавил улыбку, тряся отшибленной рукой.

— Извини, Джон.

Арья удивленно замерла, а потом, вытянувшись в струнку, протянула:

— Зо-о-он.

Тот тут же забыл про отбитые пальцы, про стоящего рядом брата и про сползший на глаза шлем. Сноу сделал несколько шагов к Арье, но остановился, испуганно глядя на Кейтлин. На миг ей стало стыдно.

— Зон! — требовательно воскликнула Арья.

Сноу мгновенно подбежал к ним, и Кейтлин изобразила самый равнодушный взгляд, на который была способна — улыбнуться бастарду она не могла. Он наклонился к сводной сестре.

— Зон, — довольно улыбнулась та, схватив единокровного брата левой рукой за верхнюю губу. Она смеялась. Смеялся рыжий Робб, смеялись серые глаза Сноу, смеялась маленькая Санса, сидящая рядом с септой, добродушно хохотал Родрик Кассель. Будь здесь её муж, он бы тоже засмеялся, но леди Старк смеяться не хотелось.

Это было первое слово, сказанное её дочерью. Девочкой, которую она выносила, родила, которую кормила своей грудью, которой пела каждый вечер. И первым её словом стало имя единственного в мире человека, которого Кейтлин ненавидела.

Да, она ненавидела мальчика. Презирала себя за это, но ненавидела. Само его существование означало, что Нед, её любимый Нед, был с другой женщиной. Этот мальчик отбирал у её детей любовь отца, а теперь отбирал у неё любовь дочери.

Кейтлин жалела его, сочувствовала ему, но, знают боги, она ненавидела этого бастарда.

Из мыслей её вывел окрик сира Родрика, возвращавшего детей к тренировке.

Кейтлин передала Арию служанке и быстро удалилась в сторону септы. Хотелось дать самой себе пощечину.

Септа Винтерфелла была, должно быть, самой маленькой из существующих, но лишь здесь она могла найти своих богов. Кейтлин не была в ней больше года. Обычно, когда она заходила сюда, чувствовала облегчение, но сейчас Кейтлин показалось, что её грудь стянули стальным обручем.

Она не отважилась поднять глаза на лик Матери, которой молилась всегда, когда бывала в здесь. Мысль взглянуть на Деву ей даже в голову не приходила. Отец смотрел на неё темными глазами Джона Сноу, а взгляд Старицы казался разочарованным.

В прошлый раз она молилась Неведомому. Ей снилось, что её дитя родится мертвым, и она пришла просить не забирать его, но, стоя на коленях перед олицетворением смерти, она просила не о ребенке, а о Джоне Сноу. Робб сказал ей, как Джон назвал себя королем Севера. Это была лишь детская игра, Кейтлин знала об этом, но все равно боялась. И она просила, молила забрать жизнь бастарда, а не ребенка, которого она носит под сердцем.

И боги услышали её. Девочка родилась здоровой, насколько вообще может быть здоровым ребенок. А бастард лежал при смерти.

Кейтлин едва могла стоять после родов, но она провела с ним ночь, которая должна была стать его последней. Она плакала и просила прощения у богов, держала страдающее дитя за руку и вытирала с его лба испарину. К утру он почти не дышал, а Кейтлин уверилась, что стала детоубийцей.

Но Джон Сноу выжил, и теперь боги решили наказать Кейтлин, отобрав у неё любовь Арьи и отдав Джону Сноу. Женщина не помнила, чтобы Арья улыбалась ей так, как улыбалась бастарду, и, в отличие от своих родных брата и сестры, куда больше любила грудь кормилиц, чем материнскую.

Санса, старшая дочь, жалась к матери каждый раз, когда видела снег или слышала ветер, а Арья смеялась и ползла к окну, сквозь ставни которого иногда прорывались одинокие снежинки. Арья, когда слышала завывания ветра, сама начинала выть, подобно волку. И, видят боги, иногда девочка бывала громче вьюги.

Кейтлин стояла на коленях уже больше часа, Отец все так же смотрел на неё холодными глазами, а его брови были грозно нахмурены. Молиться Кейтлин так и не начала.

Её муж вернулся через несколько дней. Боги, она и не знала, что может так скучать по кому-то! Рядом с Недом на лошади ехал настоящий великан — Большой Джон Амбер. Нед говорил ей, что лишь Джон Амбер способен сравниться силой с королем. Иногда он говорил еще об одном рыцаре-гиганте, но тогда лицо её мужа становилась таким, что Кейтлин хотелось убежать.

Амбер был в Винтерфелле лишь однажды, и тогда он не слишком понравился Кейтлин, но вызывал у неё улыбку. Этот великан кричал, хохотал и всегда говорил первое, что придет в голову.

Так было и сейчас. Кейтлин тонула в объятьях мужа, когда Амбер спрыгнул с лошади, подошел к детям. Робб и Джон стояли рядом. Великан проигнорировал рыжего мальчика и подхватил бастарда, подняв на уровень глаз.

— Не ешьте его! — крикнула трехлетняя Санса.

Амбер расхохотался, и Кейтлин показалось, что от этого хохота дрожат древние стены замка.

— У тебя лицо волка, — проревел он. — Ты Робб?..

Он не успел договорить — Робб со всех сил пнул великана по ноге.

— Отпусти его!

— Я Джон Сноу, милорд, — как голос мальчика, висящего над землей, оставался спокойным — загадка для Кейтлин.

Амбер поставил его на место и наклонился к Роббу. Тот сглотнул, а Джон встал рядом с ним.

— Настоящий вожак, — кивнул лорд Амбер, глядя на рыжего мальчика. — Обычно дети от меня убегают!

Он снова зашелся хохотом, а сердце Кейтлин Старк похолодело.

Джон Амбер провел у них всего одну луну — за это время он успел подраться с кузнецом, одарить двух служанок бастардами и наткнуться во время охоты на громадного медведя, чья шкура теперь висела в кузнице как знак уважения за выбитый зуб.

Он не уставал нахваливать меткость Неда — её муж убил оленя с сотни ярдов, попав стрелой прямо между рогов, и насквозь пронзил копьем вепря.

На прощальном пиру Амбер предложил взять одного из детей Неда на воспитание — его очень впечатлило, что ни один из них не испугался бородатого великана.

Большой Джон смотрел при этом на своего тезку, что снова покорило Кейтлин — он ставил бастарда в один ряд с её детьми.

Арья швырнула в гиганта деревянной ложкой, и Эддард перевел это предложение в шутку.

Чем старше становились сводные братья, тем больше разницы между ними было видно. К седьмым именинам, когда Кейтлин снова была на сносях, Робб обгонял брата в росте почти на три дюйма.

Сир Родрик нахваливал бастарда, утверждая, что у того талант к мечу и верховой езде. Узнав об этом, Сноу начал размахивать палкой в любую свободную минуту. С Роббом все получилось ровно наоборот. Мейстер похвалил его старательность, после чего Робб начал махать палкой вместе с единокровным братом.

Нед взял их на суд — Кейтлин говорила, что им еще рано, но после седьмых именин Робба Эддард решил, что тот достаточно взрослый.

Джон уезжал, сидя за Джори Касселем, а Робб делил лошадь с отцом.

— Зачем? — спросила она тогда. — Они ведь уже давно могут ехать сами.

— На обратном пути им нужно будет думать не о том, как не упасть с лошади.

Робб вернулся притихшим, а Сноу, казалось, вовсе онемел. Сын в ту ночь попросился спать рядом с матерью, а Джон... Утром она нашла его спящим у кровати Арьи.

Кейтлин никак его не наказала — она знала: дружба её дочери с бастардом — плата за жизнь девочки и грехи её матери.

Её четвертые роды были поразительно легкими. Их второго сына Нед назвал в честь своего старшего брата, и, кажется, это заставило младшего брата хранителя Севера вернуться из добровольного изгнания.

Кейтлин видела всех Старков, кроме Бенджена. Она ожидала более молодого Эддарда — но Бенджен больше всех походил на Рикарда.

Он въехал в Винтерфелл на черной лошади, завернутый в черный плащ, а его лицо по цвету больше подошло бы мертвецу. Горбатый, явно несколько раз сломанный нос, и длинное исхудавшее лицо делали его похожим на ворону.

Когда он заговорил, Кейтлин была готова поклясться — у дозорного вместо сердца кусок льда. Он говорил коротко, рвано, будто не разговаривал несколько лет, а звук его голоса напоминал зимнюю вьюгу и треск льда.

Он уволок Неда в крипту, едва слез с лошади. Они провели там больше часа; Робб — мальчик все время улыбался с тех пор, как обзавелся младшим братом — давно утащил Джона в чертог, Арья молнией увязалась за ними, а Санса, как и сама Кейтлин в детстве, спокойно ушла с септой. Бран тихо сопел на руках кормилицы. Кейтлин сначала хотела послать в крипту слуг, но Бенджену могло это не понравиться — крипта была местом Старков. И Кейтлин пошла сама.

Кейтлин редко бывала здесь. Крипта, как и богороцца, были местом уединения её мужа.

Яростные крики эхом отражались от стен, множились, и Кейтлин казалось, что все короли зимы кричат одновременно.

— Думаешь, я слепец? — рычал Бенджен. — Или идиот? Нед, я понял, чей он ублюдок, едва взглянув на него! Как ты мог притащить в Винтерфелл этого... этого... эту *тварь*!?

Слова эхом отражались от стен крипты и иглами вбивались в сердце Кейтлин. Она думала, что ненавидит мальчика, но, в сравнении с Бендженем, леди Старк любила его.

— Джон — моя кровь! — голосом Нед можно было крошить камни и сжигать города. — *Твоя* кровь, брат!

Муж пролетел мимо неё, даже не заметив.

Бенджен, сгорбившись, стоял над могилами своей семьи. Его плечи тяжело поднимались.

— Прости, — он положил руку на камень, — мне не следовало...

Кейтлин не смогла удержать любопытство.

— Прошу прощения, — мужчина даже не пошевелился, — я поняла, что вам неприятно об этом говорить, но... что сделала Эшара Дейн, что вы её так ненавидите?

— Кто такая Эшара Дейн? — глухо ответил Бенджен.

Винтерфелл II

С моря доносился горячий летний ветер. Он обдувал резной балкон и врвался в комнату, оставляя на теле приятное тепло. Ветер играл с тонкими алыми шторами. Через них проходили лучи закатного солнца, и вся комната становилась красной, словно логово бешеного зверя или злобного демона, пожирающего девственниц на ужин и детей на завтрак.

Хотя ни детей, ни девственниц в этих покоях никогда не было.

Дверь открылась без скрипа, и в комнату буквально вплыла рыжая красавица. Он улыбнулся. По понятным причинам ему не нравились блондинки, а темноволосые слишком сильно бередили воспоминания.

Девушка была выше него всего лишь на фут, а чудесное личико больше подошло бы ребенку...

— Сколько тебе лет?

Она вздрогнула, взглянула на него и покраснела — или нет, в этих отсветах было не разобрать.

— Девятнадцать, м'лорд.

Значит, простолюдинка. К тому же лгунья.

— Чудесно! — воскликнул он. — Выходит, мы ровесники. Выпей со мной.

На вырезанном из кедра столике в его покоях всегда стоял кувшин арборского вина. Отец запрещал слугам приносить в его покои вино — как и пускать шлюх, но сейчас отец был в Хайгардене вместе со всей семьей. Тиррелы едва ли не каждый месяц организовывали турниры, но этот грозился превзойти все предыдущие. В нем должны будут участвовать король, все семь королевских гвардейцев и лучшие из рыцарей, а на трибунах — сидеть хранители запада, востока и юга. И, впервые со свержения Безумного короля, Дорн тоже примет участие.

Будь он там, поставил бы на победу брата — тот мог копьем сбить с головы человека яблоко, не испортив прическу, но быть там означало вновь увидеть сестру, которая любила его так же, как собака — кусок мяса.

Вино в кубке закончилось, и он решил не думать сегодня о семье.

— Как тебя зовут?

Он снова наполнил кубок до краев. Вино, наверное, было лучшим, что придумали люди.

— Элейн, м'лорд.

Девушка дрожала явно не от холода. Та грация, с которой она появилась, развеялась, обнажив маленькую и испуганную девочку.

— Сколько тебе лет, Элейн?

— Тринадцать, — она уставилась на свои ноги и покраснела — теперь уже точно.

Он снова осушил кубок.

— Почему ты здесь, Элейн? — он старался, чтобы голос звучал мягко, но он был слишком возбужден и слишком пьян.

Та вздрогнула и неловко переступила с ноги на ногу.

— Как же, м'лорд, вы же звали... — забормотала она.

— Я не хочу повторять каждый свой вопрос.

Сейчас она действительно испугалась. Нижняя губа её дрожала, а из глаз медленно катились слезы.

— Мой отец мне сказал... — захлебываясь, начала она. — Он сказал...

— Хватит, — поднял он руку. Затем налил вино во второй кубок и протянул его девочке, — пей.

Она нерешительно притронулась к кубку — тот был отлит из золота и украшен серебряным узором. На один такой кубок она могла бы прожить шесть лет летом — или год зимой. Он знал это.

Когда она отпила, он снова заговорил.

— Я не люблю скуку, Элейн. В мире нет ничего хуже скуки, — *разве что мой отец*, но это, разумеется, он не произнес. — Я позвал тебя, чтобы ты развеяла мою. Ты можешь петь, танцевать, говорить или трахаться — главное, сделай так, чтобы я не скучал.

Она неуверенно улыбнулась. Неужто она думала, что здесь её будут насиловать?

Танцевала она неплохо, но не лучше танцовщиц Лисса, которых он видел на пирах. Петь Элейн и вовсе не умела. И почему-то — он и сам не знал, почему — он не хотел с ней спать.

Говорить она умела. История оказалась не хуже прочих. Пристрастившийся к элю отец-фермер, рано умершая мать, навязчивые до невозможности ухаживания мужчин — один из рецептов шлюхи. Это не было интересно. Но когда она заговорила о своих снах, мечтах и стремлениях, он замер с открытым ртом.

Она мечтала увидеть дракона — как и он сам. Мечтала взглянуть на мир с высоты полета, ощутить всем телом ветер, облететь весь Вестерос. Посмотреть, правда ли за Стеной летом лежит снег, увидеть пески Дорна, взглянуть с утеса на морской шторм...

Они долго спорили, что стоит увидеть первым — Штормовой предел или Харренхолл. Элейн говорила, что Харренхолл — развалины и это всем известно, а на развалины нечего смотреть. Он же утверждал, что в Штормовом

пределе ничего необычного нет. Замок, древний и громадный, как и утес Кастерли, но Харренхолл, даже разрушенный — больше.

Оставшись каждый при своем мнении, они, хохоча, упали на кровать — вино делало свое дело. Элейн, как оказалось, боялась щекотки.

Кровать была настолько огромной, что на ней могли бы легко разместиться шесть человек — она стала их полем боя, в котором Элейн безнадежно проигрывала. Да, он был низким, но его руки сильными, а ловкость маленьких людей сложно переоценить. В конце концов они свалились даже с такой огромной кровати.

Она нависла над ним, рыжая и растрепанная, карие глаза горели озорством. Поцелуй его удивил, но враспloch не застал.

Спустя час, когда их тела уже покрывал пот и другие жидкости, ему пришла в голову хорошая идея.

Элейн поднялась неохотно, но когда он вывел её на балкон, завизжала от восторга. Его покои были одними из самых высоких в замке, а сам замок, наполовину построенный, наполовину выдолбленный в огромной скале, был втрое выше Стены.

Она раскинула руки и запрокинула голову, подставляя голое тело ночному ветру. Элейн стояла так несколько минут, после чего опустила на колени, став ниже него.

— Спасибо вам, м'лорд, — его естество напряглось от этих слов, и она это заметила, — я не забуду этого дня.

— Значит, хоть кто-то будет помнить, — пожал он плечами, — ведь завтра я его забуду.

Дальнейшие рассуждения были остановлены теплым ртом, накрывшим его плоть. О, она была восхитительно неумелой! Он наслаждался видом её лица несколько минут, а когда поднял голову, невольно вскрикнул.

— Простите... — начала она, но он поднял Элейн с колен и развернул на юг. Там, за холмами, будто зажглось второе солнце.

— Боги, — выдохнула она, — это дракон.

— Кажется, я все-таки запомню этот день, — пробормотал карлик. — Это не дракон, дорогая Элейн. Это Ланниспорт.

* * *

Нед лежал на кровати, на его плече покоилась голова жены. Её волосы пахли, словно осенние яблоки — мягко, чуть сладко, почти неслышно. Этот запах был единственным, что он помнил с брачной ночи, и первым, что он полюбил в Кэт.

Её волосы всегда успокаивали Неда, они были будто созданы из огня, но не того, в котором сгорел Летний замок и сотни людей перед тронном Безумного короля, а того, рядом с которым ему пела мать. Сегодня они его успокоить не могли.

Бенджен провел в Винтерфелле несколько лун, и это было самое напряженное время с момента рождения Арьи. С детьми Бен был вежлив и весел, даже с Джоном, но рядом с Недом превращался в ледяную статую. А когда он смотрел на Джона, в его взгляде просыпалась ярость, которую Эддард видел лишь в Харренхолле. Меньше всего Бенджен хотел походить на Брана, но — проклятье! — они были самыми упрямыми людьми, что рождались в Вестеросе за последнюю сотню лет. Даже прокричи Нед правду ему в лицо, Бен бы не поверил.

Но кровотокающий гневом младший брат не был самой большой проблемой — Кэт услышала их ссору в крипте. Его жена никогда не была глупой, и, если она будет пытаться узнать о матери Джона, то рано или поздно придет к тем же выводам, что и Бен. Но Бену Эддард мог сказать правду, а для Кэт правда о рождении Джона будет хуже любой версии, которую она могла бы придумать.

И если Бен с каждым днем становился спокойнее, понимая, что Джон меньше всего похож на женщину, которую Бен считал его матерью, то Кэт становилась все мрачнее, и по взгляду было понятно — она боится Джона Сноу.

Кэт заворочалась на его плече. Нед припал губами к её макушке и провел пальцами по щеке. Не просыпаясь, его жена улыбнулась. В последнее время спящая Кэт любила его куда больше, чем бодрствующая.

Уже давно Бен уехал в Черный замок. День его отъезда был первым днем, когда Бен вспомнил, что Эддард его брат. Они снова посетили крипту, но в этот раз молча. Несколько часов они стояли перед статуями отца, брата и сестры, а когда вышли из крипты — снова стали семьей. Когда Нед смотрел на лицо брата, которое выглядело старше его собственного, он не мог не вспоминать услышанный от слуг рассказ.

Их мать утопилась в Долгом озере, когда узнала, что Лианна умерла. По словам тех гвардейцев, что оставались тогда в Винтерфелле, Бен впал в безумство и зарубил служанок, что были приставлены к матери, а потом провел в воде больше десяти часов, пытаясь найти её тело, после чего лично похоронил. Со слов Лювина, лихорадка мучила Бенджена почти две луны, но тот, узнав, что Нед скоро будет в Винтерфелле, взяв коня, меч и лук, уехал на север.

Когда Бен, махнув напоследок рукой и улыбнувшись, уехал в проем северных ворот, Нед осознал — прошло уже десять лет. Десять лет назад он оставил младшего брата управлять Севером и пообещал вернуть домой сестру. Бену тогда было лишь пятнадцать лет — сейчас ему никто не даст меньше сорока. Даже Джон, самый внимательный из

детей, решил, что Бен — старший брат Неда.

Как же хотелось тогда Неду оседлать коня и проделать весь путь до Черного замка рядом с братом, растрепать ему волосы и обнять, как обнимал десять лет назад.

Но лето длилось уже долго, и вскоре должна была прийти осень, а с осенью всегда приходят заботы. Одичалые на севере, разбойники в Волчьем лесу и горцы на перешейке — к этому нужно быть готовым. Тогда Нед не знал, что из Цитадели прилетит ворон с сообщением, что лето продлится еще не меньше двух лет.

Не успела осесть пыль от коней дозорных, когда Кэт заговорила о Джоне. Она уже не спрашивала, кто его мать — Нед тогда проваливался в воспоминания, а это её пугало.

"Отправь его воспитанником, — вот что она говорила, — отправь в Темнолесье, Последний Очаг, раз уж он так приглянулся Амберу или в Кархолд. Или напиши Джону Аррену — он может воспитать ребенка в любом из замков Долины, как тебя когда-то".

Хотел бы Нед послушать её, но Джону не место в Последнем Очаге или Кархолде, а Долина для него так же безопасна, как Королевская гавань. Если Бен разглядел в Джоне не только волчью кровь, то могут увидеть и другие. К тому же в Долине ненавидели три вещи — бастардов, Дорн и зиму, а Джон напоминал о каждой из них. Для мальчика нет места безопаснее, чем Винтерфелл.

Жаль, этого его жена понять не могла.

В дверь постучали, и Кэт проснулась, тут же отодвинувшись от мужа. Нед вздохнул. Поздним гостем оказался мастер.

— Милорд, письмо из Хайгардена, — что могло понадобиться на Севере Тиреллам? — с королевской печатью.

Нед сжал зубы. Мейс Тирелл год пировал под стенами Штормового Предела, в котором люди ели свои сапоги, сдался последним и сдался без боя — из всех лордов Семи королевств Эддард меньше всего уважал именно этого напыщенного индюка.

Печать легко хрустнула, и Нед почувствовал, что улыбается. Это письмо не было данью вежливости — еще на начиная читать, он понял, что Роберт писал его лично. Буквы были кривыми, будто написанными посреди боя.

Нед!

Надеюсь, ты все так же хорош с мечом, ведь я снова зову тебя на войну. Проклятые кальмары сожгли Ланниспорт, и теперь Бейлон Грейджой теперь называет свою задницу королевской. Я хочу, чтобы мы вместе вошли в Пайк и окунули этого идиота в море, чтобы тот познакомился со своим богом.

Я жду тебя и твоих людей в Гибельной крепости, через две луны. Мы выпьем доброго эля, поговорим о детях и разможем пару черепов.

Роберт всегда любил войну. Нед помнил, как примчался спасать Роберта в Каменную Септу.

Городок был настолько маленький, что даже армии Севера было бы там тесно. Они сражались везде — в любом мелком переулке, на крыльце борделя, даже на крышах кипел бой. Колокола звонили едва ли не громче, чем кричали десятки тысяч солдат. Нед в той битве обзавелся самым большим из шрамов — его сбросили с крыши, и бок вспорол аж до плеча. Неглубоко, но крови было много, а лекарь зашивал рану добрых полчаса. Роберт вместе с двумя десятками сторонников выбежал из борделя, даже не облачившись полностью в доспехи. Его левая рука висела плетью, а правая сжимала боевой молот. Таким Нед его и увидел — наполовину раздетый, покрытый кровью великан в разорванной кольчуге, из рук которого удачливый рыцарь выбил молот. Роберт ударил соперника кулаком в латной перчатке, и Нед мог поклясться, что слышал, как у того хрустнул череп. Рыцарь свалился с коня. В его шлеме была огромная вмятина. А Баратеон выхватил из мертвой хватки соперника меч и запустил на два десятка ярдов, едва не убив Джона Коннингтона.

После боя Роберт смеялся, обнимал Неда и пил, но Старк никак не мог перестать видеть промятый шлем с кровавым месивом внутри. Нет, Эддард Старк никогда не радовался войне.

* * *

Он, наверное, наизусть знал дорогу в покои сестры. Войти со двора, повернуть налево, две лестницы вверх, направо по коридору, затем снова налево и вот — её дверь. Он не мог удержаться и прокрался к ней на цыпочках, чтобы резко распахнуть и услышать удивленный визг, превращающийся в смех. На него смотрели любопытные темные глаза.

— Угадай, что я тебе принес.

Лицо Арьи приняло настолько предвкушающее выражение, что Джон разболтал бы ей военную тайну. Жаль, в его руках была лишь голубика.

— Не знаю, — Арья замотала головой, не переставая улыбаться и глядя на Джона исподлобья.

— Закрой глаза и открой рот, — Арья подозрительно на него взглянула, но послушалась. Джон положил ей на язык две крупные синие ягоды. — Ешь.

— Сладкие! — Арья улыбнулась, жуя, и рот Джона наполнился слюной.

Он с сожалением пощупал языком пустоту в зубах — у него выпало сразу два передних зуба, и теперь от ягод было больше боли, чем вкуса.

— Держи ещё, — Джон протянул ей кулек, — только не ешь все сразу.

— А...

— А я уже объелся, — соврал Джон. Он провел рукой по волосам Арьи — видел, отец часто так делал с леди Кейтлин. Сестренка улыбнулась еще шире, если это было возможно.

От улыбки Арьи в его груди всегда странно теплело.

Её глаза смотрели на него с таким восхищением, что Джон забыл, что являлся бастардом. Жаль, что этот взгляд вскоре перестанет появляться — Арья скоро узнает, что значит слово "бастард".

Когда об этом узнала Санса, она подошла к Джону и попросила вернуть отцу честь. Джон тогда разозлился, и, наверное, очень напугал сестру. Он не помнил, что кричал ей, но с тех пор Санса не обращалась к нему иначе, чем "сводный брат".

— Обязательно поделись с Сансой.

Джон вышел из комнаты сестры и побежал во двор.

Вечером, когда Робб уходил в кабинет отца — лорд Старк учил старшего сына править Севером — Джон шел во двор, избивать учебным мечом куклу. Сир Родрик как-то сказал, что у Джона талант к обращению с мечом, и это было первым, на памяти Джона, в чем он превзошел законнорожденного брата.

Джон расспрашивал сира Родрика о том, как биться разным оружием, расспрашивал мастера Лювина о том, как следует бойцам учиться, читал в библиотеке все, что было написано о великих воинах. Джон даже у старой Нэн спросил совета.

И все, что ему сказали, он применял. Разве что, разумеется, Джон не смазывал каждую полночь меч собственной кровью — так делали злые воины из сказок старухи Нэн.

По словам мастера, Криган Старк носил броню сутками, поэтому Джон иногда спал в кольчуге, которую специально подогнал Миккен, подмастерье кузнеца. Каждое утро Джон в той же кольчуге бежал до Желудевой реки, заставляя себя дышать полной грудью — он до сих пор так и не смог добежать туда без остановок. Там Джон снимал кольчугу и плавал в речке — Теон Старк, по прозвищу Голодный Волк, один из величайших королей Севера, мылся в Долгом озере даже зимой. После Джон снова надевал кольчугу и лазал в ней по деревьям — у Желудевой реки дубы росли настолько плотно, что можно было перебраться с одного берега на другой, не замочив ног. Дейрон Таргариен, Юный Дракон, завоевавший Дорн, писал, что его руки сильнее крепи, когда он лазал по деревьям, чем когда размахивал мечом. В замок Джон возвращался к полудню и, едва успевая что-то перекусить, отправлялся учиться к мастеру. Даже есть Джон старался больше мяса и меньше хлеба — это был совет Джона Амбера, тот говорил, что с мясом в людей попадает звериная сила.

Сегодня вечером Джон не следовал советам — он следовал своим желаниям. Мальчику казалось, чем раньше руки привыкнут к настоящей стали, тем лучшим воином он станет.

Он держал двумя руками затупленный одноручный меч, но даже так клинок был для него слишком тяжел. Джон расставил ноги пошире — сир Родрик учил его, чем шире ноги, тем больше сил будет в ударе — и рубанул. Джон пошатнулся, но через вдох рубанул снова. Он повторял все удары, которым научил его мастер над оружием.

Его рубаха промокла, как и волосы, пот лился по всему его телу. Джон продолжал бить. Его руки горели от напряжения, плечи сводило, даже ноги устали быть постоянно согнутыми. Джон продолжал бить. Мозоли на ладонях начали кровоточить, его шея затекла, а кисти болели, будто по ним ударили молотом. Джон продолжал бить.

Замахнувшись, наверное, в тысячный раз, он понял, что не может двинуть мечом.

— Чем ты занимаешься, мальчик?

Джон вздрогнул, когда услышал голос мастера над оружием. Сир Родрик редко кричал, и Джон уже научился понимать, когда в его голосе есть гнев — вот как сейчас.

Он обернулся и посмотрел рыцарю в глаза — ничего хорошего они не предвещали. Кассель держал меч одной рукой, за острие, будто тот был не тяжелее спицы.

— Тренируюсь. Ай!

Гарда меча ударила его прямо по макушке.

— Я учу будущих рыцарей, а не вздорных мальчишек. — Джон внезапно почувствовал, что на улице уже прохладно. — Передо мной стоит вздорный мальчишка.

Рыцарь замолчал, но Джон не знал, что сказать. Сир Родрик говорил, и не один раз, что сталь они возьмут, лишь когда придет время. Джона снова прошиб пот, но рыцарь вряд ли это заметил — рубаха и так была мокрой и липла к телу.

— Завтра я должен видеть будущего рыцаря.

За ужином Джон хотел спросить отца, как ему быть "будущим рыцарем", но рядом с отцом сидел сир Родрик. Они оба были мрачны и говорили негромко, и оба ушли раньше, чем ужин закончился.

Едва ушел отец, Джону стало неуютно. За столом остались леди Кейтлин, младшие Старки и он сам. И, видя боги, чем чаще ему улыбались Робб и Арья, тем холоднее становились глаза их матери. Когда Джон и леди Винтерфелла все-таки встретились взглядами, бастард тут же поднялся из-за стола, поклонился и, всеми силами заставляя себя не бежать, ушел в свою комнату.

Джон лежал в постели и, несмотря на до смерти уставшее тело, не мог уснуть. Что, пекло побери, имел в виду сир Родрик, когда говорил "будущий рыцарь"? Бастард не был глупцом — если до завтрашней тренировки он не решит эту загадку, его просто не пустят туда. Самонадеянным идиотом бастард тоже не являлся — без сира Родрика Джон Сноу так и останется вздорным мальчишкой с куском стали в руках. Несколько раз Джон видел, как сражался отец. Эддард Старк мог одолеть сира Родрика и Джори Касселя одновременно, мог победить в единоборстве любого из своих знаменосцев, даже великана Джона Амбера — лорд Эддард кружился вокруг гиганта, а потом сбивал его, запутавшегося в ногах, на землю. Отец одолел Белого Быка и Эртура Дейна. Джон хотел быть таким же. Но отец больше десяти лет тренировался в Орлином гнезде с мастером над оружием, который исправлял его ошибки и учил, как с каким противником следует биться.

Из мыслей его вырвал скрип.

Дверь открывалась медленно, и Джон уже успел вспомнить сказки старой Нэн об иных, которые питаются маленькими детьми.

В комнату заглянуло маленькое испуганное лицо. Оно огляделось, убеждаясь, что в комнате никого, кроме Джона, нет. После этого к маленькому лицу добавилось маленькое тело.

Арья стояла у двери и смотрела на Джона, её глаза блестели, отражая пламя очага. Джон не мог не заметить — его сестра почти плакала.

— Арья, что...

— У меня... у меня снарк под кроватью! — шепотом прокричала она.

Как это можно было сделать — Джон не представлял. Он перегнулся и показательно заглянул под свою кровать.

— У меня нет снарков, иди сюда.

Арья стрелой пронеслась через всю комнату, запрыгнула на кровать и вжалась в угол, спрятавшись за Джоном.

— И-грамкин-в-шкафу. — скороговоркой протараторила она, недоверчиво косясь на сундук Джона.

Он со вздохом поднялся. В сундуке грамкина не было. Вообще-то, Джон подозревал, что это грамкин испугался как раз его сестры — потому и прятался в шкафу.

— Пусто, — выдал Джон, а Арья неуверенно улыбнулась.

Он повернулся и подбросил в очаг еще одно полено. Его комната и так была теплой, но Джону нравился жар.

Окончательно убедившись, что самое злое существо в этой комнате — старший брат, Арья подскочила к нему и шлепнула по ноге, озорно ухмыляясь. Потом, вспоминая что-то, она сморщилась и, наконец, выдала:

— Санса просила сказать, что она... бла-го-дар... а можно я?!

Забыв о передаваемом послании она подхватила с пола полено и швырнула в очаг. Оттуда тут же посыпались искры и брызнули алыми росчерками угли. Один из них попал Джону на голую ногу, но не задержался достаточно, чтобы ожечь.

Арье повезло меньше. Она высоко вскрикнула и заплакала, тряся обожжённой рукой. Джон тут же поднес к ней ведро воды и заставил сестру опустить туда руку. Арья проплакала несколько минут, а потом удивленно посмотрела на скрывающуюся под водой конечность. Все еще всхлипывая, она вытащила руку из воды — Джон тут же аккуратно обтер руку полотенцем, а потом, заглянув в глаза, участливо спросил:

— Больно?

— Больно, — снова всхлипнула Арья.

Джон поцеловал место ожога, а затем подул на него. Так леди Кейтлин делала с ранами Робба. Арья снова удивилась — рядом с ним она была очень невероятно возбужденной и быстрой на чувства. Тихо, даже боязливо, она спросила:

— Ты волшебник?

— Нет, — улыбнулся Джон, снова поцеловав ожог и снова подув на него. — Волки зализывают раны, сестренка.

Затем Джон подхватил её подмышки и поднял в воздух. Арья молчала — в конце концов, он был невысок и вряд ли смог бы этим её впечатлить. Джон посадил её на кровать.

— Сестренка, поможешь мне? — Арья посмотрела на него и улыбнулась, показав передние зубы, — Скажи, а кто такие рыцари?

Арья взглянула на него, как на дурака, а потом задумалась, теребя простыню.

— Ну-у, — протянула она, — у них мечи. А еще эти, — Арья изобразила в воздухе кляксу, — ну, эти...

— Щиты, — подсказал Джон.

— Ага! — просияла девочка. — С этими... — Арья изобразила новую кляксу.

— Гербами, — вздохнул он.

— Ага! Читы с хербами!

Улыбка Арьи могла бы превратить ночь в день. Она возбужденно подпрыгивала, ожидая похвалы. Джон засмеялся и запустил пальцы в её волосы. Сестренка тут же закрыла глаза и улеглась рядом, сияя блаженной улыбкой.

Джон задумался: быть может, все действительно так просто.

Арья зевнула и заворочалась у него под боком, устраиваясь поудобнее.

* * *

Рыцарь воткнул меч в землю и оперся на него. Нет, он еще не стар, но племянник куда моложе и проворнее. Настолько, чтобы заставить своего дядю взмокнуть и дышать с одышкой.

Джори стоял в двух шагах, по его лицу тоже тек пот, однако юноше не нужен был меч в качестве опоры, а дыхание было чистым, как горный воздух.

Да, Джори станет хорошим капитаном гвардии — предыдущий, одноухий Морс, едва мог превзойти Родрика в одном из пяти поединков, а Джори победил дядю трижды подряд. Да и Морс уже разменял пятый десяток, он слишком стар для войны и слишком тяжел для моря.

Гвардия Старков была невелика — лишь две сотни человек, но все они умели биться мечом, топором и копьем, а также были обучены стрельбе из лука. Родрик помнил и войну Роберта Баратеона, и войну Девятигрошовых королей, поэтому понимал, что поговорка о том, что каждый северянин в бою стоит пятерых южан — горделивые бредни, но рыцарь готов был поклясться, что каждый гвардеец мог бы одолеть трех солдат ополчения.

И Джори, его наследник, был лучшим из гвардейцев.

Сегодня была последняя тренировка гвардии, на которой присутствовал Родрик — уже вечером начнут прибывать знаменосцы хранителя Севера и двор Винтерфелла будет вечно занят. К счастью, ждали они немногих: Мормонтов, Гловеров, Селвинов и Флинтвов, с остальными, по словам лорда Старка, они встретятся у Рва Кейлин.

Когда Родрик сказал лорду Эддарду, что надо созвать знаменосцев в Винтерфелл, тот лишь покачал головой: "Мы будем до зимы собираться, а когда выступим, Роберт уже будет напиваться на руинах Пайка."

Пока сир Кассель предавался воспоминаниям, гвардия Старков уже покинула двор, большей частью отправившись в Винтертаун — им нужно было отдохнуть и попрощаться с семьями. Однако Родрику предстояло провести еще одну тренировку. Рядом с арсеналом уже давно стоял одетый в кучу мехов Робб Старк. Мальчик был силен и ловок, и так же довольно крепок для своего возраста. В правой руке он держал деревянный меч, а к левой был привязан легкий щит. Джори разрубил бы его, даже не заметив. Кроме Робба, во дворе было с дюжину укутанных в одежду мальчишек. Джон Сноу был единственным одетым в кольчугу, его щит был окован железом, а меч был со свинцом внутри. На голове бастарда вместо нескольких шапок был открытый стальной шлем. Рыцарь не понимал, откуда в не слишком крепком теле мальчишки столько силы.

Несколько дней назад он пришел на тренировку в кольчуге и доспехах — тех частях, что подошли по размеру, со шлемом, закрывавшим глаза, боевым щитом и затупленным железным мечом. Родрик знал мало воинов, кто в восемь лет был хотя бы способен удержать взрослый щит дольше минуты. Джон Сноу спросил, похож ли он на будущего рыцаря — и Родрик ответил правду. Джон Сноу был похож на шуга.

Вряд ли хоть кто-нибудь заметил, что Джон плакал половину тренировки, но рыцарь хорошо знал, отчего могут так блестеть глаза под шлемом. Никогда прежде Джон не получал столько ударов за тренировку. Он был медленным, шлем постоянно съезжал на глаза, удары сквозь кольчугу были куда ощутимее, а дышать в доспехах было намного сложнее. Под конец тренировки у Джона кровил нос и подгибались ноги, а пальцы, когда он снял перчатки, были едва ли не синими — столько раз он по ним получил.

Когда бастард снял шлем и сир Родрик увидел залитое потом, слезами и кровью угрюмое лицо и упрямый взгляд серых глаз, вот тогда он заявил, что Джон Сноу похож на будущего рыцаря.

На следующий день Родрик сам одел Джона к тренировке, подобрал ему щит и шлем и вручил меч. На той тренировке бастард снова его поразил — кольчуга будто совсем его не стесняла, а меч со свинцовым стержнем был даже немного легок. С более тяжелым щитом мальчик тоже освоился очень быстро, и единственным, что доставляло ему неудобства, остался шлем.

Когда разминка закончилась и начались спарринги, Джон побил всех, кроме своего единокровного брата — с Роббом они дрались почти десять минут, и успех был переменным. Сначала Старк побеждал, а бастард казался растерянным — не получалось уворачиваться, потом Сноу догадался использовать свой, теперь уже больший, вес, и начал теснить противника, но его левая рука устала и Джон слишком опустил щит, тут же пропустив удар в голову. Тут же он совершил и вторую ошибку — начал пятиться. Если бы он бросился вперед, мог бы удивить соперника, но

Робб настиг его, отступающего и уставшего, прежде, чем стих шум в голове.

Родрик указал на эту ошибку, и в следующем же спарринге Джон победил.

Больше за тренировку Джон Сноу не проиграл ни одного боя.

Закончилась тренировка тоже необычно — аплодисментами, но не наблюдающих женщин, девчонок и детей, а воинов.

Их было лишь шестеро — остальные, видимо, остались в городке — возглавлял их здоровый, похожий на медведя мужчина, заросший черной бородой. На его груди скалил зубы медведь, на поясе висел меч с серебряным навершием, а за правым плечом стояла девушка в доспехах, вооруженная булавой.

Мормонты прибыли раньше срока.

— Сир Родрик, — поклонился мужчина.

Рыцарей на Севере было так мало, что их несложно было знать по именам. Кассель скосил глаза на маленького Робба, но тот, раскрыв рот, разглядывал женщину-воина.

— Лорд Джорах, — рыцарь поклонился несколько глубже, — Мормонты, как и в прошлый раз, откликнулись первыми.

Все шестеро воинов гордо подняли головы и улыбнулись.

— Как и всегда, — ответил Джорах, пожимая Родрику руку, — Здесь стоим.

— Вы — Джорах Мормонт? — Робб смотрел на лорда, как когда-то маленький Родрик смотрел на Барристана Семли — легендарного рыцаря тогда только посвятили в королевскую гвардию. — Отец рассказывал о вас! Он говорил, что будь на Медвежьем острове больше людей, одичалые боялись бы вас сильнее, чем Ночного дозора, а еще говорил, что вы можете забороть руками медведя, а еще...

— Это Робб Старк, сын и наследник лорда Эддарда, — перебил Родрик мальчика.

Джорах искренне улыбнулся.

— Не знаю, как с медведем, но твоего отца я даже с мечом победить не мог.

После обмена любезностями Родрик разогнал мальчишек — раз пришли Мормонты, скоро придут и другие, и двор уже сейчас понадобится воинам.

— Сир Родрик, — позвал его детский голос.

Обернувшись, рыцарь увидел Джона Сноу.

— Да, будущий сир Джон?

Тот действительно заслужил похвалы. Однако, вместо того, чтобы надуться от гордости, он опустил взгляд.

— Пожалуйста, попросите лорда Старка взять меня с собой! — выпалил он. И, прежде чем Кассель успел ответить, быстро затараторил: — Не воином! Оруженосцем, если можно, или пажом, или слугой. Я могу лекарю помогать!

Казалось, Джон сам боялся собственной наглости, хотя наглостью здесь и не пахло.

— Я поговорю с лордом Старком, — оборвал Родрик он словесный поток.

Едва услышав это, Джон замер, поклонился, пробормотав "спасибо", и убежал. Лишь в темных глазах рыцаря увидел небольшую хитринку — тот собрался говорить с кем-то еще.

* * *

Палец снова укололо.

"Это ничего, — сказала она себе, — Джону вон нос разбили".

Джону...

Завтра её брат уезжал на войну, вместе с её отцом. Арья не слишком понимала, где это — война? И, тем более, не понимала, зачем на неё уезжать. Она только видела, что мама плакала, а Робб, её вечно веселый старший брат, ходил угрюмым.

А еще понимала, что скоро Джона здесь не будет. А Джон — был здесь всегда!

Он старался проводить с ней все время, когда не тренировался, но теперь он был еще и помощником лекаря, а значит, был занят вдвое больше. Когда мама целовала её на ночь — Арья это очень нравилось — она выжидала несколько минут, вставала и шла к Джону. Он тоже целовал её на ночь, и Арья засыпала, прижимаясь к теплой груди. К Джону мама не приходила.

Просыпалась Арья всегда в своей постели — наверное, это Джон её приносил.

Вечерами, вместо историй старой Нэн, она слушала истории Джона — ну, не Джона, но Джон их рассказывал.

Он рассказывал про великого бойца, Корена Однорукого — или как-то так — который мог левой рукой одолеть сразу двоих, а правой у него вовсе не было — трусливые враги отрубили. Корен сражался за Стеной против Иных и диких людей — прямо из сказок старой Нэн.

Еще Джон рассказывал про их дядю, Бена Старка. Он тоже сражался за Стеной и мог превращаться с волка — огромного, серого и зубастого.

Ещё он рассказывал сказку о волке, у которого украли сестру. Волк перешел через горы, прошел через леса,

переплыл море и нашел сестру. Её держали в башне семьдесят семь воинов — Арья не знала, много ли это, но, наверное, много, раз так говорил Джон — у них были черные доспехи, красные мечи и звериные клыки, они дышали огнем и ели всех, кто приходил к башне. Волк убил их и привез сестру домой на своей спине.

Её любимой историей стала та, которую Джон рассказал совсем недавно — про девочку с острова медведей, которая пошла на войну со своим отцом — Арья все еще не понимала, что значит "на войну", но, видимо, что-то интересное, раз девочкам туда нельзя. Или что-то страшное, потому что мама плакала. Так вот, она отправилась с отцом на войну, и там её отца убили злые враги, а она за это убила их отцовским мечом. Наверное, война — все-таки страшно.

Игла снова уколола, на этот раз ладонь. Арья тихонько всхлипнула и вытерла капельку крови платком. Тем же, на котором вышивала. Септа говорила, что ей еще рано шить, ведь Арья даже не встретила четвертые именины, но мама шила отцу платок — наверное, на войне он нужен — а Джону платок вышить было некому.

Арья всхлипнула еще раз. Она не хотела, чтобы Джон уезжал. Ведь Робб остается, а он даже больше Джона!

"Но Джон сильный, — подумала Арья, — он может держать меня на руках, рассказывая сказку".

Она заплакала. Не как Санса, рыдая на весь замок, а как мама — тихо, если на неё не смотреть, то и не поймешь, плачет ли кто-то. Платок получился уродливый. В двух местах нитка его перехватила, и платок сложился, он был испачкан кровью, а теперь и слезами, а посередине была вышита снежинка — еще более уродливая, чем сам платок. Если на войне кто-нибудь увидит Джона с таким платком — немедленно выгонит. И где его потом искать? А все потому, что его глупая сестра не умеет шить!

— Арья! — позвали её из-за двери. Это была Санса, её старшая сестра. Она-то умела шить. — Арья, нам надо идти. Отец уезжает! И Джон Сноу!

Арья соскочила с кровати, вытерла рукавом слезы и выбежала из комнаты. Санса была похожа на маму. Её рыжие волосы были заплетены в косу, щеки нарумянены, а платье надушено. Платье Арьи было местами заляпано кровью, но это мало её волновало.

— Санса, у меня не получается сшить платок!

— Не сшить, а вышить, — поправила её сестра, — зачем тебе платок?

— Для Джона! — выкрикнула Арья, заставив служанок вздрогнуть.

— Возьми, — Санса тут же протянула ей свой. Он был красным, и на нем белыми нитками был вышит какой-то зверь.

— Спасибо! — Арья обняла сестру так сильно, что та вскрикнула.

Во дворе было очень много людей. Почти все мужчины были одеты для дороги. Джон стоял в стороне от отца — тот прощался с мамой, а маму Джон почему-то боялся. Арья бросилась к нему, едва увидела. После крепких и долгих объятий она протянула ему платок Сансы.

— Вот! Тебе на войну! — прозвучало так, будто она обижалась.

— Ты сама сделала? — удивленно и как-то... хрипло спросил Джон.

— Нет, Санса. Мой вот, — Арья показала брату уродливое бело-черное творение. Тот взял платок, как будто он был из золота, и положил оба платка за пазуху.

— Я их сохраню, маленькая сестрица, — его голос звучал так, будто Джон плакал, но слез не было, — и привезу тебе подарок...

Договорить Джон не смог — он сгреб сестру в объятия и уткнулся носом ей в шею.

Было щекотно. Арья плакала.

Левое плечо ныло при каждом движении, и мужчина не мог удержаться на лошади дольше часа, потому путь, занявший в прошлый раз семь дней, сейчас растянулся почти на луну. Ему, разумеется, предлагали остаться в Хайгардене, но во взгляде Оленны Тирелл было больше яда, чем во всех змеях Красных Дюнов. Также ему предложили корабль, но после нападения железнорожденных на Крейкхолл от такого предложения отказался бы даже безумец, а он, вопреки мнению большинства, безумцем не был.

Единственным утешением было выражение лица новой королевы, когда она узнала, что Ланниспорт был сожжен, в то время как Гибельная крепость, Сигард и даже Кремневый Палец уцелели. Лицо Тайвина Ланнистера увы, оставалось неизменным — иногда казалось, что этот человека высечен из камня. Жаль, что замок Клиганов находился слишком далеко от побережья, чтобы подвергнуться нападению.

Разумеется, турнир прервался, едва король узнал о восстании. Этот турнир был результатом доброй сотни интриг, половину из которых посеял его старший брат. Здесь собрались почти все люди, которые были им нужны: великий Тайвин Ланнистер, его сын Джейме, гигант Грегор Клиган, горделивый Лин Корбрей, благородный Джон Аррен... не было лишь жирной свиньи Амори Лорха, но этот червь мог умереть и позже.

Сначала он столкнулся с Клиганом — тот оказался куда выше, чем при последней встрече, и намного свирепее. О, он многое узнал про этого рыцаря, а его старший брат даже помог выжить маленькому Сандору, когда тот бежал из замка — кто знает, быть может именно этот изуродованный мальчик когда-нибудь убьет брата.

Копье всегда было его излюбленным оружием. Маленькая, тонкая, едва заметная игла вошла в сочленение доспеха и пробила кожу гиганта. Но вместо того, чтобы умереть, Грегор еще дважды столкнулся с ним, едва не сломав ключицу, после чего все-таки упал с лошади.

Следующим должен был стать Цареубийца — чтобы могучий Тайвин познал то незабываемое чувство, когда твой сын умирает ужасной смертью у тебя на глазах, — но сперва с ним сошелся Бейлор Хайтауэр.

Белозубый, крепкий, с благородным лицом — он, казалось, совсем на постарел за четверть века, что прошла с их последней встречи. Бейлор выбил бы его из седла, но Хайтауэра подвел доспех — от удара копьем завязки порвались, и к концу ристалища рыцарь приехал наполовину обнаженным, на радость придворным дамам. Боги, наследник Староместа был прекрасен! На полностью лишенном волос теле было лишь три шрама, и все они были боевыми — от копья, меча и топора; длинные русые волосы рассыпались по плечам, когда шлем слетел. Когда рыцарь обернулся к сопернику, синие глаза смеялись — будто Хайтауэр и не помнил, кто наградил его единственным оскорбительным прозвищем. Быть может, так оно и было.

Последним препятствием на пути к Ланнистеру был какой-то малыш-оруженосец. Мальчишка до невозможности задира локоть и постоянно тряс головой. Кто вообще пустил на турнир бойца, которому мешает шлем? Лишь за секунду до столкновения тот собрался и ударил точно туда же, куда бил Клиган. В следующем столкновении мальчишка упал, и лошадь протащила его по всему ристалищу. Кажется, он останется калекой.

Но эта жертва была впустую — Цареубийца победил в первой же стычке, а копье с отравленной иглой даже не задело позолоченный доспех.

Оставалась еще общая схватка, но она так и не состоялась. Пожалуй, следовало признать — к лучшему.

Плечо прострелило болью, мир перед глазами поплыл, и он едва не свалился на землю.

Похоже, составление планов стоило оставить брату.

— Мой принц! — рыцарь оказался рядом быстрее, чем мужчина осознал, что падает.

— Не называй меня так! — прошипел он. Оперевшись на правую руку, он легко спрыгнул с коня и отдал поводья искалеченному рыцарю. — Не здесь.

Он грустно взглянул на горную гряду, возвышавшуюся над их головами. Недалеко отсюда, у Принцевого перевала, прошла последняя битва восстания, уничтожившего половину его семьи.

Как же звалось это место? Замок Счастья? Что-то похожее...

От развалин Башни Радости веяло смертью. Когда Тайвин Ланнистер уничтожил Рейнов, он разрушил Кастамере до основания. Принц был там и видел руины, так же как и отведенное русло реки. Но здесь было страшнее. Это место почти что *пахло* гневом Эддарда Старка. Замок был уничтожен — если бы не оставшаяся скорбная богороца, нельзя было бы понять, что раньше здесь было хоть что-то. А кроме богороцы здесь не росло вообще ничего — должно быть, Старк велел посыпать землю солью. Только ветер, будто в насмешку — северный, играл с пылью и камнями.

Рядом, на горе, были выложены восемь курганов. В пяти из них покоились друзья Старка, еще два стали пристанищем для королевских гвардейцев. Ладонь принца медленно скользила по камням восьмого кургана — он отличался от остальных. Губы растянулись в пустой улыбке. Эртура Дейна не было под этой грудой камней — но кто же там был? Или этот курган сделан лишь для обмана? Почему он другой формы?

— Мой пр... Сир, — вовремя исправился рыцарь, — нам нужно идти дальше. Вас ждет дочь.

Дочь. Маленькая Лия, крепкая, дикая, дитя скорби и гнева, как говорила её мать. Ей уже семь лет, а он все не мог забыть женщину, в честь которой назвал дочь. Они были совершенно непохожи.

— Для кого сделан этот курган? — вопрос был так же пуст, как недавняя улыбка принца.

Минуту рыцарь размышлял, постоянно сжимая искалеченную руку. Этот человек был верен принцу, насколько вообще может быть верен воин, неспособный сражаться.

— Северяне делали такие курганы для мертворожденных, самоубийц и для безвинно казненных.

Кто же лежит здесь?

* * *

Армия Севера двигалась на юг по Королевскому тракту. Восемь тысяч пехотинцев и четверо меньше всадников. Джорах говорил, что армия увеличится втрое, но она не могла такого представить. Дейси почти всю жизнь провела на Медвежьем острове, все население которого едва ли превосходило это войско, и с трудом могла представить, что все они смогут сражаться одновременно.

В свои шестнадцать она уже неплохо представляла, что такое сражение — на остров иногда нападали железнорожденные и, куда чаще, приходилось сражаться с одичалыми. Дейси участвовала не меньше, чем в сорока схватках, её не рвало от вида разбросанных по земле потрохов и их запаха, а булавой она вполне могла перешибить молодую сосну, но ритм барабанов и звук тысяч марширующих сапог заставлял её сердце замирать, будто ей снова двенадцать лет и она впервые видит мужское тело.

По словам Джораха, они шли быстрым маршем, и это слегка разочаровало Дейси — отряд, с которым она выслеживала одичалых на материке, двигался почти вдвое быстрее. Армия каждый вечер разбивала лагерь, люди ставили палатку для мейстеров, шпюхи порхали между костров, мужчины пили и пели — это было совсем непохоже на молчаливые вечера, когда угрюмые воины кутались в плащи у костра и гневно смотрели в огонь, представляя, как будут рубить одичалых, напавших на деревню. Это было чем-то другим, чем-то *великим*, о чем будут петь южные барды, о чем матери потом будут рассказывать детям.

Дейси прислушалась — рядом едва слышно кто-то напевал:

— И вье-о-отся знамя с могу-у-учем зверем,

Он ска-а-алит на врагов клыки,

Вверх рве-о-отся пламя, лома-ая стены,

И кровь пьют острые клинки...

Низкий голос заставил её покрыться мурашками. Почему он не поет громче? Она как можно незаметнее подняла взгляд на певшего юношу. Прямые темные волосы доставали тому до плеч, карие глаза невидяще смотрели за горизонт, а мозолистые ладони небрежно держали уздечку. Её щеки покраснели — сама Дейси лишь недавно смогла сосредоточиться на чем-то, кроме попыток не свалиться с лошади.

Его звали Джори Кассель, и, кажется, он командовал гвардией Старков. Она знала, вечерами он берет не за выпивку, а за меч, и Джори очень хорош с мечом. А еще за ним первые дни хвостом ходил сын лорда Старка, десятилетний Джон Сноу, пока хранитель Севера не отправил бастарда помогать лекарям.

Этот Джон Сноу вообще был каким-то странным ребенком — почти все время молчал, не искал приключений, не заваливал воинов вопросами. Впрочем, Старки и должны быть такими.

Этим вечером Джори тоже тренировался. До Рва Кейлин оставалось лишь два дня пути, а значит, осталась половина пути до Гибельной Крепости, где будет армия всех королевств.

Первое путешествие на юг неожиданно пробуждало в памяти рассказы матери. Дейси не знала имени своего отца, но лишь потому, что его имя не знала и мать. Однако Дейси помнила все, что Мейдж когда-либо рассказывала про него — ее отец носил шпоры и соблюдал обеты, у него были длинные светлые волосы и голубые глаза, он хорошо пел, совершенно не умел танцевать. Умел драться на кулаках едва ли не лучше, чем мечом. Был родом с какого-то острова. Вдовец.

По словам матери, они встретились в Речных землях еще до того, как Безумный король обезумел. Отец ехал на север, мать — на юг. Он ввязался к драку на постоялом дворе и получил ножом в живот от её брата, лорда Медвежьего острова.

"Он был силен как Джон Амбер, только не так противен, — смеялась Мейдж, — Он оглушил этого дурня, Джиора, схватившегося за сталь, хотя мог и зарезать — так и привлек мое внимание".

Они ехали на юг искать ей жениха, но едва добрались до Харренхолла, как Мейдж поняла, что беременна.

Как и с отцом, шанса узнать дядю у неё не было — тот надел черное, как только Джорах стал достаточно взрослым, чтобы править островом, а это случилось еще до того, как она научилась говорить. Зато у нее был лучший кузен на свете — Джорах был ей и отцом и старшим братом, он учил её ходить под парусом и ловить рыбу, стрелять из лука и ездить верхом. Он, вопреки матери, взял Дейси с собой.

— Миледи? — Дейси поняла, что все это время паялилась на Джори Касселя. Она покраснела. Ведь даже не думала о нем, как она оказалась у его палатки?

— Сир?.. Кхм... — Дейси не могла понять, как к нему обращаться.

— Капитан Джори, — представился он.

Проклятье! Их же уже представляли! Теперь выглядит так, будто она забыла его имя. Лихорадочно пытаюсь придумать, что сказать, она выдала первое, что пришло в голову:

— Та песня, что вы пели днем... как она называется?

Мужчина почему-то казался ужасно смущенным. Он как-то неловко убрал меч в ножны и сцепил пальцы в замок.

— Вы никогда не слышали ее, миледи? Это "Гибель Харренхолла".

Ему, кажется, вовсе не было дела до её смущения. Они молча шли мимо горящих костров и спорящих воинов, пока Дейси снова не заговорила.

— А вы можете спеть целиком?

— Конечно, но, боюсь, вы будете разочарованы. В этой песне хорош лишь последний куплет.

И Джори начал напевать. Тихо, так, чтобы слышать слова могла лишь она одна.

— Сорок лет великий Харрен,

Строил стены и рыл рвы,

Высок он, строен и коварен,

Но жить не суждено, увы.

Громадный замок легендарен,

Вот перед ним дракон стоит,

Но засмеялся гордый Харрен,

И молвил: "камень не горит".

И вьется знамя с могучим зверем,

Он скалит на врагов клыки,

Вверх рвется пламя, ломая стены,

И кровь пьют острые клинки...

— Боги, она, и правда ужасна! — засмеялась Дейси.

Ей хотелось сказать, что у Джори красивый голос, несмотря на песню, что, даже будь его голос похож на медвежий рев, он все равно отличный воин, но Дейси сказала то, что сказала, и теперь говорить о голосе было бы глупо, и...

— Вы ведь впервые будете сражаться? — спросил ее Кассель. И тут же попытался исправиться: — То есть я хотел сказать... впервые сражаться на войне. Да, — неуверенно закончил капитан гвардии.

— Верно, — пожалала плечами Дейси, чувствуя, что смущение медленно исчезает, — я была ребенком, когда началось восстание.

Какая-то часть желала прорычать, что она уже много раз билась и знала смерть лучше многих, даже тех, кто вдвое старше нее. Но она не успела разозлиться, когда Кассель вновь ее удивил.

— Для меня это тоже впервые, — он сказал это таким тоном, что Дейси тут же поняла — он чувствует то же, что и она. — Я видел восстание, но биться там мне не доводилось.

Его взгляд подернулся печалью, и Дейси сразу вспомнила историю, уже ставшую легендой на Севере — об Эддарде Старке и его прекрасной сестре, о гибели смертоносного Эртура Дейна и могучего Белого Быка. Эту историю хоть раз слышал каждый житель Севера, но Дейси знала еще и имена всех северян, погибших в бою с гвардейцами. Лорд Виллам Дастин, оставивший жену бездетной вдовой, оруженосец Брандона Старка Этан Гловер, безвестный Тео Вулл, сир Марк Рисвелл. И Мартин Кассель.

Дейси почувствовала легкий стыд — для нее война была больше похожа на приключение, где она, быть может, сумеет узнать имя отца. Сейчас девушка смотрела на Джори, из волнения изводящего себя фехтованием, и понимала — тут каждый из них может умереть, даже ее могучий кузен, и, в отличие от схваток с одичалыми, мастерство может и не помочь.

Взгляд наткнулся на странные огни впереди, которые внезапно вызвали страх.

— Что это?

— Это те, с кем мы должны встретиться, — с видимым облегчением ответил Джори, — Люди Мандерли, Дастинов и Ридов.

После разговор увял, и Дейси, неловко помявшись, ушла в палатку.

Следующим вечером Джори предложил ей спарринг. С того дня они проводили вместе каждый вечер по пути в Близнецы. Дейси рассказывала ему о рыбалке и хождении под парусом, о немногих развлечениях на острове, а Джори в ответ делился историями из Винтерфелла, в большей части которых так или иначе появлялся Джон Сноу,

которому оказалось вовсе не десять лет. Она и не ожидала, что этот угрюмый мальчик мог на пару с братом месяца изображать лесного призрака, наводящего ужас на Винтертаун, или попытаться ускакать к Стене, чтобы узнать, как выглядят снарки.

В какой-то момент Дейси поняла, что, слушая истории, держит его за руку, а в спарринге больше смотрит на мышцы его рук, чем на меч.

Поцелуй вышел странным — после боя пот заливал ей глаза, губы на вкус были солеными, а разгоряченные и побитые тела хотели большего. Когда его пальцы сладкими иглами впились в ее спину сквозь кожную броню, Дейси была готова оседлать его прямо на земле, не доходя до палатки, — но они не успели: в тот день армию Севера догнали силы Карстарков, Болтонов и Амберов.

Как оказалось потом, это был их единственный шанс. Когда они прошли Близнецы ее позвал к себе лорд Старк.

Дейси бросила заплетать косу, накинула кольчугу поверх рубахи, повесила на пояс булаву и легким бегом направилась к шатру хранителя Севера. Пока она бежала, коса полностью расплелась и вьющиеся волосы доставали до середины спины. В лагере не было обычной полувеселой суеты, сейчас людьми владела мрачная сосредоточенность — и Дейси могла понять, почему: до Сигарда осталось меньше двух дней, а дальше их путь шел вдоль берега, усеянного разрушенными деревьями, пожарищами и трупами. Первую такую они прошли сегодня утром.

Рядом с шатром, как и полагалось, стояло шесть гвардейцев, и в этот раз они не улыбнулись, увидев ее. Сбоку от шатра крутился Джон Сноу.

Внутри шатра она увидела почти всех лордов Севера. Огромный Джон Амбер первым бросился в глаза — он возвышался над всеми едва ли не на полтора фута, рядом с ним ледяной статуей стоял Русе Болтон, лорд Дредфорта и самый жестокий человек на севере. Взгляды обоих были сосредоточены на лежащей на столе карте. По другую сторону стола о чем-то спорили Эддард Старк и Рикард Карстарк, огромный Виман Мандерли тихо переговаривался с сыном. Дейси нашла взглядом Джораха — тот о чем-то говорил с Джори, но едва она подошла к ним, последний отошел, вежливо кивнув. Через несколько минут собрались все, и совет начался.

Дейси мало что понимала в стратегии и тактике, особенно когда дело касалось такого огромного войска, потому молча стояла за плечом Джораха, изредка пересекаясь взглядом с Джори, стоявшем рядом с лордом Старком.

Встрепенулась она лишь услышав свое имя — Дейси вместе с частью людей Мормонтов и Мандерли отправляли на Орлиный мыс, в то время как армия Севера продолжала двигаться к Гибельной крепости.

— Разве у Орлиного мыса есть корабли? — прошептала она на ухо Джораху.

Тот только покачал головой и слегка повел подбородком в сторону Эддарда.

— Вашим людям нужно будет заготовить провизию для поддержания осады на Харлоу, — Старк говорил даже не с ней — с сыном Мандерли, походившем на жирного тюленя с лицом ребенка.

Дейси сжала рукоять булавы — как учил Джорах, это должно было ее успокоить.

Она попыталась поймать взгляд Джори, но тот смотрел себе под ноги. Хотелось кричать. Выходит, пока он и Джорах сражаются, Дейси будет рыбачить и вялить мясо? Она поспешно сморгнула набежавшие слезы.

— Милорд, позвольте мне начать готовиться... — она поклонилась лорду Старку и, дождавшись его кивка, вышла из шатра, громко шепча: — К гребаной рыбалке.

Она не успела пройти и десяти шагов — что-то врезалось в ее ногу.

— Какого... — опустив взгляд, она увидела сидящего на земле Джона Сноу.

— Простите, миледи, — зло буркнул тот, вскочив на ноги. И тут же бросился бежать.

— Постой! — только и успела крикнуть она, когда мальчик скрылся среди шатров и палаток. Хотелось огреть себя чем-нибудь тяжелым. Ну что за день?!

* * *

Мужчина устало откинулся на кровать. Совет длился до поздней ночи — хоть они еще не присоединились к основным силам Роберта, двадцать пять тысяч человек и сами по себе грозная армия, а вместе с тем — огромная обуза. Голова гудела — в ней будто до сих пор стояли рев Джона Амбера и тихий, словно кинжал под шелком, голос Русе Болтона.

Боги, как Нед ненавидел войну! Он был уверен — четверть войска точно не вернется домой, тысячи матерей, жен и детей будут рыдать, или еще хуже — продолжать ждать своего мужчину с войны.

Он не знал, что хуже — грядущий запах гниения, дерьма и слез, неизменно покрывающий поле битвы, или обида в глазах шестнадцатилетней девочки на то, что ей не позволили *убивать*.

Проклятые кракены.

Железные острова были единственным королевством, никого не поддержавшим в восстании Роберта. Население островов всегда было маленьким, но нейтралитет позволил им сохранить много воинов. И теперь пылало все западное побережье.

Эддард не мог уснуть. Простыни пахли сыростью и плесенью, но это неважно — хранитель Севера был неприхотлив. Важно было то, что *ничего* в треклятом шатре не пахло как Кэт. И вместо легкого аромата жены Нед чувствовал другой, намного опаснее. Намного *глубже*. Одного только запаха хватило, чтобы сердце забилося чаще и заболело. Даже описать этот его у Неда не получилось бы. Сухой песок, морская вода и какая-то мистическая, неземная *свежесть*. Для него это был запах любви и вины.

Последний раз Нед слышал его, когда перед ним стояла на коленях самая прекрасная женщина Вестероса. В тот раз пахло еще и слезами.

— Оставь его со мной, прошу! — молила она, — Я буду любить его, как никто никогда не любил, я дам ему наше имя!

Он молчал.

— Я... я сделаю его лордом Звездопада, если пожелаешь, — она захлебывалась слезами и говорила быстро, будто боялась, что ребенок исчезнет прямо из рук. Меч ее великого брата валялся рядом, будто бесполезный хлам. — У моего брата все еще нет детей, я уговорю его сделать Джона наследником. *Прошу, Нед!*

Он молчал.

— Он будет любить тебя! — почти закричала она. — Он будет восхищаться тобой, клянусь! Как только он сможет поднять меч, он станет твоим оруженосцем! Нед... я *умоляю* тебя, оставь Джона со мной.

Обещай мне, Нед.

Боги, как же больно. По щеке скатилась слеза. Последняя, которую он себе позволил.

— Нет.

Ты сошла с ума.

Здесь, в Речных землях, он мог услышать этот запах лишь по одной причине — Эшара предупреждала его. Джон не должен был быть здесь.

Нет, Эддард Старк не верил в призраков, но это же, мать их, *очевидно*. Восьмилетнему мальчику нет места на войне, даже если он способен драться настоящим мечом.

Быть может, ему стоило остаться в Дорне? Там Джон мог бы быть счастлив — при условии, что его не отравила бы какая-нибудь мстительная мразь. Север мог защитить Джона от кого угодно, но не от самого севера. Смогла бы его защитить Эшара Дейн? Спасло бы это ее жизнь?

Это было неважно. Нед не мог оставить Джона в Дорне. Так же было и сейчас.

Когда Кэт и сир Родрик почти одновременно попросили его взять Джона с собой, Нед понял — придется. Его жена не хотела оставаться в замке с бастардом, особенно, когда тот как две капли похож на Неда. *Особенно*, когда об этом все говорили. Нед понимал. Он и сам не слишком хотел оставлять мальчика жене, уж слишком Джон ее боялся.

Родрик говорил, что Джон невероятен. Нед и так знал это — он видел, как Джон сражался в доспехах: неуклюже, медленно, но восьмилетнего Неда такой вес и вовсе бы обездвигил. И только слепец не увидел бы, как Джон каждый день закаляет себя.

Он не мог не взять его, но мальчику нечего делать на островах. Решение было простым — отправить Джона с Вилисом Мандерли на Орлиный мыс. Силы, отправленные туда, сражаться не будут — лишь охранять и заготавливать то, что потом заберут корабли Станниса Баратеона. Там Джон будет в безопасности.

Запах не исчез, но больше не тревожил его разум. Прикрыв глаза, Нед ощутил щекой призрачное касание тонких пальцев. Кэт...

Нед даже не представлял, что когда-нибудь сможет настолько полюбить женщину, и уж точно не мог представить, что эта женщина будет такой как Кэйтлин. В детстве он мечтал, что жена будет похожа на его сестру — дикая, непокорная, воинственная, но добрая.

Он даже встретил такую, когда бежал на Север от лап Эйриса Таргариена. Дочь капитана, спасшая его в бурю, когда корабль ее отца пошел ко дну. Она выловила его из моря в шторм, отогрела своим телом, а после добралась на дырявой лодке до Трех Сестер. Как же ее звали? Лема? Морана? Все, что Нед помнил о ней — шрам на груди, единственный, уродовавший ее тело. Неду нравилось целовать этот шрам, это всегда заставляло ее дрожать и покрывать его лицо поцелуями. Еще Нед помнил, что она не кривилась, когда он просыпался в слезах от кошмаров об отце и брате. Она исчезла, доставив его в Винтерфелл, и Нед никогда не жалел об этом — он не смог бы жить с подобием сестры, не после Башни Радости, а она никогда бы не смогла жить в замке и растить детей.

Еще до дочери капитана он любил Эшару Дейн — прекрасную дорнийку, способную затмить солнце и заставить звезды выть от зависти. Эшара была игривой и порывистой, но верной, быстрой на слезы, но сильной, наивной, но мудрой. Нед точно знал, что Брану она нравилась не меньше, и не понимал, для чего его старшему брату понадобилась девочка Веларион. Эшара, казалось, сошла с небес в одну из безлунных ночей — ее красота не принадлежала к этому миру, даже валирийцы с их таинственной внешностью рядом с ней ходили на крестьянских детей. Ее черные волосы доходили до колен и неизменно блестели при малейшем свете, напоминая

сталь их фамильного меча, а невероятные *пурпурные* глаза заставляли сердце Неда трепетать. И, все же, возвращая ей меч брата и забирая Джона, он не чувствовал ничего, кроме вины.

Кэт была другой. Её нельзя было представить держащей меч, как Лиану сидящей на веслах, как капитанская дочь, или танцующей в одиночестве, как Эшару, но Нед не мог представить никого другого в своем ложе. Кэт была тихой, верной, заботливой и *благородной*. Она была идеальна для него, разделяла почти все его суждения, всегда незримой тенью стояла за спиной, придавая сил. Кэт будто была его *частью*. Она даже приняла Джона — насколько это было возможно — и не спрашивала о его матери. Однако, несмотря на всю внешнюю мягкость, Нед знал — благодаря Оберину Мартеллу — в Кэт была сталь. В Кэт было все, в чем он нуждался.

Утро пришло не вовремя — Кэт исчезла из его сна, молчаливо и быстро, а с ней ушел и сам сон.

Первым, кого увидел Нед, выйдя из шатра — после гвардейцев, разумеется — был Джон. Мальчик с угрюмой сосредоточенностью вращал в руках затупленный меч. Рубаха на нем уже была немного мокрой от пота — значит, он упражнялся уже давно.

— Джон? — Мальчик едва заметно вздрогнул. Он тут же опустил меч и поклонился — глубже, чем следовало.

— Отец.

Нед растрепал его волосы, вызвав удивленную улыбку.

— Добавляй шаги. Сражаются не только стоя на месте.

Улыбка мальчика стала еще шире, и он тут же принялся выполнять серию ударов, добавляя шаги. Нед с легкой улыбкой покачал головой.

— Нет, Джон. Ты должен помогать себе ногами, а не просто переставлять их.

Нед протянул руку, и Джон мгновенно вложил в нее рукоять меча. Нед был не слишком хорош с одноручным мечом, но Джон держал этот клинок двумя руками, потому Старк положил левую руку поверх правой. Он нанес несколько ударов, поворачивая и переставляя ноги так, что руками почти не пришлось работать.

— Вот. Понимаешь? — Джон медленно кивнул и попробовал повторить. Эддard невольно улыбнулся — меч был все еще слишком тяжел для мальчика и заставлял его делать лишние движения.

Они тренировались, пока лагерь не проснулся. Джон действительно был талантлив — он смог вложить силу ног в несколько ударов и, кажется, понял, чего хотел Нед. Но до идеала было еще далеко.

К Неду подошел Джори Кассель.

— Милорд, нам следует отправляться.

— Да, — быстро ответил Старк, — пусть мне и Джону приведут лошадей.

Видимо Джон услышал их. Джори еще не успел отойти, когда он прекратил размахивать мечом и подошел к Неду.

— Отец, спасибо за урок, — Джон поклонился. Щеки мальчика покраснелись, а на лице сияла редкая улыбка. — Прости, что отвлек тебя.

Нед немного сжал плечо мальчика.

— Пойдем, Джон. Нам нужно поговорить.

* * *

Орлиный мыс был не похож ни на что из виденного Джоном на севере. Здесь росли березы с белыми стволами и зелеными листьями и ивы, чьи ветви были похожи на плети, а узкие листья напоминали кинжалы, а земля по ним, в отличие от усыпанной иглами земли волчьего леса, где мог расти лишь папоротник, поросла крапивой, ростом почти с Джона и жгучецветом. Еще здесь постоянно попадались ручьи и мелкие речушки, берега которых заросли осокой, а каждый вечер опускался густой туман, не уходящий до утра.

Единственное, что нравилось Джону — здесь иногда встречались дикие яблони. Леди Кейтлин иногда рассказывала детям о Речных землях и всегда говорила, что ни в каком другом королевстве нет такого многообразия растений. Здесь были и северные страж-деревья, и кусты сирени, по словам мейстера, растущей в Просторе.

Ночи были влажными и прохладными, а днем солнце пекло так, что Джон на третий день перестал надевать кольчугу. Вообще, ему и носить-то ее не следовало, ведь он был лишь помощником лекаря, но весь поход он надевал кольчугу поверх рубахи — вес металла странно успокаивал. Теперь же, когда кольчуга лишь позвякивала в седельной сумке, он ощущал в теле непривычную легкость, но вместе с тем и незащитность.

Помогая лекарю, он много чего видел: от повздоровивших воинов, один из которых сломал другому руку, а тот всадил обидчику в ногу кинжал, и юноши пятнадцати лет, которому кто-то из охотников всадил стрелу в лопатку, до гангрены на стопе у одной из... сопровождавших армию женщин. Шлюхами он называть их не мог даже мысленно — одна из них могла бы оказаться его матерью. Насмотревшись на разные травмы, он чувствовал себя обязанным носить кольчугу, но лекарь сказал, что она мешает ему дышать и не позволяет расти. Джон не слушал бы его, но солнце нещадно нагревало металл, и это не давало ему дышать куда больше, чем вес.

Джона пугал туман. Ему все время чудилось, что из белой дымки вылетит стрела, стремясь пробить его грудь, или выпрыгнет какой-нибудь зверь, желающий перегрызть глотку.

Джон не предполагал, что окажется таким трусом. Несколько дней назад, когда еще отец был рядом, он не пугался тумана. А в Винтерфелле он, казалось, не боялся почти ничего — Джон несколько раз оказывался один в Волчьем лесу, но ни далекий вой, ни пробежавший мимо огромный олень не могли его напугать, здесь же хватало тумана и клекота чаек. Почему-то бастард был уверен — его брат бы не испугался, уж точно не птичек. *И не женщины, которая даже не была его матерью.*

Сейчас Робб, наверняка, затевал новую шутку, чтобы развеселить погрустневших сестер. Интересно, он ходит за голубикой к полянке, которую Джон ему указал? Сводным сестрам нравилась голубика.

Перед глазами предстала измазанное лицо Арьи с широкой улыбкой. Она всегда ему улыбалась. В груди неприятно заныло. Арья не хотела, чтобы он уезжал. Когда Джон рассказал сестре о том, что едет с отцом на войну, она лупила его маленькими кулачками и плакала, пока он не опустился на колени и не прижал ее к себе. Как же он скучал по маленьким ручкам, обхватывающим его шею.

Зачем вообще было уезжать? Отец все равно отослал его туда, где никто не сражается. В этот раз он представил холодное лицо леди Кейтлин с сурово поджатыми губами. Она сейчас правила Винтерфеллом вместо отца. Джон уехал потому, что боялся ее. Он охрип от страха, когда просил ее поговорить с отцом, и даже здесь, в тысяче миль от нее, он все равно боялся.

Потому что Джон — трус.

И все же что-то тянуло его назад, в Винтерфелл. Наверное, тоска по Роббу и их развлечениям или воспоминания о нежных мгновениях с сестрами. Несмотря на то, что Санса на два года старше сестры, с Арьей таких мгновений было больше. Намного.

Джон почувствовал, как щеки горят, когда вспомнил один из таких.

Он тогда сверзился с сосны, в кровь разодрал лицо и едва не сломал ноги. Если бы кольчуга не зацепилась за сук, мог бы и весь переломаться. В Винтерфелл Джон пришел под вечер и думал поспать и утром пойти к мейстеру — отец тогда был со знаменосцами, и благополучие бастарда мало кого волновало.

В своей комнате он обнаружил сидящую на кровати Арию.

— Ты дрался? — восхищенно спросила она.

— Нет. Упал, — Джон сбросил с себя кольчугу и, даже не подходя к чану с водой, плюхнулся на кровать, — Иди спать, Арья, — Джон еле поднял ноющую руку, чтобы потрепать сестренку по голове, — иди.

Вместо того, чтобы встать, она наклонилась и *облизала* его ободранную щеку.

— Волки зализывают раны, — пропищала Арья, лизнув висок.

Вот ведь... Сам научил.

Джон против воли улыбнулся и дотронулся до щеки, порезы на которой сошли целую луну назад.

Нет, он вернется в Винтерфелл лишь с отцом. Отец говорил, что мужчине не пристало менять решение.

— Эй, малец! — Джон обернулся на крик и едва успел поймать летящее в него... яблоко?

— Спасибо! — махнул он Ларгу.

Ему Джон еще у Рва Кейлин лечил руки — тридцатилетний лучник на спор выхватил из костра головешку.

Джон запомнил многих людей, но почти все они ушли вместе с отцом. Из тех, кто был здесь, он знал лишь Ларга, лекаря Квентина и нескольких женщин. Женщины эти ему не нравились — каждая из них считала своим долгом посюсюкать с мальчиком, при этом даже не зная его имени. Джон думал, что если он позволит им нянчиться, это оскорбит его мать. К тому же он уже носил кольчугу, а значит, достаточно взрослый, чтобы его не трепала за нос каждая попавшаяся женщина.

— Джон, верно? — раздался рядом женский голос.

Повернув голову направо, он увидел, что с ним поравнялась всадница. Темные волосы, булава и медведь на щите. Дейси Мормонт.

— Да, миледи, — он коротко поклонился. Джон хорошо помнил, как эта девушка сбила его с ног одним пинком. Ну, она хотя бы знала его имя. — Джон Сноу.

— Я Дейси, — улыбнулась она. А потом как-то резко покраснела. — Я хочу... э-э-э... должна извиниться. Там, у шатра лорда Старка. Я была очень расстроена и не заметила тебя. Прости.

Девушка говорила скомканно, но Джон чувствовал искренность этих слов. Она не пыталась насмеяться над бастардом, как большинство благородных детей, бывавших в Винтерфелле. Бастард, в отличие от законных детей, был *безопасным*.

— Все в порядке, миледи, — спокойно проговорил Джон, — вы мне не повредили.

Она расслабленно засмеялась. Её смех был удивительным, а сама улыбающаяся девушка была похожа на большую кошку. Если бы Джон видел хоть раз сумеречного кота, мог бы ответить точно.

— А я еще не верила, что Старки сделаны из льда.

— Я не Старк, — хмуро пробормотал Джон. *Я этого не заслужил.* Еще нет.

— Верно, — легко согласилась Дейси, — Ты Джон Сноу из Винтерфелла, сын Эддарда Старка.

Прежде, чем Джон придумал, что ответить, она ускакала вперед.

Этим вечером лекарь отпустил его раньше обычного. По словам Квентина, чем ближе они подбирались к железнорожденным, тем меньше оставалось дури в головах у солдат. Джон, пусть ему и было восемь лет от роду, хорошо понимал солдат. Чем ближе они подходили к берегу, тем чаще встречали пожарища вместо деревень. За три последних дня они не встретили ни одного человека. Живого человека. Мертвых было много. Железнорожденные не удосужились их похоронить, поэтому кроме морской соли пахло гнилыми телами. Этот запах пропитывал одежду, забирался под кожу и вызывал рвоту.

Джону было сложно спать. Днем его разум не слишком беспокоила картина разрушенных селений — хотя, впервые увидев растерзанный животными труп и услышав его вонь, он едва удержал содержимое желудка внутри — но ночью они стояли перед глазами, а в клубах тумана все походило на трупы и руины. Вместо сна он сидел у костра, швыряя нож в землю. Втыкался.

Сейчас Джон не знал, чего в нем больше, страха или гнева, знал только, что он должен оказаться рядом с отцом. Джон мог точно сказать — рядом с отцом он не испугается смерти.

Он услышал шаги, только когда она подошла на длину копья. Наверное, охотница. Или разведчица, не зря же ей поручили командовать обороной. После Виллиса Мандерли она была вторым человеком в отряде. Если, конечно, полторы тысячи человек можно назвать отрядом. Увы, более подходящего слова Джон не знал.

— Привет, Джон Сноу.

Он хотел было вскочить, но девушка махнула рукой.

— Добрый вечер, леди Мормонт, — пробормотал Джон, вглядываясь в огонь.

— Говорила же, я Дейси, — обезоруживающе улыбнулась она.

Джон почувствовал, как что-то теплое расплзается у него в груди.

— Я бастард, а вы дочь лорда Мормонта и мой командир, — все еще тихо, но уже четче проговорил он. — Я не имею права называть вас по имени.

Крепкая рука схватила его за плечо и развернула, заставив упереться взглядом в Дейси. Поскольку Джон был сильно меньше нее — в грудь Дейси. Джон понял, что лицо начинает пылать, и рывком поднял голову. Взгляд леди Мормонт не обещал ничего хорошего. Что он сделал не так?

— Я не дочь Джораха, — прошипела она ему в лицо. — Он мой *кузен*. Я даже имени своего отца не знаю.

Глаза Джона расширились. Получается, она... но как тогда...

— Так вы тоже... — Джон замолчал. Он не хотел называть ее бастардом. — Рождены вне брака? — нашел он выход.

Дейси долго смотрела на него, а потом опять улыбнулась.

— Молодец, волчонок, — Джон замер от такого обращения, и Дейси растрепала ему волосы. Почти как он Арье, — На Медвежьем острове нет бастардов.

— А я не знаю имени матери, — зачем-то сказал Джон.

Дейси не ответила.

Следующим вечер она снова пришла к его костру.

— Хочешь, плавать тебя научу? — сказала Дейси вместо приветствия.

Джон только покачал головой. Он легко переплывал Желудевую реку.

— Я умею плавать, — со знанием дела выговорил он.

— Нет, не умеешь, — она уселась на бревно рядом и похлопала его по плечу.

Джон чуть не свалился на землю.

— Умею, — Джон плавал *каждый* день с шести лет.

— Не умеешь, — Дейси снисходительно улыбнулась.

Он чуть не утонул, когда был вдвое младше. Джон очень хорошо помнил, как сильно тянула вниз мокрая одежда, как в горло вливалась ледяная вода, как грудь стягивало холодным обручем.

— Да ты даже не видела меня в воде! — взорвался он.

— И не нужно, — с той же улыбкой на лице ответила Дейси, — ты не был в море.

На следующий день они встали лагерем в лесу, рядом с устьем небольшой реки. По словам недовольной Дейси, больше двигаться они не будут.

Она действительно взялась учить его плавать: выносить руку из воды, а не грести под собой, правильно дышать, нырять, работать ногами. Джон понял, что действительно не умел до этого плавать.

Теперь он с раннего утра шел тренироваться, как в Винтерфелле, с полудня помогал лекарю, а вечером, когда Квентин отпускал его, приходил к морю. Дейси не всегда могла учить его, но спустя десять дней он мог уже учиться и сам.

Джон не считал себя слишком умным — иначе бы не забыл, что у лорда Мормонта нет детей — но по праву гордился скоростью, с которой учился: Джон понял, чего хотел от него отец, когда учил делать удары с

перемещениями, и уже сейчас мог худо-бедно повторить все движения, что ему показал лорд Старк. Так же быстро он учился и плавать — главное было рассекать телом воду, делать мощные гребки и правильно дышать. Как раз с последним у него и были проблемы — вместо того, чтобы поворачивать голову, Джон задирает ее. Запрокинув голову, он едва мог вдохнуть, а ноги тут же уходили вниз.

Поэтому сегодня он вместо того, чтобы плавать, просто дышал в воде, зайдя в море на несколько ярдов.

Глубокий вдох ртом — выдох носом под водой. Вдох — выдох. Вдох-выдох.

Морская вода была холодной, но не такой ледяной, как в любой северной реке. В ней Джон, приученный к холоду, мог продержаться несколько часов. Глубокое дыхание, как и говорила Дейси, дарило спокойствие и забирало страхи. Сейчас, наполовину погруженный в воду, Джон не боялся ни мертвецов в тумане, ни леди Кейтлин, ни одиночества. Почему же он так боялся остаться один, когда был на суше? И почему он не чувствовал себя одиноким, сидя перед огнем или размахивая сталью?

Джон решил выйти, только когда ноги начали неметь от холода. Он слишком увлекся. Взглянув на небо, мальчик увидел сияющую луну, наполовину прикрытую облаками, и россыпь звезд. Он глубоко вдохнул и опустил в воду, чтобы вынырнуть у самого берега.

Одевшись, Джон оглянулся на море. Ночью оно казалось почти черным, как озеро в богороще. Лунный свет терялся в прибрежном тумане, превращая его в светящуюся пыль. Арье бы понравилось. И Сансе тоже.

Взгляд Джона зацепился за дерево, стоящее посреди моря. Голое, без сучьев, веток и листьев. Одно, два, семь... Это же мачты! Мальчик перестал дышать, вслушиваясь. Плеск. Много плеска, Джон никогда столько не слышал. Наверное, они идут на веслах. Но почему они молчат? Почему не подали сигнал? Почему пришли ночью?

И зачем они входят в устье реки?

Джон вспомнил, как Дейси ругалась, когда Виллис Мандерли приказал не ставить посты у моря: "До лагеря больше мили, какой от них толк?"

"Определенно, толк был бы", — подумал Джон, несясь по лесу. Хорошо, что кольчуга осталась в его палатке — она звенит так, что слышно за милю. Меч крепко держался за спиной — сир Родрик говорил, что так его неудобно доставать, но только за спиной он не мешал бегу. Тем более, взрослый меч был слишком велик для бастарда.

Одежда прилипла к мокрому телу, но Джон дышал легко, а усталости в ногах почти не было. Чем дальше он бежал, тем меньше вокруг было света. Джон бросил взгляд за спину — луна полностью скрылась за облаками, оставив его в полной темноте.

Джон споткнулся о корень и распластался по земле. Мальчик замер. Шагов слышно не было. Голосов тоже. Им же нужно еще высадиться, так? Он поднялся и, стараясь не создавать шума, бросился бежать дальше.

Лицо горело — видимо, пока падал, острекался крапивой. Руки тоже. Джон спотыкался еще шесть раз, прежде чем вбежать в подлесок, где не было корней.

Наконец, пробежав густой подлесок, Джон вылетел прямо на часового.

— Эй! Ты кто? — густым, спокойным басом спросил мужчина.

— Там корабли, — тихо ответил Джон, махнув за спину, — не знаю, сколько.

— Но сигнала не было, — растерянно пробасил часовой.

Рука в латной перчатке сжала горн, висящий на груди.

— Не было, — мотнул головой Джон, — и не будет.

Стрела пробила голову стражника прежде, чем тот успел ответить. Верзила завалился на землю, чуть не накрыв собой Джона. Горн упал к ногам мальчика.

* * *

Мужчина стоял, широко расставив ноги. Ветер был несильным, море — спокойным, и стоя так он мог бы даже спать. Со стороны он походил бы на статую. Уже несколько часов Давос Сиворт вглядывался в берег и не мог понять, что же его беспокоит. Дыма было не больше, чем должен создавать лагерь, на море не было ни одного корабля, а на берегу не шел бой.

И все же что-то было не так. Давос не выжил бы, если бы не знал приметы — почти всю прошлую ночь полная луна была скрыта облаками, это не предвещало ничего хорошего. Его старший сын бы лишь посмеялся, скажи Давос подобное при нем. А принц Станнис прислушался бы.

Полная луна была удачей для мореплавателей, а безлунье — для пиратов, но когда полная луна скрывалась посреди ночи... Давос не знал, нравилось ли это пиратам, но контрабандисты гибли именно в такие ночи.

Принц Станнис отправил его сюда, вместе с дюжиной кораблей, чтобы забрать припасы для осады. Давос хотел взять с собой воинов, если железнорожденные их перехватят, но Эдгард Старк остановил его. "В этом нет нужды, сир. Вы привезете нам не только пищу, но и несколько сотен свежих людей." На кораблях должно быть достаточно места для воинов Старка.

Луковый рыцарь не мог понять, почему лорд Старк не нравился Станнису. Когда будущий принц умирал от голода в осажденном Штормовом Пределе, именно Эдгард Старк снял осаду, не убив ни одного человека. Давос

думал, что хранитель Севера просто неприятный человек, но он оказался первым лордом, после Станниса, который не относился к Сиворту с презрением. К тому же лорд Старк походил на Станниса характером куда больше, чем король Роберт.

Чутье не подвело Давоса — на берегу, где река впадала в море, лежали тела воинов. Много тел.

Когда корабли подошли к устью, горнист трижды протрубил, но ответа не было. Люди замолчали — был слышен лишь скрип палубы, крики чаек да плещущиеся о борт волны.

Горнист протрубил еще раз.

Сейчас, казалось умолкли даже чайки. Пальцы сжали ладанку на груди.

— Дай сюда, идиот! — раздался с берега раздраженный женский голос.

Море всегда далеко разносит звуки.

Из леса, хромая, вышла обладательница голоса. Местами слипшиеся волосы походили на гнездо, а на лице даже за сотню ярдов была видна кровь. Правая рука воительницы сжимала перемазанную кровью булаву.

Она подняла горн и трижды протрубила. Длинный-короткий-длинный. Давос облегченно улыбнулся.

— Верны в нужде! — крикнул он.

Девушка казалась удивленной, а потом рывкнула в ответ:

— Здесь стоим!

Мормонты. Как и говорил лорд Старк.

Вечером, когда погрузка почти закончилась, Сиворт сидел у костра вместе с единственными высокорожденными в этом лагере. Виллис Мандерли развалился в специально вынесенном кресле, а Дейси Мормонт, умытая и расчесавшая волосы, сидела рядом с Давосом на бревне. Её левая нога была перевязана в двух местах, и девушка держала ее прямой.

Днем он не дал бы ей больше тридцати, но теперь, даже несмотря на то, что леди Мормонт была выше него, Сиворт был уверен — воительнице нет и двадцати лет.

— Выходит, железнорожденные незаметно подобрались почти на расстояние выстрела?

— Верно, сир, — леди Мормонт недовольно взглянула на Виллиса, — у нас не было стражи у моря.

Давос улыбнулся, глядя в огонь. Он помнил время, когда его жена была такой же вспыльчивой и горячей, как эта девушка. Возможно, даже горячее — иначе у него не было бы шестерых детей. Слишком давно он не видел Марию — Давос сопровождал принца в Браавос, а когда вернулся, началось восстание. Сам Станнис успел лишь мельком увидеть жену и даже не передал подарок своей дочери.

Подняв взгляд от костра, он понял, что его собеседники снова спорят.

— Раз уж вы не мертвы, ваши патрули все же принесли пользу.

— Наши патрули обделались, — с кровожадной улыбкой прорычала леди Мормонт, впившись взглядом стыдливо молчащего Виллиса.

— Выходит, вы встретили железнорожденных в кроватях?

Она рассмеялась и отхлебнула из меха, лежащего у на коленях.

— Ха! Кальмара им в портки, а не мою кровать!

Ее щеки покраснелись, а язык начал заплетаться. Девушка сплюнула на землю. Либо она была уже пьяна, либо ей дали маковое молоко.

— Наши задницы спас восьмилетний мальчик. Во-он тот, — она указала рукой на несколько костров, горевших недалеко.

Рядом с ними стояли, сидели и лежали раненые. Десяток лекарей, мужчин и женщин, суетились между ними. Среди лекарей был и мальчик, он перематывал тряпками руку какого-то здоровяка. Будто почувствовав, что на него смотрят, он поднял голову и взглянул Давосу в глаза.

Отчего-то Сиворту показалось, что этот мальчик старше сидящей рядом Дейси Мормонт.

Мальчик обратился к одному из лекарей, и вместе они направились к Давосу.

— ...Поднял тревогу, затрубив в горн убитого стражника. Я говорила, что нужно ходить, мать их, тройками, но у нас же мало людей! — леди Мормонт вновь огрызнулась на уже уставшего от разговора Виллиса Мандерли.

С удивлением Давос увидел на спиной подошедшего мальчика рукоять меча. Опухшее лицо ребенка было в нескольких местах покрыто зеленой мазью. Мужчина — вернее, старик — рядом с ним был одет в мантию, похожую на мастерскую.

— Миледи, — скрипучим голосом заговорил старик, — вам не следует много пить. Вино разжижает кровь.

— Я и не пила! — возмутилась девушка.

В этот момент заговорил мальчик. И Давос готов был поклясться, этот голос не принадлежал деревенскому ребенку.

— Дело не в вине, — он указал на плевок у ее ног. Слюна была красной.

— Кислолист... — пробормотал лекарь.

— Леди Мормонт, — ребенок положил руку на плечо девушки, — вам нужно поспать. Вы не спали два дня.

— И чья же это вина, а, Джон? — она игриво ударила собеседника.

— Вам нужны будут силы, — продолжил мальчик.

— Как прикажешь, мой герой, — под пораженными взглядами окружающих леди Мормонт на мгновение

прильнула к губам ребенка, а потом поднялась пошатнувшись.

Джон жутко покраснел — это было видно, даже несмотря на мазь и отсветы костра, — и отшатнулся от нее.

Давос поднялся с бревна и взял опьяневшую воительницу под руку.

— Позвольте помочь, — Сиворт опустил взгляд на мальчика. — Ты можешь проводить нас к ее шатру?

— Д-да, милорд, разумеется, — тот встряхнул головой и быстрыми шагами пошел вглубь лагеря.

Они шли молча, если не считать леди Мормонт, распевавшую "Гибель Харренхолла". Лагерь был небольшим, но грамотно поставленным — костры были отдалены от шатров, а шляхи от воинов, а тропы между ними не воняли солдатским дерьмом.

Шатер Дейси Мормонт оказался, на удивление, невелик. Давос остановился у входа, позволив Джону завести её внутрь, и тут же об этом пожалел.

— Вот мы и вдвоем, мой герой...

Что-то рухнуло и разбилось, раздался всплеск и возмущенный писк, а потом все стихло. Давос хотел уже зайти, когда леди Мормонт вновь заговорила, уже куда разборчивее.

— Почему он ушел, Джон?

— Я не...

— Прямо как мой отец...

— Спокойной ночи, миледи.

— Не уходи, — тихие шаги приблизились к Давосу, — я же сказала, останься!

— Простите, — уже выходя, пробормотал покрасневший до корней волос мальчик.

Давос тепло улыбнулся.

— Джон? — с интересом спросил он. Уж слишком взрослым был этот мальчик. — Без второго имени?

— Джон Сноу, милорд, — ребенок опустил глаза.

Выходит, бастарды действительно быстрее взрослеют.

— А я Давос. Давос Сиворт.

Джон резко вскинулся и вгляделся в лицо моряка, вызвав у того еще более широкую улыбку.

— Тот самый? — осторожно уточнил мальчик. — Луковый рыцарь?

— Да, меня так называют.

Несколько вдохов Джон держался, а потом, как и положено ребенку, затараторил:

— Мой отец рассказывал о вас. Вы правда привезли тысячу стоунов лука прямо *под* Штормовой Предел?

— Я плохо считаю, но тысячи стоунов там бы не набралось, — улыбаясь, ответил Давос. — Ты правда затрубил в горн убитого стражника, чтобы поднять тревогу?

Мальчик почему-то смутился и что-то пробормотал о том, что кричать было тише, чем трубить.

— Какую награду ты хочешь?

— Награду?

В голосе Джона Сноу не было ни радости, ни предвкушения. Давосу показалось, промелькнула даже злость.

— Я служу принцу Станнису Баратеону, — медленно объяснил он. Когда-то ему объясняли так же, — он говорит, каждая служба должна быть награждена. Чего ты хочешь?

Глаза мальчика вдруг загорелись, и Давос понял, что услышит раньше, чем Джон Сноу заговорил.

— Я хочу отправиться с вами.

Солнце поднималось над Винтерфеллом, вселяя в черные стены замка жизнь. Ей всегда нравились рассветы. Окна ее покоев выходили на восток, и Санса могла каждое утро любоваться восходом солнца. Когда теплые лучи касались ее кожи, девочке хотелось петь — и она пела. Уже несколько лун каждое утро в замке можно было услышать ее пение. Люди, которых она видела из окна, улыбались и кланялись. Ей нравилось то, что она нравится этим людям.

Септа Мордейн, ведя ее на утреннюю молитву, всегда хвалила ее голос. "Он чист, как слеза Девы", — вот как она говорила. Сир Родрик тоже восхищался им — старому рыцарю нравилось женское пение, а Сансе нравились его похвалы. Сир Родрик был настоящим рыцарем. Нет, конечно, не *тем рыцарем*, хотя, может, он был им в молодости, когда только женился. Сейчас сир Родрик был настоящим старым мудрым рыцарем из сказок. Он был высоким, сильным и благородным, а его глубокий рокочущий голос навевал мысли о битвах и ратных подвигах, могучем короле Роберте, начавшем войну ради возлюбленной и отважном Барристане Селми, рыцаре столь умелом, что песни о нем знали даже на Севере, о коварном принце Рейгаре, сраженным Демоном Трезубца, и безумном короле Эйресе, который был убит собственным гвардейцем. Мастер над оружием каждое утро благодарил ее за пение, а его взгляд при этом был теплым и печальным.

Санса иногда видела, как сир Родрик тренировал ее брата и Джона Сноу. Старый рыцарь никогда не сквернословил, не насмехался и всегда был вежлив. Единственное, что ей казалось неправильным: тот всегда выделял ее сводного брата перед остальными, даже перед Роббом. Это было нечестно, ведь Робб был хорошим, и его все любили, а Джон — вечно угрюмый и грубый, и маме плохо из-за него.

Конечно, Санса этого не говорила, но видела — улыбка ее матери исчезала, как только появлялся Джон или звучало его имя. А еще из-за него отец потерял честь. "Джон Сноу — единственный грех твоего благородного, великого отца", — когда-то сказала мама, и Санса хорошо запомнила, пусть и не сразу поняла, а сказано это было для Робба. А вот Робб забыл.

Её старший брат души не чаял в бастарде и почти все время играл с ним. Они бегали по замку, лазали по стенам и плавали во рву, заставляя служанок хвататься за сердце, а маму и септу Мордейн вновь и вновь молиться за здоровье Робба. А Арья тоже, подражая старшему брату, хвостом бегала за Джоном Сноу. Глупым, грубым и злым Джоном Сноу!

Сначала Санса думала что Арья, как и она, держится рядом с Роббом, но потом услышала историю о том, как ее сестра сказала первое слово — едва ли сама Арья, Джон или даже Робб это помнят, но септа помнила, как и мама. Мама так хотела, чтобы Арья любила ее так же, как Санса, но ее сестра предпочла своей матери сводного брата. Они с септой говорили об этом, когда думали, что она уснула. Тогда Санса решила, что будет любить свою маму и за себя, и за сестру.

Каждое утро, сколько она себя помнила, мать расчесывала ее волосы. Она усаживала Сансу на скамью, становилась сзади и кедровым гребнем расчесывала каждую прядь, после заплетая волосы в северную косу. Душа Сансы трепетала каждый раз, когда нежные пальцы матери касались ее. И каждый раз, когда она молилась в септе, девочка просила, чтобы завтра мама снова расчесала ее волосы. Санса могла бы пересчитать все дни, когда мама этого не делала — а считать она умела лишь до двадцати.

Сегодня был такой день.

Вчера утром прилетел ворон с побережья. Войска Севера достигли Гибельной крепости, объединились с войском короны, и отец отправился на острова вместе с королем.

И сегодня мама не пришла, и Санса расчесала волосы сама. Санса долго ждала, но септа Мордейн тоже не пришла, чтобы отвести ее на утреннюю молитву.

К счастью, пришел Робб. Он держал за руку Арию и улыбался так, будто все в порядке, и сердце Сансы, уже успевшее пуститься вскачь, успокоилось.

— Пойдем, — сказал ей брат, — мы нужны нашей матери.

Сансе хотелось вскочить и побежать, как Арья бегала за братьями, но она заставила себя спокойно подняться и вложила ладошку в руку Робба. Мама была бы довольна.

Робб привел их в септу. Санса не помнила, чтобы хоть кто-то из ее братьев бывал в септе, все они разделяли веру отца и были в ней даже усерднее его самого — она точно помнила, что отец сомневался в существовании богов.

Братья. Санса поймала себя на том, что снова объединила Робба и Джона. Надо следить за своими мыслями.

Мама была в септе. Она стояла на коленях перед ликом Воина — покровителя солдат и бойцов. Она выглядела так, будто провела здесь всю ночь.

— Мама! — Арья хотела сказать что-то еще, но Санса ее одернула. Здесь следовало говорить с богами и уж точно не кричать.

Плечи леди Винтерфелла вздрогнули, и она повернулась к своим детям с потерянными выражением на лице. Теперь заговорил Робб, и его Санса одергивать не стала.

— Мы можем помолиться вместе?

Губы мамы тронула теплая улыбка, и она кивнула. Еще никогда Санса так не любила Робба.

Дева раскинула руки, словно пыталась обнять небо, улыбающийся лик Матери был похож, невероятно похож на их маму — а вот суровое лицо Отца совсем не походило на Эддарда Старка, каким Санса его помнила.

Робб стоял рядом с матерью перед лицом Воина, Санса встала на колени перед Матерью, а Арья... Арья, как и всегда, все испортила. Ее сестра постоянно перебегала от одной статуи к другой, задерживаясь лишь на пару мгновений и строила рожицы.

Она стояла перед страшной маской Неведомого и грозила ему кулаком, когда вошла септа Мордейн. Санса пыталась не слушать, как та шепотом отчитывала ее сестру, но невольно обернулась, когда Арья, топая, направилась к выходу.

— Куда это вы собрались, юная леди? — сурово спросила Мордейн, — Вам следует молиться рядом с вашей матерью.

— Это все глупость, — ответила Арья, улыбаясь, словно говорила что-то невероятно умное, — здесь есть Отец и Мать, но ведь Брата нет. Я уже помолилась за отца, кому здесь мне молиться о Джоне?

Арья не заметила этого, но Санса — Санса всегда смотрела на мать и увидела, как та бросила взгляд на статую Неведомого.

— Здесь нет богов, которые вступились бы за это порочное дитя, — ответила септа Мордейн.

Сначала Сансе показалось, что Арья готова заплакать, но ее сестра вместо этого зарычала.

— Джон хороший! — выкрикнула Арья.

После ее слов в септе повисла злая тишина. Арья озиралась вокруг, то ли ища того, кто с ней поспорит, то ли пытаясь понять, уйти ей или остаться.

— Джон Сноу — бастард, греховное порождение похоти, — сухо заговорила септа. — Санса, будь любезна, напомни, что говорится о бастардах в "Семиконечной звезде".

Ей вдруг показалось, что язык прилип к небу. Она отлично знала, что говорится о них, но Джон... он никогда не был *настолько* плохим. Он делился ягодами, которые находил в лесу, всегда хвалил ее пение и почти никогда не ругался. Конечно, он не был ровней Роббу и никогда бы не стал рыцарем, что бы ни говорил сир Родрик, но Джон не был *плохим*.

— Д-дети страсти, дети греха, они сами греховны... Не могут и не хотят они нести в мир добро. — испуганно пролепетала Санса. Слово в слово, как было написано в Книге Отца.

Арья посмотрела на нее, и от этого взгляда захотелось плакать.

— Ваши боги плохие! А Джон — хороший! И он мой брат! И так отец говорит! И...

— *Единокровный*, — ледяным голосом перебила леди Кейтлин.

Арья выбежала из септы, вытирая слезы. Санса прижалась к матери.

Сколько Санса помнила, Джон был единственной причиной ссор в семье. Мама злилась, когда он играл с Роббом, Арья злилась на маму за то, что та злилась на Джона, Санса злилась на Арию. Ели бы Джона не было...

Санса оборвала эту мысль. В септе, под взором богов, так думать нельзя.

После завтрака должен был начаться урок шитья, но Робб забрал ее. Ведь сейчас именно он, девятилетний мальчик — Старк из Винтерфелла.

Брат привел ее в библиотечную башню. "Здесь точно нет Арьи", — так он сказал, и Сансу это заставило улыбнуться. Ей было жалко Арию вчера, но та уже через десять минут начала бегать за собакой по двору, а мама после ее выходки была бледнее, чем кора сердце-древа.

— Почему тебе не нравится Джон? — резко спросил ее Робб. Она не помнила, чтобы брат хоть когда-то был резок с ней.

— Он плохой, — неуверенно начала она. Робб сурово поджал губы, приобретя мимолетное сходство с отцом. И с Джоном — это и заставило Сансу осмелеть, — Из-за него у папы нет чести и мама расстраивается. Из-за него мы ссоримся! Из-за него ты на меня злишься!

Робб выглядел так, будто собирался ее ударить, но мгновенье спустя его лицо расслабилось, а взгляд стал грустным.

— Ты просто не знаешь, Санса, — тихо заговорил он, — Отец говорил ставить себя на место других людей, если судишь их. Представь, если бы у нас не было матери, — Робб поднял руку, не дав ей ответить, — у Джона матери нет. Он бастард, ему плохо от этого, нам плохо от этого, но он ведь наш брат.

Никогда не называй меня братом! Никогда! Я не твой брат!

— То есть он просто завидует? Поэтому он злой?

— Я не знаю, Санса, — пожал Робб плечами, — И он не злой. Он же всегда всем делится с нами, помнишь?

Санса помнила. Незадолго до отъезда отца недовольная Арья пришла в ее комнату с голубикой. "Вот, — угрюмо протянула она кулек, — Джон сказал с тобой поделиться". Голубика была вкусной.

Санса помнила, как играла с ним раньше. Он и Робб катали ее в богороще, бегая на четвереньках, изображая то ли лошадей, то ли лютоволков, а потом Джон угощал их пирожными, которые стянул с кухни, и они вместе смеялись над чем-то ужасно глупым. А потом Джон убежал к Арье.

Джон всегда пытался как-нибудь им угодить и всегда ставил Арье на первое место. Он носил Арье ягоды, цветы и резные фигурки, рассказывал сказки и трепал волосы, играл в рыцаря и носил на плечах. Сансе тоже доставалось, но намного реже. Он будто говорил этим, что Арья лучше нее. Но Джон бы хорошим старшим братом. Не веселым, как Робб, а старшим-старшим, умным, серьезным и заботливым.

А потом мама рассказала, что Джон не ее брат и что из-за него отец потерял честь.

И стоило маме это сказать, как Джон действительно перестал быть ее братом.

* * *

Дейси окинула взглядом остров. Замок на нем впечатлял — он казался никак не меньше Винтерфелла. И намного уродливей. На башнях, которые, из-за скал, были вдвое выше Винтерфелльских, развевались черные знамена с золотым кракеном. Замок состоял из трех соединенных мостами частей, одна из которых вовсе была на скале в море. Как вообще его можно взять штурмом?

К счастью, ей не нужно отвечать на этот вопрос. Сотни лодок и плотов одновременно спускались на воду. Нужно высадиться на остров.

Рана под повязкой снова зачесалась, и Дейси едва не взвыла от раздражения. Как и говорил лекарь, она меняла повязки каждые восемь часов, промывала рану — морской водой, ведь пресной было и так мало — и мазала неприятной желтой смесью. Квентин остался на Орлином мысе, поэтому за ней должен был ухаживать Джон Сноу, но — боги! — Дейси даже смотреть на этого мальчика не могла без желания утопиться в бочке и следила за раной сама.

Неудачно.

С каждым днем рана чесалась все сильнее. Дейси даже начала чувствовать противный сладковатый запах, когда снимала повязку.

Проклятое вино. Проклятый кислолист. Проклятый Пайк.

Когда два дня назад они прибыли на Харлоу, остров был почти целиком захвачен. Каково же было ее разочарование, когда Дейси поняла, что на Харлоу нет ни короля, ни лорда Старка, ни Джораха — все они были на Старом Вике, который защищали даже более рьяно, чем Пайк. Людьми на Харлоу командовал принц Станнис, пленивший Виктариона Грейджоя у Светлого острова.

Дейси сразу не понравился этот мужчина. Станнис был очень высок, но худ, а обветренное лицо со впалыми щеками походило на деревянную маску. Его скулы были всегда напряжены, отчего казалось, что он все время терпит боль, жесткий взгляд голубых глаз даже Дейси заставлял неловко ежиться, и говорил принц так, будто каждый день грыз камни.

Давос описывал своего сюзерена совсем по-другому.

Этот моряк с обрубленными пальцами ей нравился куда больше.

Словно услышав ее мысли, Давос оказался рядом и задумчиво оглядел остров. Дейси изображала угрюмость до последнего, но все же заговорила первой.

— Вы бывали здесь раньше, сир?

Он пожал плечами.

— Здешние жители никогда не нуждались в контрабандистах.

— Будет сложно высадиться?

— Откуда мне знать, миледи? — пожал плечами Давос, — Я не воин.

Дейси постаралась скрыть улыбку. Мало кто из взрослых мужчин мог бы признать свое невежество перед девушкой.

— И у вас не найдется совета? — в ее голос все же пробралось самодовольство.

— Для вас? — улыбнулся Давос, — Для вас найдется. Не бейтесь. По моему опыту, нет ничего хуже, чем морская вода в открытой ране.

Благодарные Дейси исчезло в мгновение ока. И он туда же. Она развернулась на пятках и широкими шагами направилась в каюту.

В ней кипел гнев. У Дейси были раны и похуже этой! Год назад топор какого-то одичалого едва не переломил ей хребет, лишь чудом просто вспоров спину. Это остановило ее? Нет! Они гнали тех ублюдков еще два дня, пока они не сбежали в горы, и рана болела все то время! Огромный шрам у нее на спине — доказательство.

А сейчас какой-то удачливый лучник попал ей в бедро, а она слишком криво вынула стрелу. Разве рана заставляла ее дергаться при каждом движении? Разве, охромев, она стала сражаться хуже обычного ополченца? Нет

и нет. Тогда почему *каждый*, даже стальной Станнис, пытался оставить ее на Харлоу?

В дверь постучали.

— Кто еще там?! — рявкнула она, едва не запустив в дверь булавой.

Здесь даже сломать ничего нельзя — ведь все вокруг принадлежало Давосу, вечно спокойному и доброму контрабандисту.

— Джон Сноу, миледи, — детский голос был холоден, и Дейси еще сильнее разозлилась, но теперь уже на себя. Она сделала несколько вдохов и насколько могла спокойным голосом ответила:

— Заходи, — она ожидала обвинительного взгляда, но зашедший внутрь мальчик лишь смущенно на нее посмотрел и уставился в пол. Видимо, эта холодность в голосе — попытка успокоиться. Наверняка перенял этот способ у отца, — и хватит называть меня миледи. Я — Дейси, забыл?

Мальчик покраснел еще сильнее и, казалось, был готов убежать. Почему-то это вызвало у нее улыбку.

— Мил... Э-э-э... Дейси. Можно вопрос?

— Я была пьяна, — быстро ответила Мормонт. О, конечно, она знала, что это был за вопрос, — пьяна, устала и этот треклятый кислolist... Извини. Но ты все равно молодец. Вот. Спасибо.

Закончив, она поняла, что ее лицо снова горит от стыда, будто она только что проснулась в шатре и вспомнила, как приставала к ребенку.

Джон тоже покраснел, но теперь смотрел прямо на нее.

— Я не о том. Мастер Квентин мне все объяснил про кислolist и вино, и... неважно, — он встряхнул головой. — Вам... тебе нельзя участвовать в высадке.

Дейси схватила булаву, уперла ее в грудь мальчика и процедила сквозь зубы:

— Пошел вон.

Джон побледнел, но не отвел от нее взгляда.

— В воде ты занесешь заразу...

— Как вы меня достали, — рыкнула Дейси, не давая мальчику закончить. — Убирайся!

Она схватила Джона за рубаху одной рукой и, легко оторвав от пола, вышвырнула из каюты. Мальчик вскрикнул, ударившись спиной о стену, но каким-то образом успел подставить под себя ногу, чтобы не упасть. Дейси захлопнула дверь.

Шагов она слышать не смогла.

Уже через минуту она пожалела о сделанном. Джон думал, что поступает правильно. Дейси на его месте поступила бы так же.

И ладно. Пайк скоро падет, а с Джоном Сноу она едва ли еще увидится. Но она будет сражаться. Дейси Мормонт не трусиха.

Через час она уже сидела в лодке рядом с десятком воинов — командовать она будет лишь ими.

Железнодороженные, конечно же, ждали их. Островитяне дали лодкам подойти поближе, почти на половину полета стрелы, а потом осыпали их смертельным дождем.

— Щиты! — рявкнула почти сотня глоток.

Несколько криков захлебнулись, когда волна стрел их достигла. Дейси успела прикрыться, а вот парню рядом не повезло — стрела воткнулась ему в шею, и на лицо Мормонт брызнула кровь.

Дейси выхватила из мертвых рук весло и, прижавшись к воину спереди, начала грести. Волна стрел закончилась через несколько мгновений. Лишь изредка меткие выстрелы разили опустивших щит или высунувшихся солдат.

Берегут стрелы. Умные.

Когда до берега оставалось меньше двадцати ярдов Дейси почувствовала, как лодку начинает сильно раскачивать. Что происходит? Она не успела вскрикнуть, когда мир наклонился, лодка перевернулась, и девушка, ругнувшись, рухнула в воду.

Давос был прав. Рана на ноге взорвалась болью, едва вода ее коснулась. Дейси неловко дернулась и задела рукой каменное дно. Хорошо. Не придется скидывать броню и бросать оружие. Выхватив из-за пояса кинжал, Дейси уперлась ногами в дно и выпрямилась в холодной воде.

Оказалось неглубоко, лишь по грудь. Перед собой она увидела незнакомца и попыталась ударить кинжалом. Прежде чем тот, замедленный водой, достиг цели, Дейси получила удар по лицу, от которого перед глазами заплясали звезды. Ублюдок!

Нож вошел по рукоять. Мормонт взглянула на берег — оттуда на нее смотрел наконечник стрелы. Пришлось нырять. Вынырнула она уже с булавой в руке, прямо перед островитянином, стоящим по пояс в воде. Он что-то прокричал, но не успел даже замахнуть топором, когда булава размозжила ему голову. Сбросив со спины щит, она закрылась от стрел и огляделась. Вокруг шло сражение, люди кричали, стонали и задыхались, серая вода подкрасилась кровью.

— То, что мертво — умереть не может! — рычали сотни глоток. Взревел боевой рог.

Теперь и на берегу шел бой. Перед Дейси возник низкорослый мечник. Она бросилась вперед, приняла первый удар на щит, заметила движение сбоку и отмахнулась булавой от топора, сбила мечника в воду, снова прикрылась щитом от топора.

Раненая нога загорелась новой болью и подогнулась, а мечник поднялся из воды, сжимая в левой руке кинжал. Нога болела так, будто ее проткнули насквозь. Дейси, сжав зубы, прикрылась от мечника щитом и ткнула булавой тому в пах. Он заскулил и согнулся, сразу получив могучий удар в ухо. Обернувшись, она поняла, что второй враг уже мертв. Дейси попыталась встать, но нога не слушалась.

Боль мешала думать, перед глазами запрыгали черные точки, а уши заложило. Ей нужен отдых. Пять вдохов.

Вдох. Булава опускается на дно. Дейси пытается ощупать новую рану на ноге. Как же больно! Выдох.

Вдох. Кто-то хватает ее за плечо. Что-то кричит. Дейси с трудом кивает. Короткий свист. Рядом падает тело.

Выдох.

Вдох. Волосы мешают дышать. Глаза закрываются. *Вы ведь впервые будете сражаться на войне?* Пальцы дрожат. Язык облизывает окровавленные губы. Соленые. Выдох.

Мир на секунду потемнел, и она рухнула в воду.

Вдох. Проклятье! Дейси вынырнула, кашля и борясь с головокружением. Почему вокруг темно?

— Медвежья сука! — взревел кто-то. Он стоял рядом, но казалось, что мужчина кричит с другого конца острова. Какой мерзкий голос.

Она прикрылась щитом. Удар, должно быть, сломал ей руку, но боль не пришла.

Надо было слушать Джона.

Дейси наконец провалилась в темноту.

* * *

Нед провернул меч в руке, проверил, хорошо ли держится щит, и покосился на стоящего слева Роберта. Когда они расстались после коронации, тот выглядел уставшим, разбитым и несчастным, но сейчас король, казалось, помолодел на полтора десятка лет. Черные волосы развевались, в густой бороде пряталась улыбка, голубые глаза горели предвкушением. Нед был готов поклясться: король выросстал еще на полфута, надевая доспех. Шлем, украшенный оленьими рогами, держал оруженосец, но оружие... Этот парень надорвался бы, попытайся он поднять молот Демона Трезубца.

Слитным движением Роберт закинул свой молот на плечо и двинулся вперед, не надевая шлем. Мальчишка-оруженосец побежал за ним. Желтый с черным плащ развевался за плечами короля. Также он въезжал в Королевскую гавань.

Эддарт поморщился от воспоминаний. *Я вижу не детей, а порождение дракона.* Лианне пришлось умереть, чтобы Нед смог взглянуть на Баратеона без гнева.

Остров еще вчера был захвачен, Камнелом был взят Барристаном Селми и Цареубийцей, но замок Драммоэ пока держался.

Стены этого замка были гладкими настолько, что кошка не нашла бы за что зацепиться, и загибались внутрь дугой, из-за чего этот замок прозвали "Галькой". Но такие стены были неприступны для лестниц или осадных башен, к тому же гарнизон сейчас уступал лишь Пайку. Что хуже всего, в замке оказался Эрик Молотобоец, легендарный пират, который был знаменит еще до рождения Неда. Когда-то этот человек ворвался в усадьбу Мормонтов лишь для того, чтобы изнасиловать леди Медвежьего острова и уйти. Когда-то он поднялся по реке и захватил Торрхенов Удел с полусотней человек. Единственное успешное нападение на Старомест за последнюю сотню лет также совершил он.

Естественно, Роберт захотел поговорить с этим человеком. Нед стоял за правым плечом короля, когда ворота открылись и из них вышел глубокий старик. Сколько ему было? Шестьдесят? Семьдесят? Его поддерживали двое мужчин, каждый из которых не уступал в росте Роберту, а сам старик был никак не меньше проклятого Грегора Клигана. "Это твой молот, мальчик? — проскрипел тогда Молотобоец, — маловат для меня. Можешь отдать его моему внуку и убраться в свои зеленые земли. На Железных островах не говорят с врагами — их убивают". Эрик хотел, чтобы король рассвирепел и отправил людей умирать на стены, но Роберт лишь засмеялся и ответил, что отдаст молот тому, кто сможет его забрать.

Ворота крепости оказались не слишком прочными — их хватило лишь на полчаса. Теперь в замок потоком хлынули воины во главе с Грегором Клиганом. Нед не мог спокойно смотреть на этого человека, но следовало признать, Гора действительно был невероятно силен. Одной рукой он держал меч, превосходящий в размерах Лед. Нед ворвался в замок вместе с гвардейцами Старков и Мормонтов. Первым на него набросился какой-то юнец с топором. Старку хватило двух ударов, чтобы отсечь парню руку, и он бросился дальше, врубаясь в неровный строй островитян.

Топор — любимое оружие железнорожденных. Опасное, быстрое, неприхотливое. Им можно сражаться везде

— в лесу, в болоте, на корабле в качку и при штурме стен, но Нед отлично помнил, как Бронзовый Джон, учивший его держать меч и копье, смеялся над "морскими лесниками". Неумеха с топором всегда победит неумеху с копьем, мечом или кистенем, но вот умелый мечник побьет любого воина с топором. Просто потому, что нельзя быть мастером в бою на топорах.

Нед Старк был умелым мечником. И у Неда Старка были инстинкты воина — он понимал, когда нужно прикрыться щитом, чтобы не получить стрелу в горло, когда нужно толкнуть противника, чтобы не дать навалиться на себя сразу несколькими бойцами, а когда отступить, чтобы враги запутались в узком коридоре. Эддард Старк умел биться везде — по поясу в воде на Трезубце, в стенах Красного замка, в болотах Перешейка, в горах Долины, в лесу, в поле, на берегу, в песках Дорна — и везде мог обратить окружение в свою пользу. Эддард Старк умел биться с кем угодно — с одичалыми, железнорожденными, горцами, дорнийскими копейщиками, рыцарями Простора и Долины.

— Мы сдаемся!

Когда Нед остановился, доспехи были перепачканы кровью, щит разваливался на части, а меч был покрыт выбоинами. Старк устало стянул шлем.

Замок был взят меньше чем за час.

Спустя еще час они отплыли на Пайк, оставив замок одному из Хайтауэров — у тех были счеты и с Драммами, и с Эриком Айронмейкером.

Удивительно, но им не пришлось даже пересаживаться в лодку — причал успели захватить, и на нем их встречал лично принц Станнис. За семь лет, прошедших с тех пор, как Эддард снял осаду со Штормового Предела, Станнис все же набрал немного веса. Нед помнил его, встречавшего их у ворот, когда Мейс Тирелл преклонил колени и отозвал войска. Тогда принц едва мог стоять, его щеки впали, стулы болезненно выпирали, а руки были тоньше вдвое рук Старка, но Нед видел в на его лице упорство, которого никогда не было у Роберта.

— Ваша милость, лорд Старк, — отчеканил Станнис, — Лордпорт захвачен, но по всему острову до сих пор идут бои с малыми отрядами. Бейлон Грейджой, пусть он и изменник, знает, как защищаться на островах.

— А ты, как я помню, должен знать, как нападать, — пророкотал в ответ король, — Надеюсь, ты не пропустил корабль с его женой, детьми и всем награбленным?

После этих слов наступила тишина, нарушаемая лишь криками чаек. Роберт до сих пор винил младшего брата, что тот упустил Визериса и Дейнерис Таргариен с Драконьего камня. И хотя Станнис был виноват не больше, чем Старки виноваты в наступлении зимы, никто не осмелился сказать об этом королю.

— Ваша милость, — заговорил Нед, — принц Станнис добился куда большего успеха, чем мы на Старом Вике, и куда быстрее.

— Да-да, ты опять прав, Нед, — отмахнулся Роберт, — где Джон? Почему десница короля не встречает, мать его, короля?

— Десница час назад прибыл с Соленого утеса, — Станнис отчетливо скрипнул зубами, — Виктор Грейджой бежал сегодня утром, и лорд Аррен ошибочно полагал, что сможет его перехватить...

— Пекло! — рявкнул Роберт, перебивая брата. — Как ты его упустил?!

Станнис скрестил руки на груди и холодно продолжил:

— Сейчас они обсуждают с хранителем Запада и лордом Талли дальнейшие действия. Я передал пленника Джону Аррену сразу после высадки. Моей вины в победе нет.

Роберт громогласно выругался и широким шагом направился к лошадям. Нед, коротко поклонившись Станнису, поспешил за королем.

Лордпорт был мелким даже в сравнении с Винтертауном. Серый, грязный и насквозь промокший — вряд ли железнорожденные сильно за него держались, но вот Пайк, Железная Роща и отделенные рекой западные скалы были сложными целями.

Роберт ускакал вперед, сказав Неду вызнать все у Станниса, а Станнису — вечером отплыть на Оркмонт, где Мейс Тирелл едва не был сброшен в море. Эддард не понимал, почему король не переносит младшего брата — ему Станнис напоминал одновременно Рикарда Старка и Тайвина Ланнистера, и обоих этих людей, несмотря ни на что, Нед уважал.

Станнис говорил со Старком сквозь стиснутые зубы, но ситуацию описывал быстро и подробно. Нед невольно задумался, мог ли он сам добиться подобных успехов в войне на море, мог ли хоть кто-нибудь их добиться. Снабжение, координация, тактические возможности — все это просматривалось в речи, даже когда принц говорил лишь о текущей ситуации, но детали... даже если бы Станнис их озвучил, едва ли Старк смог понять.

— ...Лагерь снабжения на Орлином мысе и Крэг регулярно поставляют ресурсы на Харлоу, оттуда будет вестись снабжение наших сил на других островах.

— Принц Станнис, я мало что понимаю в морской войне.

— Роберт не приказывал мне вас учить.

— И не нужно. Оставьте человека, который смог бы понять все, что вы сказали.

Станнис кивнул.

На въезде в город их поприветствовал Давос Сиворт — Нед хорошо запомнил этого человека, чересчур честного для контрабандиста и слишком умного для простолюдина. Станнис тут же отдалился от Старка и ехал рядом со своим вассалом, едва слышно переговариваясь.

Они не скрывали, о чем говорили, но дали Неду возможность обдумать в тишине все, что сейчас сообщил ему принц, и Стар был благодарен за это.

Старый Вик, Харлоу и Солёный Утес были полностью под контролем короны, Черная Волна — самый северный из островов — вскоре будет захвачена Рендилом Тарли, одним из лучших полководцев Простора, но Мейса Тирелла едва не выбили с Оркмонта войска со знаменем вымерших Хоаров, а на Большом Вике до сих пор идут бои с переменным успехом — оттуда несколько часов назад приплыл Тайвин Ланнистер, отдав командование Русе Болтону.

Болтону не хватало провизии, Соленому Утесу — кораблей, чтобы вывезти бесполезные войска, Мейсу Тиреллу — мозгов, а им самим на Пайке очень не хватало людей — приходилось осаждать сразу два замка и одновременно отбивать нападения укравшихся в западных скалах островитян.

Из мыслей его вырвало знакомое имя.

— ...Джон Сноу попросил взять его с собой, — говорил Сиворт, — Мальчик неплохо помогает лекарям, удивительно смел и смышлен для своих лет. От него будет польза.

— Служба не может быть наградой за службу, сир Давос, — хмуро ответил Станнис. — Спроси у него еще раз и вознагради как положено.

— Я знаю, о чем он попросит, мой принц, — на губах Лукового рыцаря заиграла теплая улыбка. — Джон Сноу хочет привести подарок сестре.

Эддард сжал поводья. Едва ли на Орлином мысе нашелся второй мальчик с именем Джон Сноу, желавший привести сестре подарок.

Станнис же залез под плащ и вытащил оттуда маленький сверток.

— Возьми, — протянул он сверток Давосу, — Я купил ее для моей дочери, в Браавосе. Лучшего для сестры бастарда не найти.

— Сир Давос, сколько лет этому мальчику? — спросил Старк, поравнявшись с рыцарем.

— Восемь, милорд, — Сиворт перевел взгляд на Эддарда, но, видимо, увидел в серых глазах что-то, что заставило его дернуть поводья.

Все три лошади — его, Давоса и Станниса — заржали, и две из них отшатнулись от Старка. Давос выругался, Станнис же просто бросил на Старка недовольный взгляд.

— Джон Сноу, — изменившимся голосом заговорил Нед, смотря перед собой, — это тот самый мальчик, которого я привез в Винтерфелл с юга, — он потемневшими глазами взглянул на Сиворта, — *мой сын*.

Джон оказался в восточной части Лордпорта, самой близкой к морю и самой безопасной. Когда Нед и Давос нашли его, мальчик вправлял плечо солдату с гербом Талли на груди. Выглядел Джон так, будто неделю страдал от морской болезни, однако Сиворт утверждал, что на корабле с ним все было хорошо. Когда Джон отошел от солдата, его руки мелко тряслись. Под глазами мальчика залегли темные круги, а лицо было даже бледнее, чем у Бенджена. Со стороны Джон больше походил на солдата, хоть и был им по пояс — на нем была надета кольчуга, ноги были защищены кожной броней с металлическими вставками, за спиной в специальных ножнах был закреплен меч, а на поясе висел короткий кинжал. Единственное, чего на нем не было — шлем.

Мальчик твердым шагом направлялся к воину Дастинов, зажимавшему куском туники рану на ноге, но Нед заступил ему дорогу. Сперва Джон попытался обойти препятствие, не отрывая глаз от земли, но Старк сдвинулся вслед за ним. Лишь тогда Джон поднял глаза.

Лицо мальчика преобразилось, в покрасневших глазах сиял восторг.

— Отец! Я...

Нед положил ему руку на плечо, обрывая.

— Ты пойдешь со мной и останешься под охраной Джори, — мальчик мгновенно сник, — позже ты отправишься...

— Отец! — Нед удивленно прервался. Джон никогда не позволял себе перебивать старших, особенно отца. — Дейси Мормонт пропала при высадке! — кивком Нед позволил Джону продолжать. — Ее нет ни среди живых, ни среди мертвых.

— Я понял, — коротко ответил Нед. — Пошли, я заставляю ждать короля.

Нед отдал Джона сиру Давосу, приказав незамедлительно начать поиски леди Мормонт, а сам галопом направился к шатру Джона Аррена.

Совет шел до самого вечера, но решение они так и не нашли. Их армия превосходила Железнорожденных в несколько раз, но люди были разбросаны по островам и побережью материка, а кораблей у островитян было

больше, и они могли легко ходить в знакомых водах, перебрасывая людей с одного острова на другой, пока войска короны слабели, а ресурсы истощались.

Можно было бы бросить силы на штурм Пайка, но тогда они рисковали получить удар в спину, можно было продолжить перебрасывать войска, но железнорожденные тоже могли так сделать, отвоевав уже захваченное.

Единственную разумную мысль внес Царубийца — понять, кто именно управляет действиями островитян, и откуда — ведь Бейлон Грейджой в Пайке, и всех воронов оттуда сбивали уже два дня, Викторин сбежал лишь сегодня, у Эйрона не хватило бы мозгов, а Родрик Грейджой, наследник Пайка, был убит в Сигарде.

Оставался лишь Эурон Грейджой, второй из братьев. И если про остальных можно было хоть что-нибудь сказать, то про этого не было известно ничего. Наконец, когда на небе уже зажглись звезды, у Роберта закончилось терпение.

— Мне срать на эти скалы, где спрятались обоссавшиеся кальмары! — взревел король. — Оставьте их, пусть там сдохнут! У нас не хватил людей для штурма Пайка, но для Железной Роши-то достаточно! Ты! — Роберт ткнул пальцем в Тайвина Ланнистера. — Хочешь, утопи ее, хочешь — отрави, хочешь — сожги, но через десять дней там не должно остаться этих промокших ублюдков! Ни одного! И какая, в пекло, разница, кто ими командует? Если мы возьмем Пайк, острова падут! А теперь пошли вон, ваш король хочет поспать и лечь спать!

Нед, подавив невольную улыбку, вышел из шатра. Ночи на островах совсем не походили на северные — воздух был холодным и свежим, но тяжелым, и не было слышно ни волков, ни медведей, только людей.

Внутри шатра Эддарда ждал Джорах Мормонт. Проклятье! Нед сам велел его позвать, но треклятый совет шел почти шесть часов.

— Лорд Старк, — со свирепой вежливостью поздоровался Мормонт, — надеюсь, я не зря проторчал здесь полдня?

— А я надеюсь, что зря. Вам известно, где ваша кузина?

Джорах отчетливо вздрогнул, его взгляд из раздраженного превратился в тревожный. Он покачал головой.

В этот момент в шатер вломился один из гвардейцев Старков.

— Милорды! Лорд Джорах! Мы нашли её.

* * *

Когда Старк вошел в шатер, он едва удержался от удара сюзерену по лицу. У Джораха были более важные дела, чем ждать Старка посреди ночи, словно южная шляха, но едва лорд Эддард заговорил, злость Мормонта испарилась. *Вам известно, где ваша кузина?*

Едва ли Старк спросил бы об этом, будь она на Орлином мысе. Едва ли Старк спросил бы об этом, будь она в порядке. Едва ли... *Мы нашли ее.*

— Леди Мормонт выбросило на берег, — парень, вломившийся в шатер, еле дышал и смотрел в землю.

— *Она жива?* — голос Джораха был тихим, но солдат вздрогнул и затравленно взглянул на Старка. Тот нетерпеливо кивнул.

— Жива, милорды, но... — парень замялся, и Джорах схватил его за шею. Мормонту не нравились эти трусливые бегающие глаза.

— Что. Случилось. С моей. Кузиной? — прорычал Мормонт в лицо мальчишки. Тот, казалось, вот-вот обмочится.

— Ее раны з-заражены, — промямлил гвардеец дрожащим голосом, — он-на..

— Где? — спросил Мормонт, отпустив парня.

— У лекарей.

Дейси была очень плоха. Из кошмарной раны на бедре тек гной, левая рука была сломана, а морская вода разъела кожу и выпила из девушки силы. Она стонала, металась на кровати, и лекарям приходилось держать ее, чтобы промыть рану. "Надо было слушать Джона", — бормотала она в бреду.

Этот Джон, восьмилетний сын лорда Эддарда, тоже был среди лекарей — подносил тряпки, кипятил вино и готовил какие-то мази. Джорах помнил Неда Старка восьмилетним, еще до отправки в Орлиное Гнездо — тот выглядел точно так же и был таким же угрюмым.

— Она выживет, — заверил его молодой мейстер, — Ее раны не так плохи, как думали солдаты, главная причина ее тяжелого состояния — морская жажда, — этот худой, безбородый юноша с золотыми волосами, лицом походивший больше на складную женщину, чем на мужчину, не вызывал ни уважения, ни доверия, а его высокомерный взгляд и безразличный говор не оставляли сомнений — отпрыск Ланнистеров. — Но ее нога вызывает опасения. Наименее рискованным решением было бы отнять конечность.

Джорах взял мейстера за грудки и оторвал от земли — тот весил меньше тринадцатилетнего мальчишки.

— Если моя кузина останется без ноги, я отдам ей две твои — в подарок.

Мейстер обещал сохранить ногу.

Следующим утром попытались напасть железнорожденные, скрывавшиеся в скалах. Увы, их отбросили еще до

того, как Мормонт обнажил меч — западная часть лагеря была укреплена, а патрули ходили там в десять раз чаще, чем шлюхи. Этим же утром он узнал, что в штурме Железной Роши северяне участвовать не будут — Тайвин Ланнистер решил доказать, что западники, не выигравшие ни одной битвы, тоже чего-то стоят. Джораху было плевать на интриги хитрозадых южан, но сейчас его заставляли сидеть и беспомощно ждать, что же будет с Дейси.

Несколько лет назад он сидел у постели своей жены Бет, когда она рожала. Она тоже металась в постели, сжимала его руку, кричала его имя. Там было много крови. И много смерти.

"Прости меня", — последнее, что он услышал от жены, держа на руках очередного мертворожденного сына. Бет забылась сном после родов, так и не проснувшись. Джорах никогда не любил свою жену, их брак был волей отцов, и хоть Бет в него и влюбилась, Мормонт не был уверен, что был хорошим мужем.

Но кухню Мормонт любил, любил так, будто она была его собственной дочерью. Он боялся ее навещать, ведь вокруг него слишком часто умирали, и он боялся, когда не видел ее, ведь она могла умереть. Десяток раз он подходил к шатру, слышал шепот лекарей, тихие стоны кухни и уходил. Сражение бы помогло. Гребаный Тайвин Ланнистер.

Спустя два дня ему наконец сообщили, что Дейси стало лучше, а нога останется при ней, лишь тогда он решился ее навестить.

В шатре пахло травами и вином. Дейси лежала спокойно, не шевелясь, дышала ровно и выглядела куда лучше, чем позавчера. Рядом с ней сидел тот самый мальчишка, Джон.

— Лорд Мормонт, — мгновенно вскочил он.

— Сядь, — добродушно бросил Джорах, — и расскажи мне, как она, — Мормонт приставил стул к постели кухни и сел, вглядываясь в ее лицо.

— У леди Мормонт две раны на бедре, я их промываю и обрабатываю каждые три четверти часа, — затараторил он, — Заразу из них мейстер Ландель выжиг кипящим вином. Кости на руке стоят правильно, повязка не дает им разойтись, через одну луну она сможет двигать рукой. Воспаление кожи пройдет через несколько дней, благодаря мази, а последствия морской жажды уже прошли.

Он произнес все это на одном дыхании и посмотрел на Джораха взглядом, одновременно гневным и извиняющимся, будто мальчик переживал за его кухню больше, чем он сам.

Хотя Джон Сноу ведь тоже был на Орлином мысе, верно? Эддард Старк не стал бы тащить своего сына в самое сердце войны.

— Тебе известно, что с ней случилось? — Мормонт постарался, чтобы его голос звучал не слишком требовательно, но и не слишком мягко. Он понятия не имел, как говорить с детьми. Вернее, с мальчишками, ведь с четырьмя кухнями он общался хорошо.

— Известно больше, чем другим, — ответил Сноу, и его взгляд стал жестким, как у отца, — Леди Дейси была ранена стрелой в ногу во время нападения на Орлиный мыс. Со слов лекаря, рана, скорее всего, уже воспалилась, когда она участвовала в высадке на Пайк. Видимо, леди Мормонт была ранена в ту же ногу и потеряла сознание.

Договорив, мальчик поднялся и принялся разматывать повязку на бедре Дейси.

— Раненая девчонка принимала участие в бою? — Джорах увидел, как руки Джона дрогнули, и он на несколько вдохов замер.

Мальчишка поднял на Мормонта взгляд, и в серых глазах был ясно виден ответ. Они долго смотрели друг на друга в полном молчании, а потом Сноу вернулся к ране.

— Ей было некому запретить, — безразличное обвинение в детском голосе было похоже на раскаленный клинок.

Мормонт зарычал.

— Ты хочешь сказать, что это, — Джорах указал опухшую блестящую рану, — моя вина?

— Не больше, чем короля или лорда Старка, — спокойно ответил Джон, не отвлекаясь от перевязки, — Но ведь это не их кухня.

— Твоему отцу стоило научить тебя уважению, сопляк! — Джорах вскочил со стула.

Однако сейчас мальчишка даже не дернулся, медленно покрывая края раны вонючей мазью. Закончив, он вновь перевязал ногу и поднял опустевший взгляд на Мормонта. Желание проучить мелкого наглеца пропало так же быстро, как и появилось.

— Скажи мне, когда она очнется, — бросил Джорах, выходя из шатра.

— Как прикажете, милорд, — донеслось ему в спину.

Полдня Джорах провел, тренируясь и пытаясь понять — был ли Джон Сноу прав.

Не был.

Дейси — воин, как и Джорах, и она сама принимала решения. Иначе бы Мормонт не взял кухню с собой. Однако он ошибся — не тогда, когда оставил ее одну, отправив на Орлиный мыс, а гораздо раньше, на Медвежьем острове. Когда решил, что Дейси готова к такому.

Уснуть ночью он не мог.

Джорах был даже рад, когда горны взвыли о нападении.

Мормонт никогда не был южным рыцарем, которому нужны шесть человек, чтобы облачиться в доспехи — вскочив с кровати, он был готов к бою через несколько минут.

Когда он вышел из шатра, вокруг был хаос. Солдаты кричали, носились по лагерю в одних портках, зато с копьем, кто-то надел кольчугу, поножи и шлем, но забыл натянуть сапоги, какой-то увалень умудрился упасть в костер и ревел, словно раненый медведь. Где-то раз за разом трубил горн — Джорах направился именно туда, по пути подхватывая паникующих солдат и сбивая из них полуголый строй. Что за идиоты?

Шатер Джораха находился в юго-западной части лагеря, ближе всего к Пайку, и эта часть должна была первой подвергнуться нападению, но здесь не было ни одного трупа, а горны почему-то выли на востоке.

Впереди Мормонт увидел свет факелов.

— Туда! Быстро, ослы! — скомандовал он, толкнув одного из солдат.

Среди факелов Джорах ясно разглядел высокий силуэт воина. Он держал меч высоко над головой, призывая солдат, в свете факелов его волосы казались золотыми. Подойдя ближе, Мормон узнал Джейме Ланнистера. Цареубийца оказался куда менее удачливым, чем он сам — из левого плеча Ланнистера торчал арбалетный болт, а голый торс был измазан кровью. Сейчас "Золотой Лев" гораздо больше походил на дикаря, чем северяне.

Мормонт оглядел остальных. Потные лица, окровавленное оружие. Раненые. Эти воины явно только что сражались.

— Ланнистер! — Джорах повернул голову на крик и увидел своего сюзерена, идущего к ним. Эддард Старк, как и он, был полностью одет, но меч, который хранитель Севера сжимал в руке, был испачкан кровью. — Западная чать чиста.

— Откуда эти ублюдки взялись? — прорычал Мормонт, не надеясь на ответ.

Но Цареубийца ответил:

— С моря. Старк, — кивнул он Эддарду.

Тот будто наткнулся на стену, в этот момент Джорах очень ясно увидел их с сыном сходство. Впрочем, растерянным Старк выглядел лишь один вдох.

— С востока? — уточнил Эддард.

— Да, милорд, — насмешливо бросил Цареубийца. — Море, оно на востоке.

Услышав ответ, тот тут же забыл о Ланнистере. Взглянув на Мормонта, Эддард прошептал лишь одно слово:

— Лекари, — и побежал к морю.

Проклятье, там Дейси!

Джорах бросился следом.

* * *

С самого утра Джон был зол.

Уезжая с отцом из Винтерфелла, он и предположить не мог, что здесь будет так *мерзко*. Нет, промозглый Пайк и продуваемый насквозь шатер его не пугали, но вот лежащая без сознания Дейси Мормонт — пугала до смерти. Как и десятки раненых, прошедших через него.

С закрытыми глазами и спутанными волосами Дейси была слишком похожа на Арья, отчего Джону становилось еще хуже. В этом мокром и гнилом пекле, по ошибке называемом войной, Дейси была единственным человеком здесь, который относился к нему... *так*. У Джона не было слов, чтобы описать это. Было бы хорошо, если его мать похожа на Дейси.

Но будь его мать похожей на леди Мормонт, Джон не рос бы с отцом. Или не рос бы с леди Кейтлин, зависит от того, насколько похожей оказалась бы мама.

Когда лорд Медвежьего острова вылетел из шатра, Джон хотел последовать за ним. Хотел подойти к отцу и попросить, чтобы его вернули в Винтерфелл — здесь, на этом мокром острове, он чувствовал лишь тоску.

И больше всего на свете он хотел оказаться рядом с Арьей, прижать ее к себе и рассказать историю о храброй медведице.

Но этой храброй медведице через полчаса нужно опять менять повязку. А потом надо будет вынести ночной горшок и позвать кого-нибудь из женщин, чтобы те вымыли Дейси там, где ему не дозволено. И снова сменить повязку. Завтра должен был прийти мейстер, чтобы еще раз ее осмотреть.

"Она поправится, — сказал себе Джон, — она сильная, как медведь". Увы, уверенности это не придало.

Возможно, это бессонная ночь сказывалась на настроении. Но спать нельзя. Нельзя. Дейси нужно обработать рану. Джону казалось, что с каждым часом она худеет и уменьшается, все больше становясь похожей на его маленькую сестрицу.

"Она не Арья. Арья дома, смешит конюхов, гоняется за собаками и учится шить. Она не Арья".

Джон очень хотел вспомнить сейчас, как он носил сестру по богороде на своих плечах или как учил ее

выговаривать свое имя. Или как она кидала в него цветами в колыбели. Но едва Джон представлял сестру, память услужливо возвращала его в день прощания. У Арьи в глазах стояли слезы, и она комкала в исколотых пальцах платок, который пыталась для него вышить.

Когда он только сказал ей, что уезжает, сестра его поколотила, а потом заявила, что будет спать с ним до каждую ночь до отъезда. Отказать Джон не смог, хотя очень боялся, что их увидит леди Кейтлин.

Год назад ему показалось, что она застала его спящим у кровати Арьи, но тогда леди Винтерфелла промолчала, и Джон решил, что ему приснилось.

Может, он и сейчас спит? А когда проснется, окажется в своей комнатке в Винтерфелле, а к его груди будет прижиматься сестра, и Дейси окажется дочерью лорда Мормонта, никогда не бывавшей южнее мыса Кракена.

Хорошо бы.

Голова Джона стала вдруг невозможно тяжелой. Он опустил ее на край кровати, рядом с рукой Дейси. Глаза закрылись сами.

Когда Джон проснулся, его охватила паника. Он же не пропустил время смены повязки? Но свеча на столике с лекарствами еще горела, не уменьшившись и на треть. Выходит, не слишком сильно.

Спросонья руки плохо слушались. Джону пришлось несколько раз подпрыгнуть и помахать руками, прежде чем он приступил к перевязке. Едва он закончил, как услышал знакомый голос:

— Джон, я могу войти? — у входа, откинув полог, стоял Луковый рыцарь.

Давос Сиворт был странным человеком. Он носил меч и герб и служил лично принцу, но говорил с людьми так, будто все еще был контрабандистом, вылезшим из какой-то дыры в Королевской гавани.

Давос присел по другую сторону от кровати Дейси и улыбнулся.

— Твой отец выглядит так, что мне страшно за свою жизнь.

— Но вы не виноваты, — поспешил ответить Джон, — а мой отец справедлив.

— Вот уж верно, — хмыкнул рыцарь, — не виноват. Контрабандист обдурен ребенком. Неплохая песня получилась бы, а?

Джон неуверенно улыбнулся. С Давосом они говорили долго — Джон успел еще раз сменить повязку на Дейси. Теперь, когда Давос знал, кто он такой, Сиворт будто еще лучше стал его понимать. Они говорили об Арье, о детях Давоса, старший из которых уже стал оруженосцем, о лорде Старке и Станнисе Баратеоне. Уже собираясь уходить, Сиворт протянул ему подарок — игрушечного всадника.

— Мой сюзерен решил наградить тебя, — сказал Давос. — Он купил ее в Браавосе, для дочери. Думаю, твоей сестре понравится.

Деревянный всадник с копьем был вырезан невероятно умело — у него даже шпоры были. Лошадь же была высотой не больше четырех дюймов, но у нее была вырезаны шикарная грива, глаза и морда.

Арье понравится. Она любит лошадей.

Как-то раз она забралась в конюшню и попыталась сесть на жеребенка — причем без седла. Удивительно, но у нее это получилось. Септа тогда чуть не умерла от страха. Да и Джон испугался — он-то на лошадь только в пять лет сел, а Арье и четырех не было.

Джона должны были сменить ночью.

Тогда-то все и началось.

Крики согнали сонливость мгновенно.

Джон с перепугу схватился за меч — и правильно. Едва он подошел к выходу, полог оборвался и внутрь влетел вооруженный топором воин. Джона спас маленький рост — его не сразу заметили, и страх — он ударил прежде, чем понял, кто перед ним.

Размашистый удар справа налево рассек железнорожденному бедро до кости, но ее перерубить не сумел. Джон дернул меч на себя, и островитянин взвыл, завалившись в сторону. Второй удар пришелся в шею. Острие укололо чуть выше ключиц и вошло до позвоночника.

Островитянин сплюнул кровью на лезвие, забулькал и попытался подняться. Джон вытащил меч, и он умер.

— Твою мать, — выругался кто-то над головой.

Топор, опускавшийся на голову, почему-то напомнил раскрытый вороний клюв. Скользящий блок! Кисти обожгло болью, зато удар, который мог бы раскроить его пополам, лишь слегка задел плечо. Но потом нога железнорожденного ударила Джона в грудь. Он пролетел половину шатра, врезавшись в стол. Стол жалко треснул, развалившись — или это ребра треснули? — меч зазвенел, вылетев из рук. Щепка пронзила ладонь.

Вокруг стало темно — должно быть, свечи потухли, упав со стола, но Джону показалось, что он ослеп. Вдох отдался такой болью, что глаза заслезились.

От входа шел дрожащий свет, но его хватило, чтобы увидеть Дейси и подходившего к ним островитянина.

Ты Джон Сноу из Винтерфелла. Сын Эддарда Старка.

Руки шарили по земле, но меча не было. Проклятье, куда он отлетел?! Ему нужен меч! Правая рука что-то

нащупала, и Джон тут же запустил этим в железнорожденного. Резной всадник ударил того в лоб.

— Мелкий ублюдок!

Над голову снова опускался топор. Левая рука наткнулась на обломанную ножку стола. Джон бросился в сторону, и топор вошел в землю — а вот щепка волша островитянину в живот на целый фут. Тот раскрыл рот в немом крике и попытался снова поднять топор. Джон надавил на щепку снизу, и он лишился чувств, упав головой к ногам Дейси.

Дрожащими пальцами мальчик снял абордажный топор с пояса мертвеца. Тот застонал и попытался схватить руку, а Джон, испугавшись, отрубил ему пальцы.

Он стащил стонущего мужчину на пол и, примерившись, вбил топорик в лысую голову.

Джон выглянул из шатра и увидел бойню. Половина шатров горела, на земле лежали люди. Десятки людей, но воинов среди них было мало. На них не было доспехов, у большинства не было даже оружия. У некоторых — конечностей. Люди, что сделали это, уже уходили — в центр лагеря. Лишь несколько человек ходили вокруг костров и добивали раненых. Кого-то с криками тащили к морю.

Один из воинов обернулся, и Джон едва успел спрятаться. Его заметили? Нет?

Собственное дыхание казалось ужасно громким. Он на цыпочках вернулся к кровати Дейси — там почему-то казалось безопаснее — и сжал ее руку.

"Ты сын Эддарда Старка, — сказал он себе, — ты не имеешь права бояться".

Ветерок, теперь беспрепятственно врывающийся в шатер, охладил лицо, и Джон понял, что щеки мокрые. Он плакал? Или плачет сейчас?

С каждой минутой вокруг было все меньше звуков. Крики раненых исчезли. Не было слышно и треска пламени. Даже ветер молчал.

Тишину нарушало только его дыхание. Взгляд упал на кровать.

Дейси! Боги, Дейси, ты дышишь? Ты жива?

Дышала. Новых ран не было.

"Пора менять повязку", — подумалось Джону, и он едва не рассмеялся.

Потом звуки стали возвращаться — послышались крики. Они приближались. Где треклятый меч?

Тот оказался на кровати, прямо под рукой.

Джон швырнул топор в вошедшего и схватился за меч. Топор попал прямо в живот, и мужчина упал на колени, пытаясь удержать внутри свои потроха. Сноу уже хотел добить его, когда в шатер ворвались еще люди. Один, два... семь. Джон закрыл собой лежащую Дейси и выставил вперед клинок.

Это вызвало бы хохот, не будь на земле двух мертвецов. Он не позволит им тронуть Дейси!

— Этих живыми, нам нужны заложники!

Джон зарычал.

Вдруг полог распахнулся. Джон не видел, кто вошел, видел лишь, как голова одного из железнорожденных отделилась от тела. Кто-то закричал. Засверкала сталь. Падала вниз голова. Когда она достигла пола, еще двое железнорожденных были мертвы. Когда все, наконец, поняли, что враг сзади, в живых остались лишь двое. И воин, ворвавшийся в шатер, яростным взмахом перерубил топор одного из них, после чего вогнал меч в лицо островитянину по рукоять и повернул.

Последний враг тоже был с мечом и умел им пользоваться, но фехтования не было — спустя пять или шесть вдохов тот выронил меч, такими сильными были удары. Спустя восемь он был уже мертв.

Вошедший снял шлем и отер с лица кровь.

Меч Джона вдруг стал невероятно тяжелым.

— Папа?

Винтерфелл III

Юноша плелся по вымощенной желтым камнем улице, опираясь на стену. Перед глазами стояла пелена. Зад болел так, что приходилось выворачивать стопы, лишь бы не потревожить его, шагая. Слезы медленно стекали по щекам и падали на желтые плиты.

"Прошу вас, господин" — раздался в его голове собственный хриплый голос.

В этот момент стена закончилась, и юноша рухнул на землю, едва успев подставить руку, чтобы не разбить лицо. Лишь благодаря этому лицу им до сих пор было где жить и чем питаться.

Увы, защищая лицо, он забыл о ногах. Боль тут же прострелила его, поднимаясь вверх, почти доходя до пупка. Воспоминания снова ударили в голову, горло предательски напряглось, и юношу вырвало. Сдерживая желание плакать, он открыл глаза. Рвота была белой. Его скрутило еще раз.

Застонав, он поднялся и, пошатываясь, продолжил путь. До дома осталось немного. Он, наконец, сможет лечь в кровать и прижать к груди младшую сестру.

И все пройдет.

Все будет хорошо. Они все вернут. Нужно лишь набраться терпения.

Уже четыре года он твердил себе это. Когда умер их последний защитник и они с сестрой оказались на улице, не обладая ничем, кроме одежды, ему было лишь тринадцать лет. Он попытался воровать — но вор из него вышел плохой. Его избили и сбросили в море, но каким-то чудом он выплыл. Боги не дали ему умереть.

На поиски сестры ушла неделя. Назвать свое имя незнакомцу — глупость еще большая, чем воровство. На них охотились. Он знал это. Не зря их не выпускали из дома четыре года. Потому он сам шатался по улицам, выискивая знакомое лицо среди попрошаек.

Только он нашел сестренку, им пришлось покинуть Браавос. Едва ли не босиком. Хромая, он нес свою сестру на шею — та настолько ослабла от голода, что не могла идти. К счастью, зима тогда уже закончилась, и им не грозила смерть от холода.

Лишь боги знают, как они живыми добрались до Пентоса. Две луны он шел до богатейшего из Вольных городов, вымаливая кусок хлеба у каждого встречного и пряча девочку от чужих глаз. Юноша слишком хорошо помнил, как его сестра беззвучно плакала держась за живот каждый вечер. Сам он почти не мог есть, видя четырехлетнюю умирающую сестренку.

В Пентосе он даже хотел уйти в бордель, но это означало бы, что он выбрал свою судьбу и судьбу своей сестры. Мальчики-шлюхи не надевают шпору, а девочки-шлюхи не становятся принцессами. Он не был готов сдаться. Он никогда не сдастся.

Последним, что он украл, была краска для волос. К счастью, в Пентосе ей разве что стены не красили.

Так на разноцветных улицах города появился Роберт, юноша для удовольствий.

С первым клиентом Роберту повезло, это был сын какого-то купца, немногим старше его самого. Он был нежен, робок и невелик. Но вот вторым был разжиревший ростовщик, от которого воняло духами и потом, а во рту прогнила половина зубов. Роберта едва не вырвало, когда эта свинья залезла языком ему в рот. Лишь исхудавшее лицо сестры, вечно стоящее перед глазами, не позволило ему сжать горло этого жирного ублюдка и давить, давить, давить, пока его огромное лицо не посинеет.

Он хотел перестать. Мечтал об этом. Но у Роберта не было ничего, кроме красивого тела и смазливой лица. Шанса податься в наемники или разбойники не было — драться он никогда не умел, а голодная жизнь быстро забрала те немногие силы, которые у него были.

Роберт был терпелив. Роберт был аккуратен. Каждый десятый день он подкрашивал волосы, чтобы никто из клиентов не видел их настоящий цвет; каждый день он ломал свою гордость, угождая самым низким желаниям, ведь разозленный клиент мог навредить ему, и тогда сестра останется одна; каждый день он откладывал деньги, молясь, чтобы момент, когда он наконец сможет сбросить ненавистную личину, настал быстрее.

Каждую ночь он приходил в комнату, где жил с сестрой. Юноша плакал, глядя, как она с жадностью плотает еду, которую он сам в ее возрасте не считал даже помоями, и смотрит на него огромными глазами, полными благодарности. Роберт рассказывал ей истории, укладывая маленькую голову себе на колени — лишь в этих историях он мог дать волю своему гневу и горю. Иногда сестра засыпала у него на коленях, вжимаясь в него, прячась от всего мира — это были самые счастливые моменты в его жизни. Роберт старался защитить ее, как мог. Он запрещал ей выходить, ведь ее могли узнать, и тогда... тогда им конец.

Он уже почти скопил необходимую сумму, но два года назад сестра заболела. Роберт тогда едва не сошел с ума — он истратил на лекарей столько денег, что хватило бы на новую одежду, меч и нескольких слуг-рабов, он заставил ее тоже перекрасить волосы в черный, чтобы лекари не могли узнать о ее происхождении. Лишь ради того, чтобы узнать, что ей нужен солнечный свет.

Тогда ему пришлось найти место получше — и дороже. И еще два года торговать собой.

Но сегодня был последний день. Последняя капля. Его насильовали трое ублюдков-наемников, заставляя изображать из себя собаку. Старшего из них, самого громадного и самого жестокого, он запомнит на всю жизнь.

Лай! Я сказал — лай, шавка!

Меро. Титанов бастард. Мразь.

Роберт знал, что делать, когда сбросит эту личину. У него давно был план. Сотня планов. Золотые мечи Волантиса — самые честные из наемников, мечтающие вернуться домой. Безупречные Астапора — верные и послушные, непревзойденные воины без страха и жалости. И дорнийцы. Он знал их мстительные натуры, они присоединятся к нему, если будет хоть надежда на победу. Но ему необходима сила, необходима армия, с которой он пойдет на восток, чтобы потом вернуться на запад. Иначе никто его не заметит. А армию ему может дать только союзник.

Об одном из таких ходили слухи. Изгнанный десница, проигравший Эддарду Старку — как в бою, так и в любви. Бывший наемник собирался вернуться и отомстить, но для этого ему нужно исчезнуть — что-то подобное Роберт вызнал у других шлюх. Шлюхам говорили больше, чем женам и друзьям. Он был одним из Золотых мечей, но его изгнали — эту правду знали все. Но Роберт знал больше — изгнание было ложью.

Джон Коннингтон.

Коннингтоны были одним из сильнейших домов Штормовых земель. А Джон Коннингтон, глава дома, был верным другом принца Рейгара. Роберт помнил, что говорится о Коннингтонах. Лютые враги, верные друзья. К тому же, Джон был хорошим бойцом. Когда-то он выбил из седла легенду Вестероса — Барристана Смелого.

Ему нужен был такой друг. И его сестре. Этот человек хотел отомстить не меньше, чем Роберт.

И сейчас этот человек был в Тироше. Туда Роберт и направится.

Но сначала... сначала нужно перестать быть Робертом.

Боги, как же он сейчас вонял!

Покрытый собственной рвотой, со стекающей по бедру кровью, он открыл дверь, чтобы обнаружить внутри двух девочек.

У гостьи было острое, хищное лицо, но улыбка смягчала черты, делая его скорее благородным. В отличии от большинства жителей Пентоса, ее кожа была бледной. Волосы, белые, как весенние облака, были стянуты в высокий хвост. Она была чуть выше сестры и намного крепче.

— Брат! — сестренка подняла на него пылающие восторгом глаза, — Это Виликор! Она из Бравоса.

Виликор тоже перевела на него взгляд.

"Дочь наемника", — понял Визерис.

Его имя он не запомнил, но взгляд запал в память надолго — уж больно нравилось тому водному плясуну смотреть в глаза, трахаясь.

— Приятно познакомиться, — Роберт кивнул, сжав зубы до боли. — Жаль, но мне нужно поговорить с сестрой. Наедине.

Он никогда не умел смотреть грозно, как брат, но глаза Виликор испуганно расширились, и она поспешно вышла.

Передай отцу, что его член меньше моего пальца.

Сестра возмущенно посмотрела на него, сложив тонкие руки на груди.

— Зачем ты ее прогнал?! Она хорошая!

Он наклонил голову, пытаясь спрятать за черными волосами проступившие слезы.

Почему его все предают? Почему даже родная сестра мешает ему? Почему его брат должен был проиграть?

Волосы воняли потом, семенем и рвотой.

— Я говорил тебе не выходить на улицу, — дрожащим низким голосом заговорил он. — Я говорил никого не звать.

Сестра будто и не замечала, что ему плохо, что он зол.

Как, во имя богов, можно это не замечать? У него подгибаются ноги, у него трясутся руки, от него воняет, будто он искупался в отхожем месте. Ему плохо. Ему больно!

— Но мне скучно! — возмущенно кричала она, — Я всегда одна! Ты же выходишь!

И чудесно провожу время.

На дрожащих ногах он дошел до кровати — садиться на стул сейчас было бы сродни пытке. Аккуратно присев, он посмотрел на сестру. У той на лице не было ничего, кроме упрямства и обиды. Она его не любит. Ей плевать. Но она — все, что у него было.

— Мы уезжаем, — Роберт старался, чтобы голос оставался спокоен. Он знал — стоит сорваться, и он уже не остановится. — Завтра.

— Нет! Я хочу играть с Вили!

Проклятье.

Руки вдруг перестали трястись. Стыд, унижение, слабость, нежность — все это больше не имело значения. Только гнев. Только огонь.

Роберта больше нет.

Я отдал все, что у меня было, не для того, чтобы ты "играла с Вили".

Сестра взвизгнула и грохнулась на пол.

Она смотрела на него со страхом и обидой, накрыв покрасневшую щеку ладошкой. Он закрыл глаза. Она не понимает. Никогда не поймет.

— Ты разбудила дракона.

* * *

Три дня прошло, как он не разговаривал с матерью. Узнав про его разговор с Сансой, она разозлилась гораздо сильнее, чем когда он попал снежком в лицо лорда Мандерли. За всю жизнь Робба пороли лишь дважды, и этот раз чуть не стал третьим.

Его мать обычно была ласковой и доброй. Когда речь шла не о Джоне.

Она отчитывала его почти полчаса: за то, что он предпочитает бастарда родной сестре, ставит бастарда вровень с собой, беспокоится за бастарда больше, чем за отца. Бастарда, бастарда, бастарда! Она столько раз повторяла это слово! Можно подумать, назови она его хоть раз по имени, и Робб об этом забудет.

В конце концов он не выдержал.

— Джону не нравится, когда его называют бастардом. И мне тоже.

— А мне не нравится, когда ты называешь его братом. Он не мой сын.

Отчего-то эти слова разозлили Робба еще сильнее. Он даже почувствовал, как кровь отливает от лица. "Обычно люди краснеют, когда злятся, — сказала как-то старая Нэн, — но Старки не обычные люди. Когда гnevаются Старки, их лица не загораются, а леденеют".

— Он об этом знает, не сомневайся, — сказал Робб изменившимся голосом перед тем, как уйти.

Похоже, этот разговор еще сильнее разгневал его мать — Арья сбежала вечером того же дня.

Она пряталась от матери и убегала от служанок, в своих покоях не показывалась. Как, во имя богов, можно два дня прятаться в *Винтерфелле*? Она что, спала в Крипте?

Но в Крипте ее не было, как не было и в Винтертауне. Слуги часто видели ее, по большей части — убегающей. Для четырехлетки она была удивительно проворной.

Робб первым догадался, где она. Утром он нашел Арию спящей в комнате Джона, немойтой, лохматой и одетой в старые штаны и рубаху Джона. Оказалось, она таскала еду с кухни, где ее принимали за мальчишку из Винтертауна.

С чумазым и хмурым лицом она настолько походила на Джона, что Робб почувствовал тоску. Теперь только Арья напоминала ему, как должны выглядеть Старки.

Лишь сейчас он понял, что эти три дня Винтерфелл не был похож на Винтерфелл.

Здесь всегда должен быть Старк.

Это отец говорил ему, уезжая. И что бы ни говорила мать, сейчас Робб не чувствовал себя Старком. Он мог назвать свою родословную вплоть до прихода андалов, наизусть знал гербы и девизы всех домов Севера, отлично ездил на лошади, умел обращаться с оружием и носил герб с лютоволком, но Старком себя не чувствовал.

Такого не было, когда рядом был Джон. Вместе они ничего не боялись. Или это бесстрашие передавалось ему от Джона? Раньше Робб не боялся. Теперь, когда он смотрел вниз, стоя на Сломанной башне, что-то сжималось в животе. Волчий лес казался темным и незнакомым, а вода Желудевой реки — слишком холодной. А Джон всегда был настоящим северянином. Джон спокойно бегал по Волчьему лесу, словно вырос там, а не в замке. Казалось, Джон не чувствовал холода. Он не боялся ни высоты, ни воды.

Даже после того, как упал.

Арья была такой же.

А Робб — не был. Неудивительно, что она больше любила Джона.

Но вслух он сказал другое.

— Я тоже по нему скучаю.

Этого хватило, чтобы Арья вцепилась в него.

— Когда он вернется? Я молилась, чтобы он вернулся! А он не вернулся! Боги злые!

"Уж точно ты говоришь не про отца".

— Ты молилась у чардрева? — спросил вместо этого Робб.

Арья всхлипнула.

— Угу.

— Тогда они вернуться, — хотелось бы ему чувствовать уверенность, с которой он говорил. — Всех победят и вернуться. Помолимся вместе?

Сейчас, когда мать не только управляла замком, но и принимала прошения, у нее было гораздо меньше времени для детей. Санса вряд ли это замечала, на нее-то мать всегда находила время, а если нет — с ней почти всегда была септа, Бран был слишком мал, но Робб был предоставлен сам себе. А сейчас и Арья.

Если быть честным, наверное, Робб скучал по маме.

Чардрево было таким же, как и четыре года назад, когда отец сказал, что Робб станет следующим лордом Винтерфелла.

"Да, это случится, когда я умру".

Робб обнял Арию за плечи. Он не хотел даже думать об этом. Он бывал в богороще сотни раз с тех пор. Играл, дрался, плакал, думал. Но именно сейчас он вспомнил тот разговор.

— А Джон? — спросил Робб тогда. — Что будет с ним, если я стану лордом?

— Он будет вернейшем из твоих знаменосцев. И советником, если вы сохраните вашу дружбу.

"Как ее сохранить, отец, если ты его забрал, а меня оставил? Почему лордом стану я, если он лучше меня во всем? *Что мне делать, если ты не вернешься? Что мне делать, если не вернется он?"*

Когда Джон только уехал, Робб стал втрое усерднее на тренировках, надеясь превзойти брата, когда он вернется. Но усердие быстро закончилось. Без Джона на тренировках было не с кем соперничать. Робб был лучшим из немногих сверстников. А на занятиях с мастером он слишком часто отвлекался, предаваясь воспоминаниям. С Джоном было интереснее. Он однажды зарычал на подсвечник, подсказывая Роббу девиз Ланнистеров — в тот раз даже Лювин усмехнулся.

Без отца Робб чувствовал, что лишился дома. Без Джона — будто у него отобрали руку.

Чардрево смотрело на него кровавыми глазами.

Ты станешь лордом Винтерфелла.

"Верни мне их живыми, — сказал про себя Робб, — Верни, иначе я срублю тебя и положу в Крипту вместе с ними".

Дерево не ответило.

Роббу очень хотелось взять *настоящий* меч и оставить шрам на смеющемся чардреве, но отец говорил, что в нем живут предки. Те, что похоронены в Крипте. Говорил, что и он сам, когда умрет, окажется здесь. Робб тогда плохо слушал, но одно понял — дерево нужно беречь.

— Пойдем отсюда, Арья.

— Куда? — сестра уставилась на него любопытными глазами.

Робб задумался. Был один путь, которым он мог бы помирить Арию с Сансой. И матерью.

— Сначала за голубикой, — задумчиво начал Робб. И выдохнул. — Потом к нашей матери.

На лице Арьи был написан страх. Робб ждал злости.

— Пойдем уже, — буркнула она спустя вдох.

Удивительно, но никто не узнал Арию, когда они выходили из замка.

Поляна, которую ему показал Джон, была за Желудевой рекой. Мокнуть Робб не хотел — да и мать разозлится, если он приведет Арию мокрой, поэтому пришлось перелезть по деревьям. Оказывается, Арья еще и очень ловкая. Он ни за что не смог бы так лазать в четыре года.

— Это отсюда Джон голубику носил? — спросила Арья, едва они дошли.

На несколько сотен ярдов суровый лес превращался в мягкий подлесок — не было дубов и железностволов, лишь молодые березы да невесть откуда взявшийся здесь вереск. И голубика. По словам Джона, где-то неподалеку можно даже найти дику вишню.

— Да. Сейчас наша очередь. Добудем для дома Старков пропитание?

Арье игра пришлось по душе. Они искали ягоды, разили невидимых чудищ, что их охраняли, и собирали "пропитание" в мешок, сделанный из платка. Роббу тоже нравилось. Почему он так редко играл с ней?

Путь назад был немного дольше — они устроили шутовскую драку за ягоды. Проклятье, Арья пиналась так, будто у нее железные ноги! Робб охромел на добрые полчаса и потерял часть добычи.

Из-за этого он едва не опоздал на урок к сире Родрику. Робб хотел было отправить Арию в комнату или к матери, но она заявила, что будет смотреть.

А с ней лучше не спорить. Ну, если ты не Джон Сноу.

Со двора раздавался звон мечей. Кто мог здесь упражняться? Солдат в Винтерфелле почти не осталось.

Шлемов на них не было, потому одного из соперников Робб узнал сразу — огромные бакенбарды сира Родрика, даже под шлемом, можно было бы разглядеть со Стены. Вторым был, видимо, один из братьев Ночного Дозора — по крайней мере, он носил их плащ. Он был ниже мастера над оружием и гораздо стройнее. И быстрее. И искуснее. Возможно, этот дозорный был лучшим бойцом, которого Робб когда-либо видел. Разумеется, после отца.

Но отец всегда сражался по-другому. И он не сражался левой рукой.

Волосы, заплетенные в косу, сияли серебром, а двигался дозорный так, будто не дрался, а танцевал. Ноги, голова, ноги, отбив, укол в грудь, голова, блок, укол в живот — удары сыпались так быстро, что Робб не успевал их замечать, а ноги дозорного будто скользили в дюйме над землей.

Сталь, сверкающая багрянцем вокруг воина в черном, делала его похожим на дракона, солнце заставляло волосы сиять. Не прошло и минуты, как меч вылетел из рук сира Родрика.

— Робб! Робб! — восторженные крики Арьи заставили его оторвать взгляд от незнакомца. — Это Корен Однорукий! Про него Джон рассказывал! А почему у него две руки?

Арья разве что из штанов не выпрыгнула от восторга. Робб снова взглянул на дозорного — тот неотрывно смотрел на Арию, и этот взгляд Роббу не нравился.

— Мое имя Куорен, маленькая леди, — он поднял правую руку, на которой не было трех пальцев. — И меня прозвали Полуруким.

Робб еще раз посмотрел на сестру. Щеки измазаны голубикой, руки — грязью, штаны порваны на коленках. Как этот дозорный узнал в ней благородную леди?

Но долго думать над этим Роббу не дал сир Родрик. Этот урок был посвящен стрельбе, ведь у Робба уже было достаточно сил, чтобы натянуть тетиву взрослого лука. Увы, меткости у него было меньше, чем сил — лишь каждая десятая стрела попадала в мишень. Робб едва не швырнул лук на землю, когда они заканчивали, но Арья, почему-то, была в восторге и хотела посмотреть еще.

Вот только урчащий от голода живот не был с ней согласен. Уже было время обеда, а Арья наверняка даже не завтракала — десяток ягод не в счет.

Семья уже сидела в чертоге. Санса была необычно задумчивой, а мама — невероятно осунувшейся. Роббу вдруг стало очень стыдно, однако он все равно наградил мать самым грозным взглядом из тех, на какие способен девятилетний мальчик.

И та, кажется, поняла — Арье она не сказала ни слова.

Ночью Роббу снилась мать, обнимающая подросткового Джона посреди огромной светлой богороши — куда больше той, что в Винтерфелле. Ее красно-синее платье трепетало от снежного ветра, окружая его брата цветами Талли — Джон на их фоне казался зимним призраком. Сначала его матери приходилось наклоняться, чтобы обнять Джона, но чем дольше они стояли, тем выше он становился. Когда она наконец отпустила его, Джон был выше ее на голову — и лишь тогда Робб заметил, что тот не поднимал рук, чтобы ответить на объятия, а его кулаки были гневно сжаты. Он заметил и кое-что другое — черный блестящий нож, торчащий у брата из груди.

Робб перевел взгляд на чардрово.

Белые губы разомкнулись, и в богороше раздался низкий, рокошущий голос, чуждый всему живому.

— Так умирают короли.

Наутро прилетел ворон. Король, отец и Джон осаждали Пайк.

* * *

Винтерфелл был меньше, чем он представлял. За свою жизнь разведчик видел десятки великих замков. Слушая истории об оплоте Старков, он представлял себе нечто грандиозно-великое. Высокий, словно Хайтауэр, неприступный, как Орлиное гнездо, крепкий, как Утес Кастерли и могучий, будто Харренхолл. Таким он представлял себе замок Старков.

Винтерфелл же... Да, пожалуй, Винтерфелл его разочаровал. Хотя после Сумеречной башни гостевые комнаты здесь казались роскошными, а теплые стены придавали этому мрачному маленькому замку какой-то необычный уют.

Таинственные крипты, о которых он столько слышал, где были похоронены сестра и брат хранителя Севера, оказались запретным местом.

"Туда заходят лишь Старки", — так сказала ему леди Винтерфелла, когда Куорен только прибыл.

По глупой случайности, он мог — и должен был — жить в этом замке до конца войны. Джиор приказал ему встретить молодого Уэймара Ройса, пожелавшего вступить в Дозор, и Полурукий подчинился. Уэймар должен был прибыть в Винтерфелл, но отправился вместе с отцом на Железные острова. И теперь один из лучших разведчиков и лучший боец Ночного Дозора вынужден был сидеть в пяти сотнях миль к югу от Стены, в то время как его брат бился с людоедами на Воющем перевале.

К счастью, местом, где он должен оставаться, был замок Старков, а лорда Старка здесь не было — и никто больше не смог бы узнать его лицо.

У него было полгода, а может, и больше, чтобы найти мальчика — даже про себя Куорен не мог называть его иначе — которого он должен был защищать и учить.

Но вот как его найти, Куорен не представлял. Какого у него внешность? Какого цвета глаза? Волосы? Какого он роста? Следовало ли искать его в Винтерфелле? В Винтертауне? Или Старк отправил мальчика с кем-то в другой

замок? Не навлечет ли Куорен беду, разыскивая его?

Боги, как было все просто последние семь лет! Друзья носили черные плащи, враги — шкуры, друзей надо было защищать, врагов — убивать. Никаких интриг, которые нужно распутывать, никаких убийц, крадущихся в тени. Никаких заговоров. Он привык к этому, и теперь даже Нед Старк был коварнее Куорена.

— Сир! Сир!

Полуруккий замер. Никто не обращался к нему, как к рыцарю, уже много лет. Никто не знал, что когда-то он носил шпоры.

— Сир Куорен!

Наконец обернувшись, он увидел мальчишку лет двенадцати в перепачканном землей акетоне. Восхищенный взгляд светлых глаз, дрожащие от сдерживаемой улыбки уголки губ, смущенно спрятанные за спину руки и выпяченная грудь — точь в точь, как когда он участвовал в турнирах, а доспех блестел серебром.

— Молодой лорд ищет вас, сир!

Робб не был похож на отца. Совсем. Куорен мельком видел Эддарда Старка в Орлином гнезде — еще до того, как получил шпоры. Тот был хмурым мальчишкой, половину жизни прожившим в тени старшего брата, а другую — в тени Роберта Баратеона, а Робб, рыжий сорванец с открытой улыбкой и чистыми глазами, смеялся так же легко, как и злился: иногда делал и то, и то одновременно. Впрочем, следовало признать, мальчик был обучен неплохо. Не чета самому Куорену в детстве, но то, что он уже мог сражаться сталью, впечатляло. Конечно, вес меча заставлял его сильнее сгибать ноги — и зачем-то горбить спину, о чем Куорен уже не раз говорил.

— Выпрямись. С чем ты собираешься драться: с его мечом или с его сапогами?

Робб зло потрянул мокрыми от пота кудрями, но выпрямился и поднял голову.

— Настоящий бой начинается лишь тогда, когда ты устаешь.

Тот что-то согласно промычал и снова взмахнул мечом. Неловко — чем дальше отводишь клинок, тем тяжелее он становится — но удар получился сильным. Упрямый. Это хорошо. Робб, несомненно, станет бойцом, однако едва ли хорошим мечником. Он бил сильно, но в половине ударов лезвие было повернуто не в том направлении, в котором наносился удар, и, кажется, мальчик вовсе забыл, что мечом можно еще и колоть. Ему могла бы подойти булава...

— Я с вами!

Девчачий голос едва не заставил его схватиться за меч — Куорен не слышал, как она подошла. Малышка Арья, вторая дочь Эддарда Старка — она была единственной в этом замке, кто был похож на Старка. Серые глаза — волчьи, как он их называл — были отражением глаз ее тетки, темные волосы были неумело собраны в хвост и перетянуты какой-то веревкой, а на лице застыло выражение непроходимого упрямства — такого у ее тетки он не видел никогда.

Девочка скрестила руки на груди и широко расставила ноги, будто готовилась, что ее толкнут. Лево́й рукой она сжимала рукоять деревянного меча.

— Я не учу прекрасных леди фехтованию, — покачал головой Родрик Кассель.

И Куорен был с ним согласен — в прошлый раз, когда он пытался, все закончилось плохо.

Арья удивленно осмотрелась, а потом со странным непониманием заявила:

— Но мамы здесь нет.

— Тогда найди, где она есть, — отрезал ее брат.

Куорен ожидал слез, но вместо этого ее ноздри гневно раздулись.

— Он вернется и побьет тебя!

Она развернулась на пятках и побежала к воротам, но, прежде чем выбежать со двора, остановилась и обвела их грозным детским взглядом.

— Мой брат всех вас побьет, так и знайте!

Проводив ее взглядом, Куорен вопросительно посмотрел на Робба. Тот уже не выглядел раздраженным, скорее грустным.

— Она про Джона...

Мужчина знал этот голос. Смесь тоски, злости и чего-то еще, что Куорен не испытывал сам и не мог описать, но это звучало в голосе всех мечников, когда те говорили про него.

— Бастард твоего отца? — уточнил Куорен.

— Хватит повторять *это слово!* — взорвался Робб.

Видимо, он уже устал слышать о своем незаконнорожденном брате. Это легко понять — кому понравилось бы ходячее, говорящее и неоспоримое напоминание о том, что твой отец предал твою мать?

Дальше слова лились рекой. Джон Сноу — будущий первый меч Вестероса. Джон Сноу — самый молодой наездник в Винтерфелле. Джон Сноу — любимый брат Арьи. Джон Сноу — храбрейший сын Эддарда Старка...

Робб говорил почти полчаса — ни о каком уроке уже и речи ни шло — говорил со злостью, с грустью, с

завистью и с болезненной гордостью. Когда он закончил говорить, Куорен готов был поклясться, что знает, чей Джон Сноу сын.

Чего Куорен не мог понять — так это какого Иного восьмилетний мальчишка делал на Железных островах посреди *войны*. Неужели Старк настолько ненавидел его кровь? Тогда зачем, во имя богов, он забрал мальчика из Звездопада, где тот *должен был расти*? И почему Робб считал *себя* старшим братом?

Кроме Неда Старка — и Хоулента Рида, которого найти было сложнее, чем драконьи яйца — был лишь один человек в Семи королевствах, способный дать ответы хоть на часть этих вопросов.

Кейтлин Талли... она была *Талли*. Если в лицах ее детей еще проглядывали жесткие и прямые северные черты, то она была воплощением верховного рода Речных земель. Рыжие волосы были заплетены в толстую косу — которая должна была быть северной, но даже взгляду казалось невероятно мягкой — узкие плечи, небесного цвета глаза — в месте, где тысячу лет сидели короли зимы, она казалась потерявшимся ребенком. Пока он с ней не заговорил.

— Миледи, простите, что отнимаю время, которое вы могли бы потратить на своих подданных...

Он ожидал увидеть удивление — на Севере мало кто помнил манеры, здесь уважение выражали действиями, и Куорену это нравилось, но первые годы было слишком... *дика*, — однако на лице леди Старк проступило легкое раздражение, и он сразу перешел к делу:

— Я хотел бы поговорить о вашем муже и его сыне.

Стоило ему лишь упомянуть бастарда, и лицо леди Винтерфелла превратилось в ледяную маску — таким становилось лицо Лианны Старк, если с ней заговорить о Роберте Баратеоне. Будь у женщин на поясе меч, их руки сжимали бы рукояти.

— Говорите, — коротко приказала жена хранителя Севера.

— Миледи, до того, как облачусь в черное, я приносил другие клятвы. Некоторые я смог выполнить, для других я оказался слишком слаб, но одну клятву у меня не было шанса ни сдержать, ни нарушить. Я обещал защитить своего племянника, миледи.

Леди Старк замерла, удивленная и недовольная, но пришла в себя быстрее, чем он решился говорить.

— Вы ведь не единокровный брат моего мужа, верно? — Куорен молча кивнул. — Вы уверены, что мальчик — ваш племянник? Вы хорошо знали его мать?

— Я отвечу вам, миледи, если увижу его, — он поднял руки, — это не условие. Я лишь надеюсь найти в нем знакомые черты.

Она задумалась. Неужели Старк ей действительно не сказал, чей это ребенок? Или же... или она прекрасно знала это, уже поняла, кто такой Куорен, и думала, что делать?

Куорен быстро вспомнил путь в этот чертог. Нет, если она прикажет его схватить, выбраться не получится. Будь его правая рука цела, был бы шанс, но столкнуться на незнакомых узких лестницах с гвардейцами Старков, которые, в отличие от него, будут в доспехах — можно было бы и просто спрыгнуть со Стены.

И все же, как много она знает? Действительно ли Джон Сноу — тот, кто ему нужен?

— Кем бы ни была его мать, знакомых черт вы в нем не увидите. Если он действительно ваш племянник, то странно, что вы не слышали. Джон Сноу — копия моего мужа.

Тон леди Кейтлин был безразлично-холоден, и это настораживало. Если она ничего не знает, что почему не интересуется? А если знает, то чего хочет? Поймать его на лжи?

— Я не был рядом, когда он появился на свет. Я никогда его не видел. Все, что мне известно — что его забрал лорд Старк, — ходить по грани лжи было сложно. Он столько лет носил этот долг, столько лет он нарушал клятву, и сейчас гнев и стыд кипели в груди, жгли горло. — Я даже не знаю, родился ли мальчик или девочка! Возможно, ребенок родился мертвым, а Джон Сноу — вовсе...

— Вы хотите сказать, что мой муж предал меня дважды?

В едва поднятых бровях было больше угрозы, чем во всех криках Безумного короля.

— Нет, миледи. Нет. Просто... моя сестра мертва, и, возможно, *если повезет*, Джон Сноу — последний, кто у меня есть в этом мире.

Куорен замолчал. Наверное, со стороны это казалось скорбным. Так оно и было, но обманывать, прикрываясь трагедией, было тошно. Он ненавидел ложь, наверное, даже сильнее, чем Старк. Когда он попытался снова говорить, вышел странный хрип. Спустя несколько вдохов Куорен глухим голосом закончил:

— Позвольте посетить богороцу Винтерфелла?

Кейтлин Талли с сочувствием кивнула.

Проклятые интриги.

Иногда Куорен сожалел, что не родился кем-то другим. Что толку от величия, если оно шло под руку с несчастьем? Он мог бы быть землепашцем, у него сильные руки. Был бы женат на смешливой дорнийке, воспитывал бы двоих детей, выращивал пшеницу и кланялся каждый раз, как видел человека в доспехах. Простая жизнь.

Хорошая жизнь. *Чужая.*

Он слишком сильно любил носить на поясе сталь, был слишком хорош в бою, слишком любил сражение. И он знал свой долг. Он не променял бы это на женщину, даже на ту единственную, с которой был, ради которой расстался с честью.

Богороща встретила его прохладным ветром. Переплетение ветвей над головой вместо неба, переплетение корней под ногами вместо травы и запах, которого не было ни в одной другой богороще. Сладковатый запах гниения мешался с запахом влажной, будто сразу после дождя, земли. Даже Зачарованный лес был больше затронут людьми, чем эти три акра, окруженные каменными стенами.

"Ты росла здесь, леди Лианна? Боги, неудивительно, что ты предпочитала меч платьям".

Богороща Старков была отдельным миром, древним и мрачным, где жили тени богов, забытых южанами, где не было места Семерым.

Тук. Тук-тук. Тук. Тук-тук-тук.

Разве здесь есть дятлы? Богороща не оставляла впечатления, что здесь могла бы что-нибудь жить — что-нибудь, что живет меньше тысячи лет. Куорен пошел на звук. Тук. Что это? Ответом было усталое рычание. Новый стук перешел в треск.

Арья Старк избивала дуб, растущий рядом с озером. Судя по обломку дерева у нее в руках, дуб победил. Но Куорен хорошо знал, сколько нужно сил, чтобы вот так переломить деревянный меч. Или сколько времени. Наверняка два десятка лет назад Лианна точно также избивала невинное дерево — быть может, то же самое. Арья бросила обломок на землю и грозно протопала вдоль пруда к чардреву. Села. И обвинительно уставилась на вырезанное лицо.

Грустная улыбка тронула губы Куорена.

Возможно, Джон Сноу — не тот ребенок. И, возможно, это не имело значения.

Он медленно, неслышно подошел к чардреву и застыл в двух шагах от девочки. Здесь молился Рикард Старк? А Брандон? Если так, то едва ли их боги обладали милосердием Матери и справедливостью Отца.

— Ты пахнешь, — заявила девочка, поднявшись. Несколько мгновений серые глаза смотрели в его — и эти мгновения его сердце не билось — а потом Арья повторила то, что говорила ранее: — *Джон побьет тебя.*

* * *

Кейтлин злилась. Проклятье, она должна сейчас умирать от беспокойства по мужу! — так и было, пока Куорен не заявил, что бастард — его племянник. Даже сейчас, во время молитвы, она не могла перестать думать об этом.

Куорен не был стар, это было видно по лицу, едва тронутому морщинами. Даже ее муж выглядел старше. Но волосы? Это ранняя седина? Или они были такими всегда? И почему его лиловые глаза, которых просто не могло быть ни на Севере, ни в Речных землях, казались знакомыми? Кейтлин вспомнила. Турнир в Харренхолле. Россыпь серебрянных волос из-под драконьего шлема. Взгляд нечеловеческих фиалковых глаз.

Но Рейгар Таргариен мертв. Убит королем посреди вод Трезубца. Кроме того, это просто не мог быть Рейгар. Принц был высок, Куорен же едва ли не ниже нее, их глаза разных цветов, а волосы Полурукого куда больше напоминали седину, чем на серебро. Бастард Безумного короля? По слухам, их было немало. Но кто тогда его сестра? Нед и... дочь Эйриса Таргариена? После всего, что тот сделал с Брандоном и их отцом?

Блэкфайр? Все они тоже мертвы. Сир Родрик лично видел, как Барристан Селми сразил последнего из них. Мейкара Чудовище, еще до рождения Кейтлин.

Но кто же он тогда? Куорен благородного происхождения, в этом Кейтлин не сомневалась. Его манеры, поведение, речь, владение мечом — все кричало о том, что его растили в замке, что он получал уроки мастера и мастера над оружием, что жил среди будущих лордов и рыцарей.

"Как и Джон Сноу", — произнес в ее голове неприятный голос.

Но это правда — Родрик Кассель сказал, что Полурукий *невероятен* с мечом — и бастард тоже талантлив в махании заостренной железкой.

"Гораздо лучше Робба, — с глухой яростью признала она, — Но сейчас это не имеет значения — лишь подтверждает, что Куорен говорил правду".

Что никак не давало понять, кто он такой. Мечник. *Похож* на валирийца. Брат любовницы ее мужа. Младший? Неважно.

Кроме Таргариенов, в Вестеросе был лишь один род, обладавший валирийской внешностью. Лорды Прилива, владельцы Дрифтмарка. Веларионы.

Кейтлин вскинула голову, и ее взгляд упал на Старицу.

"Спасибо".

Дейнира Веларион была на турнире в Харренхолле, в свите принцессы Элии. Это было все, что Кейтлин прс нее помнила — но этого вполне хватало. Что, если Нед никогда не был с Эшарой Дейн?

"Девять лет назад Нед прибыл в Королевскую гавань и увидел бойню, устроенную Ланнистерами. Они убили

Элию и ее детей. Могли ли они пощадить одну из ее фрейлин? Едва ли — но она могла спрятать ребенка. Кто сейчас может сказать, *привез* ли Нед ребенка в Королевскую гавань или *увез* оттуда? Все, кто мог, похоронены у Башни Радости".

Да, все могло быть именно так. Тогда Джон Сноу старше Робба. Это значит, что Нед никогда не предавал ее. И... Семеро, это значит, что Джон Сноу *старше* Робба. Джон Сноу, унаследовавший от ее мужа все.

Кого выберут лорды Севера, когда придет время — мальчика с лицом Талли или старшего сына Эддарда Старка в котором видна кровь королей зимы? Джон Амбер ответил на этот вопрос еще три года назад.

Проклятье, ей нужно *знать!*

Мейстер Лювин подтвердил опасения — Дейнира Веларион действительно погибла в Королевской гавани, вместе с принцессой Элией. Ей было лишь шестнадцать.

"Это угрожает моему сыну, но, видят боги, это печально".

Принимая просителей, она чувствовала себя двенадцатилетней девочкой — хотелось швырнуть что-нибудь в этих надоедливых людей, которые отвлекали ее от того, что *действительно важно*.

Во время обеда Кейтлин настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила ссоры между детьми — Робб дернул ее за рукав, когда Арья убежала в богорощу, а Санса сидела в потерянным лицом и красными глазами.

— Джон ведь плохой, правда, мама? — прохныкала она.

"Нет, он просто может отобрать у вас все, что вы имеете".

— Нет, не плохой, но вы все мои дети, — она погладила по щеке Сансу и поцеловала макушку Робба, — А он нет. Вы живете так, как и должны жить дети с вашим именем, а Джон живет как Старк, но он не Старк, — увидев непонимание на лице дочери, она переиначила: — Это как если бы он ел чужой хлеб только потому, что у них его много.

— Выходит, он — вор? — задумчиво проговорила Санса.

Робб прожигал ее взглядом.

— Нет, — Кейтлин строго взглянула на Робба, — он просто получает больше, чем заслуживает.

Она послала за Куореном, как только смогла хоть немного собраться с мыслями.

Когда он пришел к ней в прошлый раз, Кейтлин была куда спокойнее. Сейчас ее раздражал даже солнечный свет, льющийся в окна. Она не любила игры словами и полемику — это всегда было стезей Лизы, хитрой и бойкой. Будь здесь Нед, он бы просто посмотрел на этого дозорного, и тот бы заговорил. Да, Нед умел *так* смотреть. Ногти впились в ладони, и Кейтлин захотелось плакать. Нед бы не приказывал Куорену говорить. Почему ей приходилось действовать за спиной мужа? Почему она чувствовала, что предает его, когда пыталась лишь защитить семью? Почему ей самой приходилось защищать семью?

Кейтлин выпрямилась и заставила подступающие слезы исчезнуть за мгновение до того, как вошел Куорен.

Сейчас, когда она окинула его более внимательным взглядом, дозорный казался старше ее мужа. Его волосы могли бы быть просто седыми, а лиловые глаза... нет, им не было объяснения. Она снова вспомнила Харренхолл — и лучшего мечника Вестероса. Вопрос вырвался против ее воли:

— Вы — Эртур Дейн?

Глупость. Нед зарубил его, пытаясь спасти сестру. Кейтлин до сих пор помнила, как темнели глаза мужа, когда кто-нибудь упоминал Лианну. Она не понимала, как в человеке могло быть столько гнева, и с ужасом представляла, что Нед сделал с теми, из-за кого погибла его младшая сестра. Меч Зари просто не мог быть жив. Но, *если...*

Уголки губ Куорена слегка дрогнули.

— Эртур Дейн мертв.

От этого знания ей стало почему-то невероятно легко. Потому, что ее муж не был с прекрасной и загадочной Эшарой Дейн. Потому, что лучший — после Неда — мечник королевства лежал в могиле, а не бродил по миру в поисках мести. И все же, как ей узнать правду? Как задать вопрос, чтобы в ответ он не мог солгать? Стоило ли выдавать свое знание? А если она ошиблась и обманывала сама себя?

— За что Бенджен Старк ненавидит вашу сестру?

Полурукый горько улыбнулся.

— Убери весь цвет из валирийца и получишь Старка — уверен, Бенджен подумал именно так, — иные его побери, разве не может этот мужчина говорить *прямо*?! — Юный, *влюбленный* Бенджен Старк. Он возненавидел своего брата, когда тот тайно женился на любви всей его жизни.

Что он только что сказал?

Проклятье, Нед не мог, Нед не поступил бы так с ней! Мир потемнел. Невероятным усилием воли она махнула рукой, прогоняя дозорного. Нед не стал бы жениться на ней, если бы был женат. Он ни с кем бы так не поступил. Куорен просто лжец. Проклятый лжец.

Убери весь цвет из валирийца — и получишь Старка.

Что, если Джон, на самом деле, похож на мать? Что, если бастард — вовсе не бастард? И Нед растил его как

бастарда лишь до срока? И — Иные побери, теперь все стало так ясно — взял его с собой, чтобы представить королю.

Тогда Джон вернется Старком. И, видят боги, ему есть за что мстить ей.

Кейтлин вдруг очень хорошо представила, как они меняются местами. Джон — старший сын и наследник, будущий хранитель Севера. И она, боящаяся смотреть ему в глаза, потому что они точно также темнели от гнева, как глаза Неда. Потому что ее дети — все! — теперь просто бастарды.

"С чего ты взяла, что Куорен говорил про Неда? — вновь раздался неприятный голос. — В Харренхолле был еще один Старк".

Мир вновь посветлел. Ну конечно! Джон — сын Брандона и Дейниры. Это объясняло все. Гнев Бенджена слова Куорена, даже то, почему Брандон отправился в Королевскую гавань вместо того, что преследовать принца Рейгара. Даже ложь Неда. Годовалый ребенок не мог быть хранителем Севера, к тому же, Нед мог и не знать о его существовании, пока не побывал в Королевской гавани. Боги, он, должно быть, чуть не сошел в ума, увидев этого мальчика.

Облегчение теплой волной пробежало по телу. Дети Кейтлин не были бастардами. Нед был ее законным мужем. Он был ей верен. Но это не отменяло того, что Джон *Старк* был настоящим хранителем Севера. Восьмилетний мальчик, которому Робб заглядывал в рот, на которого молилась Арья, к которому тянулся Бран.

Который ненавидел её.

Ей стоило поговорить с Недом. Потому что, когда прошлый раз Старки из-за порядка наследования сцепились друг с другом, их род едва не вымер. Потому что маленький и разозленный мальчишка просто разрушит Север. Он рос бастардом — кем бы ни был рожден — и он думал как бастард. И он был *опасен*.

И... ей нужно на воздух. Робб сейчас должен был тренироваться с сиром Родриком.

Робб был во дворе. Но вместо сира Родрика напротив него стояла Арья, укутанная едва ли не в перину, со шлемом на голове и щитом, который она едва могла поднять. Тем же щитом, который когда-то взял Джон "Сноу". Белый волк на сером фоне — герб давно мертвого дома.

— Довольна? — хмуро спросил Арию ее сын.

— Я как Джон! — выкрикнула та, размахивая деревянным мечом.

Кейтлин заплакала.

* * *

Арья всхлипнула.

Засунула палец в рот, послунявила. Помазала им покрасневшее ухо. Стало чуть легче. Как и говорил Джон. Почему никто, кроме Джона, ничему ее не учил? Кроме глупого шитья и глупых молитв глупым богам! Только руки колоть да колени морозить.

Арья со злостью посмотрела на запертую дверь. Будь в замке Джон, уж он бы помог ей выбраться. И не дал бы в обиду.

Мама протащила ее за ухо по всему замку. Арья плакала, вырывалась и кусалась, но ухо только большее выкручивалось. За что она так? Единственное плохое, что Арья сделала — укусила собаку. И она извинилась! Даже хлеба ей стащила! И вообще, собака первая ее напугала! Но мама ничего не говорила про собак! Мама кричала гадости про Джона, говорила, что ей нельзя брать в руки меч и что на том щите неправильный герб!

Почему мама так не любила Джона? Робб же тоже учится драться, а у Джона даже лучше получается. И почему Санса говорит, что Джон плохой? Она ведь с ним тоже играла. Ну, раньше. И что значит "украл у отца честь"? Эйс потому, что он похож на папу? Поэтому его мама не любит? Поэтому его все звали бастардом? Потому что похож на отца?

Арья взглянула в зеркало. Ухо было красным. Плохо красным. Не как лицо Джона, когда она лизнула его щеку, а как щека, которую она лизнула. Она потом еще синей была немножко. И желтой.

Если не считать уха, то Арья была похожа на Джона — и на папу.

Но ее же мама любит. Хотя, может, мама и маленького Джона любила. А когда он вырос — все. Может, и ее тоже назовут бастардом? "Вот Санса обрадуется! — промелькнула злая мысль. — Но Санса же дала ей платок для Джона — красивый платок! Почему она теперь называет его плохим? Она тоже будет называть Арию бастардом? И мама..."

Арья снова всхлипнула. Почему все не могли быть как Джон! Он никого плохим не называл, играл с ней и носил *всем* голубику. Даже вишню один раз притащил. Арья хотела бы быть похожей на Джона. И так же хорошо драться. И никогда не плакать. И чтобы мама их за это не ненавидела.

Арья всепоглощающе зевнула и упала лбом в подушку. "У взрослых все слишком сложно.

"Вот вырасту..."

Едва почувствовав, что проваливается в сон, Арья встрепенулась.

"Нельзя спать. Опять приснится что-нибудь плохое, а в комнату к Джону сбежать не выйдет — дверь-то

заперта".

В прошлый раз ей приснилась, что Джону отрубили голову. Арья до сих пор помнила, как топор перерубает шею ее брата, как его голова падает на землю, а ноги продолжают идти по ржавой земле в окружении так же идущих черных доспехов, как кровь не перестает течь из пустоты, которую оставил за собой удар, как эта кровь сначала доходит ему до колен, потом до шеи... Как отец тонет в море крови, льющейся из шеи Джона.

В тот раз ее успокоила служанка, зашедшая подбросить дров. Хетти — кажется, так ее звали. Ее муж тоже ушел воевать. Они вместе смотрели на огонь в очаге, пока Арию не перестало трясти — но она тогда не плакала, нет. Она вообще почти не плакала, мокрые глаза не в счет!

Разве что когда поссорилась с мамой — ну, в прошлый раз. Тогда ей приснилось, как огромная зубастая синезеленая собака проглотила Джона. Она побежала к маме, чтобы успокоиться, и мама гладила ее по голове, пока Арья плакала — до тех пор, пока та не рассказала, из-за чего плачет.

Лицо мамы тогда стало *страшным*, и Арья убежала. Само собой, в комнату Джона, ведь он всегда разрешал ей остаться и никогда не кричал. Но Арья забыла, что Джона нет — он на войне, а в комнате пусто и нет дров. Пришлось нацепить его старую одежду — когда-то Джон был не больше нее! — и укутаться в два одеяла, уж слишком они у Джона тонкие. Повезло еще, что все старые вещи так и лежали в сундуке.

Деревянный меч, кстати, она нашла под кроватью.

Ха, здорово она им тогда помахала! Даже крутить научилась, но только слева. Она обязательно покажет Джону, когда он вернется. Вот он удивится...

Голова коснулась подушки.

Отец и Джон вернулись домой на следующее утро.

Отец учил ее кататься на лошади, а Джон смотрел на нее — с крыши конюшни — и улыбался, а Санса почему-то сидела рядом с ним, уткнувшись носом ему в плечо. Выглядело ужасно глупо — будто у Джона вдруг загорелась правая рука.

Арья отвернулась и увидела Робба, стрелявшего из лука. Получалось у него плохо — наверное, прищуривал не тот глаз. Рядом с ним, скрестив руки на груди, стоял этот... Корен. Стрела со свистом рассекла воздух и попала прямо в середину мишени.

— Молодец! — Арья вскинула руку.

— Ло-об! — радостно прокричал Бран.

Арья засмеялась, запрокинув голову. Небо с несколькими лоскутами облаков вдруг накренилось, и она упала.

Прямо на попу. Больно.

Отец присел рядом.

— Не отвлекайся. Ты в порядке?

Арья хотела ответить, но вдруг раздался гром. Страшный гром. Стены замка тряслись, и уши жутко болели, будто на нее надели ведро и ударили по нему.

Арья зажмурилась, закрыла уши руками и сжалась, ожидая, пока гром пройдет.

Будто сквозь воду до нее доносились ржание лошади и крики отца.

Когда она, наконец, открыла глаза, перед ними опять вращалось серое небо. Но почему оно серое, ведь облаков почти нет?

Арья посмотрела на отца и ей стало *по-настоящему* жутко.

Краски исчезли.

Черные стены, серая земля, серое дерево, серая одежда — все по-разному серое. Но самым жутким было лицо отца — белое, обрамленное угольно-черными волосами и с такими же бровями — будто воскресший мертвец из сказок старухи Нэн.

Арья посмотрела на Робба — его волосы были также черны, а глаза из голубых стали серыми — но *неправильно* серыми. Взглянула на Сансу — с той сталось то же самое, теперь казалось, будто темнота забрала руку Джона, в которую она утыкалась.

А вот волосы Корена, наоборот, стали белыми как снег, зато глаза почернели и напоминали два колодца.

И все они смотрели туда, где недавно было солнце.

Сейчас там был черный круг, из-под которого что-то лезло. Арья показалось, что мир моргнул, когда оттуда вырвалась молния. Она разрешила небо — черная, как зола — но не исчезла, а осталась, все расширяя трещину в небосводе.

Арья хотела взглянуть на отца, но он исчез. И Робб тоже. И Санса. Остались только Джон и Корен.

— Где они? — лишь чудом ее голос не дрожал.

— В крипте, — ответил Джон, легко спрыгнув с крыши, и встал рядом с ней.

"Они сбежали? Но папа не мог убежать, оставив их с Джоном тут! Почему Джон так спокоен? И куда он

смотрит?"

Смотрел Джон на трещину в небе, из которой медленно вылезало-вытекало *нечто*. Серое, похожее на очень большую кляксу чернил, оно стекало вниз, пока не...

— Берегись!

Полурукый не успел сделать и шагу — серые чернила попали на него и влились внутрь.

Жутко.

Корен почти не поменялся — только глаза из черных стали белыми.

— Бежим, — Джон схватил ее за руку и потащил.

Они пронеслись под крытым переходом, вбежали в Первую Твердыню и, споткнувшись о порог, оба — вывалились к кладбищу, прямо рядом со входом в крипту. Арья вжалась в брата, обняв его за пояс, и подняла голову. Его лицо тоже потеряло цвет, но глаза будто откуда-то его *взяли*. Они казались серыми и желтыми, и красными, и... Арья даже таких цветов не знала.

Почему-то это придало ей сил. Арья посмотрела на пояс Джона. Слева висел меч — его она даже поднять вряд ли смогла бы, а вот справа — маленький кинжал. Его-то она и выхватила. Ну сейчас они этому Корену! Будет знать, как пугать!

Арья отпустила Джона — почти, только правой рукой держалась за рубаху — чтобы он никуда не пропал. Только поэтому. Но когда Корен, переплыв порог, взглянул прямо на нее, Арья невольно отступила. Ставшие белыми глаза Полурукого пугали. Он достал меч.

Джон скользнул вперед, вынимая меч.

— Иди в крипту, Арья, — его лицо, едва повернутой к ней, было один в один, как у отца. — Старки защитят тебя.

— А как же ты?

На мгновение его взгляд стал затравленным, а потом загорелся стыдливым гневом.

— Я не Старк.

Почему-то Арье стало стыдно. Потому что она была Старком, а Джон — нет? Потому что она не хотела быть Старком? Потому что хотела?

Арья сделала полшага назад. Еще дюйм, и ей придется отпустить его рубаху. Воздух засвистел, звякнула сталь, и рубаха вырвалась у нее из пальцев.

Смелости не осталось. Корен был большим, страшным и сильным, ей казалось, что ему хватит одного взгляда, чтобы она упала мертвой. Джон только и мог, что отражать удары мелькающего меча.

"Старки защитят меня, — подумала Арья, — А я попрошу за Джона".

В два шага она оказалась у входа в крипту. На первой же ступеньке лестницы стоял рыжий Робб, прижимающий к себе Сансу. Чуть ниже стояла мама с плачущим Браном на руках. Отца не было.

Арья окинула их взглядом и поняла — войти она не сможет.

И правда, рука будто натолкнула на ледяной камень.

— Повернись, девочка, — проскрежетал голос за ее спиной.

Арья до боли сжала нож, все еще лежавший в левой руке.

Сейчас. Сейчас она повернется и ударит, как говорил сир Родрик. Чтобы убить — в шею, грудь или живот.

До шеи ей не достать. Арья зажмурилась, решаясь.

Что-то теплое коснулось ее щеки.

Арья распахнула глаза — перед ней было лицо матери. Она была в своей комнате. В очаге горел огонь. Красный.

Лицо мамы было скрыто тенью от очага, но волосы были рыжими.

Арья вжалась лицом в ее грудь.

"Мама, я не бастард!" — хотелось сказать Арье. Но произнесла она другое:

— Не надо меня ненавидеть.

Топот сотни сотен лошадей и крики тысяч мужчин заглушали все другие звуки, которые только могли быть в степи. Мальчик мчался на жеребце — почти жеребенке — позади всех, глотая пыль, но все равно был горд. Ему лишь одиннадцать лет, но отцовские колокольчики вплетены в его косу не просто так — он уже выиграл свой первый поединок, и не с другим ребенком, а со взрослым всадником, чья коса доставала до середины спины, а сейчас он первый раз участвует в бою.

Там, впереди, во главе орды, скачет его отец, сильнейший из всадников, скачет единственный кровный всадник его отца, старик Кохолло, и, что против всех обычаев, скачет его мать, в отличии от остальных всадников вооруженная коротким копьём.

Мхаро тысячу раз слышал эту историю — когда его мать впервые в кхаласаре взялась за оружие, всадники ее освистали, но отец его отца, кхал Бхарбо, лишь рассмеялся. Ей тогда было лишь пятнадцать, а его отцу и вовсе двенадцать, но оба они ростом превосходили взрослых всадников. В тот день пять всадников бросили вызов его матери и все пять в тот день расстались с косами. Увидев это, его отец тоже бросил ей вызов — и сумел победить. В тот же день он покрыв ее, и, по словам матери, тогда Мхаро и был зачат.

Полгода они преследовали кхаласар, на который сейчас напали. Один из кровных всадников того кхала убил кхала Бхарбо и взял в рабыни его жену, мать Дрого. Она тоже не была дотракийкой. Мазорра, так ее звали, рассказывала Мхаро истории о ее родном городе далеко на севере, где высокие люди живут в каменных домах на берегу мертвой воды и ездят по ней на деревянных конях. Мать Мхаро часто с ней спорила — ее родина была далеко на юге, за каменными горами, красным песком и мертвой водой, и там жили самые высокие люди в мире, которыми правила женщина, а не мужчина.

Отец часто говорил Мхаро, что тот должен стать лучшим всадником из всех, что ездят на лошадях, что когда-то было пророчество, что сын кхала и огненной женщины покроет весь мир, и что в его матери так же много огня, как в солнце.

— Ты станешь кхалом кхалов, — часто говорили его родители.

Наконец, кхаласары столкнулись. Мхаро слышал крики и ржание даже на расстоянии полета стрелы. Он подогнал своего коня и поскакал по дуге, чтобы зайти врагам в бок, и увидел, что за ним скачут десятки всадников.

Наконец он встретился с врагом. Аркх другого всадника описал дугу, Мхаро в последний момент уклонился и выбросил руку вперед, концом своего аркха ужалив врага в горло. В коня сбоку врезался другой конь, но жеребец Мхаро был еще мал и оказался сбит. Мхаро едва успел соскочить с него и лишь чудом не оказался раздавлен. Он набросился на следующего всадника, разрезал ему ногу, стянул с седла и вспорол живот. Затем запрыгнул на чужого коня, развернул его и бросился в бой. Вокруг кричали и хрипели другие всадники, ржали, умирая, лошади. Мхаро пропустил один удар, порезавший левое плечо, затем второй — в левый же бок, но нанес в десять раз больше. Шестнадцать, — запомнил он число. Шестнадцать всадников он убил.

Потом на них обрушились стрелы. Одна пробила его икру и грудь лошади, пригвоздив их друг к другу. Лошадь обезумела. Мхаро взвыл от боли.

Взбесившаяся от боли лошадь несла его прочь от битвы, и Мхаро не мог ее развернуть.

Мне нужно в бой.

Он обломил древко стрелы и спрыгнул с коня на скаку. Он прокатился по земле, отшибая ребра и вцепившись в аркх. Спина болезненно хрустнула.

Мхаро попытался встать на колени — мир перед глазами кружился, и он рухнул лицом в землю.

"Мне нужно в бой", — вновь подумал Мхаро и заставил себя подняться. Он закричал, когда наступил на левую ногу, пробитую стрелой. Услышав чужой крик, Мхаро обернулся и едва успел упасть в сторону, уходя с пути лошади без всадника. Желудок сжался, и Мхаро вырвало на покрытую кровью траву. Чтобы снова подняться, ушло вдвое больше времени.

Мне нужно в бой.

Он отразил удар проскакавшего мимо всадника и припал на колено. Почему руки движутся так медленно? Мхаро почувствовал, как пальцы немеют. Солнце было в зените, но почему-то Мхаро стало холодно.

— Мне нужно в бой, — пробормотал он, пошатнувшись.

Аркх врага блеснул на солнце. Мхаро отпрянул назад, щеку обожгло болью. Он закрыл лицо руками. Что-то теплое стекло по щеке. Отведя дрожащие руки, он понял, что не видит правым глазом.

"Нет, — подумал он, чувствуя, как руки перестают слушаться, а в глазах — в глазу — темнеет, — Мне нужно биться".

Первым, что он услышал, был плач.

Мхаро лежал. Сил говорить или даже открыть глаза не было. Он чувствовал боль по всему телу, словно его переехали на лошади — а может, так и было. Он чувствовал острую, нестерпимую боль в одной ноге и онемение в

другой, чувствовал ноющие ребра и сломанные пальцы, чувствовал порезы на руке и на боку, но самое болезненное — его лицо невыносимо *жгло*.

Он попытался открыть глаза — получилось лишь наполовину. Мхаро увидел заплаканное, опухшее лицо матери, и это придало ему сил.

— Что случилось?

— Тъего! — Мхаро знал это слово. "Сын" на языке его матери.

Это было единственным, что она сказала — мать снова залилась слезами. Почему она плачет, он ведь жив? Мысли путались.

— Мы победили?

Мать кивнула, не переставая плакать. Она взяла его здоровую руку и осыпала ладонь поцелуями.

— Прости меня, Тъего. Надо было быть рядом с тобой.

Но я жив.

Сердце Мхаро сжалось.

— Отец?

Мать заплакала еще сильнее.

— Он... он ушел, Мхаро. Ты больше не кхалакка. Ты больше не всадник.

Он нашел в себе силы приподняться. Правая нога была неправильно изогнута в бедре. С такой на лошадь не сесть.

* * *

Джейме медленно опустился в ванну, стараясь не тревожить плечо. Хотя ванной это не назовешь — огромное корыто, в котором могли бы разлечься Григор Клиган, его брат Сандор, служащий Серсее и все равно для Джейме осталось бы место. Впрочем, он не был уверен, что Клиганов устроила бы ванна с водой, а не с кровью.

Плечо укололо болью, Джейме прошипел ругательство сквозь зубы и неловко плюхнулся в это несчастное корыто. Как же он ненавидел быть раненым. Последним, кто сумел пустить ему кровь, был Улыбчивый рыцарь, безумный ублюдок, который мог биться на равных с Мечом Зари. С тех пор прошло больше десяти лет. За это время разве что Роберт умудрился сломать ему палец на турнире в честь рождения Джоффри — но схватку Джейме все равно выиграл. Да и не сравнить распухший палец с арбалетным болтом, насквозь пробившем плечо. Боль, стесняющая каждое движение, была *в новинку*. Пекло.

Джейме откинул голову назад и рвано выдохнул. Теплая вода расслабляла уставшие мускулы и очищала мысли. Жаль, рядом не было Серсеи — в детстве они иногда купались вместе... Одни из лучших его воспоминаний об Утесе Кастерли. Почти все они были до смерти матери — не то чтобы Джейме был сильно к ней привязан, но ее любил отец, и после ее ухода... *Ланнистеры не делают глупости*. Плечо болезненно дернулось.

Джейме усмехнулся. Он всегда усмехался, даже наедине с собой. Было нечто забавное в том, что никто из людей ничего о нем не знал, даже любимая сестра. Наверное, потому его и боялся почти каждый, кто не был идиотом, безумным храбрецом или Ланнистером. Да и те иногда пугались, когда видели его улыбку. Действительно, что может прийти в голову первому мечу Вестероса, к тому же убившему своего короля? Даже этот свирепый дурень, король Роберт, его опасался. Тех, кто не опасался, можно пересчитать по пальцам, и с каждым годом их число уменьшалось.

Но Джейме хотел не этого. Те, кто боялись его, не были ему интересны и едва ли заслуживали чего-то, кроме презрения.

Джейме мало интересовал страх — он даже не знал, что это такое. Пожалуй, больше всего подходило то чувство *тошноты*, когда он убил короля, но оно было таким мимолетным, что и запомнить не вышло.

Джейме хотел уважения, но не тех, что его боится, а тех, кто нет. Он понял это в Королевском лесу, когда Эртур Дейн поднял его с колен и назвал рыцарем. Этот человек мог бы одолеть Джейме двумя взмахами меча, будучи связанным и незрячим, но Меч Зари *уважал* его. Интересно, что бы он сказал Джейме, если бы не погиб у Башни Радости в бою с северянами? Смог бы он понять убийство короля ради людей — или ради отца? "Или ради себя", — послышался в голове голос Старка.

Джейме невольно вспомнил кровавый кошмар, который он увидел в шатре Дейси Мормонт. Девять мертвых мужчин валялись на земле — большая часть вовсе не одним куском. Единственный живой стонал, держась трясущимися руками за живот — рядом лежали его кишки. На кровати лежала девушка, что-то бормотавшая в полубреду, а рядом, покрытый кровью, похожий на демона Старк обнимал своего сына. Джейме сделал шаг внутрь, и что-то неслышно хрустнуло у него под ногой. Это были *пальцы*. Он выругался, и оба Старка подняли на него глаза — абсолютно одинаковые даже в темноте. Возможно, то странное наполовину восхищение, скрутившееся у него в животе и заставившее сильнее сжать рукоять меча, было страхом?

Он отстал от Старка всего на десяток вдохов. Большая часть мужчин не успела бы надеть штаны. Этот убил десятерых. На самом деле, как позже выяснилось, семерых — троих убил мальчишка — но это мало что меняло. Это

должно было быть *восхитительно*. Не убийство — Джейме не был Клиганом — но сражение. Он не помнил, видел ли хоть раз Старка в бою, но он видел в бою Геральта Хайтауэра, Джонотора Дарри, Освелла Уэнта — каждый из них стоил в бою пятерых — и, конечно же, Эртура Дейна. Все они были мертвы после встречи со Старком. Он должен был быть *хорош*.

Но Джейме не чувствовал опасности, глядя на него — это было очень странно. Во всех лучших бойцах он чувствовал силу, мог предсказать их стиль по поведению и движениям. Белый Бык, как и Гора, и Роберт Баратеон, и Джон Амбер, был чудовищно силен, хотя и не так огромен, и эта сила была видна в каждом движении, в том, как он не замечал веса булавы или легко поднимал даму во время танца. Джейме, сам будучи сильнее большинства людей, легко замечал эти признаки. Сандор Клиган был яростен, каждое его движение было резким, будто он дрался даже когда пил эль, и он был не слабее, чем Джейме. Ливен Мартелл, когда двигался, походил на змею — как и его племянник, Оберин, и часто развлекал своих братьев, жонглируя клинками. Эртур Дейн двигался плавно, чем очень походил на браавосийских водных плясунов — так же было и с его стилем боя, хотя Джейме до сих пор не мог понять, как можно так ловко сражаться в доспехах и с *двуручным* мечом, будучи ростом в пять с половиной футов. Большая часть остальных *хороших* бойцов, которых он видел, не превосходили Джейме ни в ловкости, ни в силе, ни в скорости — но он все равно видел в них бойцов, даже когда доспехи сменялись разноцветными кафтанами или крестьянскими рубахами — бывало и так. В Старке он этого не видел. Тот был сильно ниже Джейме, и его движения не были движениями человека, посвятившего себя сражениям, а в шагах не было ни грации, ни скорости.

Интересно, если бы в тот день в тронном зале он не отошел бы от престола, а поднял меч, кто бы вышел победителем? Как много мог бы Джейме понять, просто скрестив со Старком клинки. Интересно, сразись они, Старк начал бы его уважать?

А убей он короля годом раньше? Он был бы казнен вместо Брандона и Рикарда? Назвал бы его Старк тогда "Цареубийцей"? Джейме вновь усмехнулся.

Он хорошо помнил тот день, когда Эйрис окончательно разрушил шаткий мир. Пять сотен человек были в тронном зале — лучшие рыцари королевства, могущественные лорды, мудрейшие мыслители — и все они, проклятые трусы, молчали. Были слышны лишь смех короля и гул дикого огня. И хриплое дыхание Старков. Ни Рикард, ни Брандон не позволяли себе кричать — один стонал сквозь сжатые зубы, другой пытался дышать с удавкой на шее, и их глаза не отрывались друг от друга. У Джейме тогда едва не заслезилась глаза, Барристан Отважный неотрывно смотрел в пол, Белый Бык, лорд-командующий королевской гвардией, сжимал рукоять меча, а десница короля деревянно улыбался, обтекая потом. И все они боялись издать хоть один звук. Кроме одной из фрейлин, почти девочки, на лазурном платье которой был вышит костяной дракон. Джейме не помнил ее лица, но очень хорошо запомнил голос — когда Брандон упал на колени, она кричала так громко, так дико, что ничего кроме этого крика не было слышно. Когда Эйрис приказал найти предательницу — именно тогда Джейме впервые послушался его приказа.

Тогда он еще не начал носить улыбку, так пугавшую всех вокруг. Тогда он был честным глупцом, умолявшем короля позволить ему сразиться с лордом Рикардом.

Джейме поднялся, и вода стекла по его телу, заставив задрожать от холода — в этом Старк уж точно его опережал. Даже под проливным дождем хранитель Севера не дрожал. Он быстро натянул штаны из овечьей шерсти и такой же жилет — пока он был ранен, доспехи носить не стоило. Впрочем, рана его уже почти не тревожила, чтобы ни говорили мастера.

— Лансель! — дверь распахнулась, и десятилетний мальчишка оказался перед ним в одно мгновение. Он выглядел ровесником бастарда Старка, хотя и был выше на полголовы. Тут одно из двух — либо бастарды и правда быстро взрослеют, либо все Старки просто утрюемые ублюдки.

— Позови лекаря и принеси мои доспехи, — Джейме взглянул на штаны и поморщился, — и подходящую одежду.

Едва он прибыл в Ланниспорт, отец приставил мальчика к Джейме как пажа, но назвал оруженосцем. Мальчик дрожал, стоило только на него не так взглянуть, и плакал, если ронял доспехи. Какой, к иным, оруженосец? Он был тверд как глина и обладал храбростью воробья. Джейме не был уверен, что Лансель в состоянии взглянуть на рану, не запачкав штаны. Он сам стал оруженосцем в одиннадцать, но никогда не был таким мягким. Если дядя Киван хотел сделать сына похожим на Джейме, следовало учить его сражаться, а не петь.

В дверь, которая так и осталась открытой, зашла женщина с перекинутой через плечо сумкой. Что ж, Лансель хотя бы был расторопен. Женщина покосилась на ванну, затем на раненое плечо.

— Милорд, вы не мочили рану? — ее тон напомнил ему тетю Дженну, когда-то таскавшую его за ухо.

— Я не лорд и не дурак, — улыбнулся Джейме.

Ему нравились те, кто с ним не заискивал — если они при этом его не презирали. Карие глаза потеплели.

— Позвольте?

Не дожидаясь ответа, она подошла так близко, что Джейме мог разглядеть ее ресницы, и начала изучать рану

— ей даже наклоняться не пришлось. Ее грудь была меньше, чем у Серсеи, но все равно почти касалась его руки. Долго. Что может быть *настолько* интересного в дырке?

— Стрела? — улыбнувшись, поинтересовалась она.

— Болт, — на широком лице женщины отразилось непонимание. — Арбалетный.

— А-а-а. Стрела.

Усадив Джейме на стул, она сперва облила рану вином, потом помазала чем-то, а после начала обматывать чистой тканью. От нее пахло потом и дымом, серые волосы щекотали его руку. Её пальцы были длинными и нежными. Рана ныла, но сейчас боль приносила наслаждение. Джейме прикрыл глаза и криво улыбнулся. Он слишком долго не видел Серсею.

— Как вас зовут-то? — спросила она, закончив.

— Джейме Ланнистер.

— Царевубийца? — она отшатнулась, будто он превратился в дракона.

Джейме снова усмехнулся.

— Зовут и так, если не слишком умны, — он поднялся, и она отступила еще на два шага.

Женщина открыла рот, но так и не заговорила. Где-то внутри Джейме ощутил разочарование. Все, кроме его семьи, либо боятся его, либо презирают, либо боятся *и* презирают.

Услышав лязг и грохот, Джейме мгновенно повернулся к двери. Лансель. Разумеется, Лансель.

Глаза женщины расширились, когда она увидела золотые доспехи. Джейме перевел взгляд на нее.

— Можешь идти.

Она выбежала, едва не сбив Ланселя.

Каким бы напуганным и бесполезным ни был его кузен, одеть доспехи он сумел, и довольно ловко. Быть может, он просто боится крови? Тирион боялся, пока ему не исполнилось пятнадцать. Как он только спал с Тишей? Джейме вздрогнул от этой мысли. Едва ли не единственный поступок, за который ему стыдно. Нет ни одного человека в мире, который мог бы его шантажировать и не лишиться жизни — кроме отца. И Серсеи, но она никогда не заставляла его делать то, чего он потом стыдился.

Плечо ныло под доспехами, но это можно было терпеть. Он взглянул на Ланселя. Король собирал военачальников через четверть часа, но Джейме не было в их числе — рана была лишь предлогом, это лишь еще один способ унижить его. Роберт отказывался признать, что боялся его, но стыдился этого страха. Когда Джейме его впервые увидел, он и подумать не мог, что этот великан окажется таким мелочным говнюком. Ему, вообще-то, нравился Роберт, пока отец не сказал, что тот женится на Серсее.

Джейме заставил себя говорить серьезно.

— Ты будешь присутствовать на совете. Это большая честь. Не говори, если тебя не спросят. Делай то, что тебе скажут. Не смей сжиматься, как сейчас. Ты Ланнистер.

Закончив, Джейме вернул на лицо легкую ухмылку. Будет забавно видеть лица Баратеонов и Старка, когда он войдет в шатер.

Но ни одного из них в шатре не оказалось, зато там были почти все верховные лорды. Посреди шатра стоял сосновый шестиугольный стол — надо же до такого додуматься — у каждой стороны стояли по три стула. Очевидно, одна сторона для одного королевства. Тайвин Ланнистер сидел спиной ко входу, напротив мест короля. Рядом с отцом сидел дядя Киван, о чем-то тихо рассуждая, и Григор Клиган. Мейс Тиррел, индеек из Хайгардена, сидел между Рендиллом Тарли и Бейлором Хайтауэром — ну, хотя бы его вассалы умели воевать — они были слева от отца. Справа представлял Речные земли Хостер Талли вместе с сыном и одним из выводка Фреев, а Долину — справа от короля — Джон Аррен, старый десница, Джон Ройс и... да, разумеется. Черная Рыба, младший брат Хостера Талли, герой войны Девятигрошовых королей и восстания Роберта.

Отец поднял глаза и коротко кивнул — он ожидал, что Джейме придет. Ланнистеры должны быть выше всех остальных. Привести Ланселя было правильным решением. Джейме обошел стол и сел на стороне короля, поставив туда *четвертый* стул. На вопросительные и возмущенные взгляды он ответил ухмылкой. Отец кивнул еще раз, в его глазах мелькнуло одобрение.

Лорды не успели вернуться к разговорам, когда в шатер вошли северяне. Эддарт Старк, Русе Болтон и незнакомец с белым солнцем на груди — северные дома никогда не интересовали Джейме. И мальчик — тот самый бастард.

Болтон и неизвестный молча заняли свои места, а вот Старк обвел всех своим обычным хмурым взглядом и остановился на Джейме. Тот насмешливо посмотрел в ответ. Разговоры смолкли.

Этот человек хоть когда-нибудь проявлял чувства? Отец и Станнис никогда не улыбались, но по их лицам можно было видеть недовольство или раздражение — лицо Старка было лицом ледяной статуи. Всегда. Это *раздражало*.

Ухмылка расплзлась по лицу, больше напоминая оскал. *Давай же, Старк. Нападай.*

— Если вы недостаточно оправились, чтобы стоять, вам не стоило приходить, — сказав это, Старк отвернулся и пошел к своему месту, будто Цареубийца больше не имел значения.

А у волка все-таки есть зубы. Улыбка превратилась в оскал.

"Посмотри на меня. Посмотри на меня, Старк! Бойся или презирай! Меня нельзя *не замечать*".

Джейме перевел взгляд на отца. Напряженные скулы, губы, сжатые в тонкую линию. Тайвин едва заметно повел подбородком в сторону Горы. Джейме уже хотел подняться, когда заговорил Хостер Талли.

— Что это значит, Нед? — Рыжий мужчина с сединой в волосах поднялся и кивнул на мальчика, который встал рядом с Ланселем. — Что здесь делает это отродье?

Джейме увидел ухмылку на лице Ланселя, так походившую на его собственную. Лицо бастарда, однако, оставалось ледяным, разве что взгляд опустился.

— Он будет виночерпием, и это *воля короля*.

Даже Джейме услышал в ледяном голосе предупреждение. Почему не услышал его Талли?

— Сперва ты опозорил мою дочь, породив бастарда, потом унизил ее, привезя ублюдка в Винтерфелл и назвав сыном, заставлял ее терпеть его присутствие, а теперь ты хочешь...

Талли говорил с Эддардом, но смотрел на бастарда, и тот с каждым словом все ниже опускал голову. Ухмылка Ланселя становилась все шире. Это *неправильно*.

— От этого мальчишки было больше пользы, чем от твоего сына, рыбий лорд, — весело заметил Джейме, — он хотя бы не застрял членом в шлюхе, когда все сражались.

Послышались смешки. Хостер посмотрел на него убийственным взглядом, но Джейме лишь поднял бровь. Эдмур покраснел и уставился в пол, как только что смотрел в пол бастард — а бастард и Лансель одинаково удивленно смотрели на Джейме.

— Принеси мне выпить, — тихо проговорил Клиган, обращаясь к бастарду.

Даже сидя он возвышался над мальчишкой на два фута. Взгляд отца не обещал ничего хорошего.

Вот же *дерьмо*.

— Пусть бастард обслуживает северян, — Джейме заставил голос звучать брезгливо, — Лансель, принеси выпить сиру Григору.

"Никогда не пытается развязать узел, если может его разрубить" — кажется, так про него говорил Тирион. Едва ли он сказал бы так сейчас.

— Милорды, — Джейме кивнул всем и никому, бросил взгляд на нового виночерпия и вышел из шатра как раз вовремя, чтобы разминуться с королем.

Лансель выбежал за ним.

— Вернись назад. Скажи мальчишке, чтобы зашел в шатер Королевской гвардии сразу после совета.

Плечо снова заньло и кошмарно зачесалось под доспехами. К счастью, шатер гвардии рядом.

Снимать с самого себя доспехи с большим плечом оказалось куда сложнее. Он не успел управиться к моменту, когда бастард пришел и уже готов был порвать завязки к Иным — видимо, в чем-то Тирион был прав.

А вот Лансель так и не появился.

Мальчик молча подошел к Джейме и принялся распутывать завязки.

— Как тебя зовут?

— Джон Сноу, сир, — ответил он, не отвлекаясь.

— Скольких ты убил, Джон Сноу?

Взгляд мальчика стал жестким.

— Трех. Двух. Не знаю, что с третьим.

Выходит, кишки кальмару выпустил ты.

— И тебя не вырвало? Не было стыдно? Не захотелось убежать, когда убил первого? — Джон поднял на него расширившиеся глаза, и Джейме насмешливо закончил: — Мне интересно, насколько ты на меня похож.

Если в серых глазах и был страх, он исчез.

— Да, я убил его, — зло выплюнул Джон, неотрывно глядя на Джейме. — Черного, в кольчуге и с мечом в руке, убил куском дерева, убил — потому что он пришел туда убить Дейси.

Выходит, некоторые Старки умеют злиться.

— А Хостера убить не захотел? Талли?

Злость пропала, будто ее и не было. Джон покачал головой, снимая панцирь.

— Он сказал, что я бастард. Я — бастард, — мальчик пожал плечами.

Если бы кто-то начал говорить про Джои Хилл то, что Талли говорил про Джона Сноу, он бы заканчивал фразу с мечом в животе. Насколько сильно этот мальчик себя презирает? Как скоро презрение станет гневом? Джейме едва не рассмеялся. *Ты мне должен, Старк.*

— Я не знаю, кто твоя мать, и мне плевать. Она может быть шлюхой из Эссоса или высокородной леди. В тебе

видно твоего отца даже больше, чем в нем самом. Благороден, как он, непогрешим, как он. И глуп, как и он, — к удивлению Джейме, когда он произнес последнюю фразу, Джон схватился за меч. Неужто мальчик вообще не боится? — Не приближайся к Клигану, он тебя покалечит. Иди.

Все еще сжимая рукоять меча, Сноу подошел к выходу и откинул полог.

— Сир. Спасибо.

Ну точно Старк.

* * *

Пайк был последним, что осталось у железнорожденных. Он держал морского короля за яйца, война заканчивалась, но Грейджой был слишком упрям, чтобы принять это. Роберт лично вел людей, выбивая железнорожденных со скал, а Станнис встретил их на море, когда кальмары попытались бежать на Соленый Утес. Виктарион Грейджой, как и Эурон, где-то скрывался, но в одиночку он так же опасен, как его женушка. Серсея, пожалуй, даже опаснее — одни боги знали, что у этой стервицы может быть на уме.

Но, несмотря на гордых и хитрозадых львов, упрямого болвана Станниса, война заканчивалась — и Роберт чувствовал, что снова становится пустым. Какой прок быть сильнейшим из людей, если самое тяжелое, что ты поднимаешь — треклятый кубок из мирийского стекла?

Битва — вот для чего он был рожден. Доспехи были его любимой мантией, молот — лучшим из украшений, кровь и пот были его духами, боевые кличи — сладчайшей песней, а предсмертные хрипы — самой родной колыбельной. Потому он и любил северную волчицу — она была такой же. Красота есть у многих, но лишь она могла взять лук и попасть вепрю в голову с полусотни ярдов. Ему до сих пор снились битвы — как победы, так и поражения. Других снов Роберт не видел с тех пор, как бился впервые. И война с железнорожденными тоже будет являться ему во снах, король знал это.

Совет раздражал его. "Должно уважать высоких лордов, ваша милость", — так сказал Джон. Но как их уважать, если половина уже забыла, с какой стороны держать меч? Проклятье, Нед и Станнис, этот угрюмый правдоруб, были единственными, кто говорил по делу — но они почти всегда молчали, и даже от виночерпия было больше пользы, чем от Мейса Тиррела. И как, к Иным, виночерпием оказался еще один Ланнистер?

Хотя второй виночерпий был куда интереснее. Бастард Неда. Роберт видел его лишь один раз, в Королевской гавани, и тогда Нед не дал даже подойти к мальчику. Сейчас Джон — так его звали — был копией Неда, каким Роберт его впервые увидел. Разве что паренек был повыше и пострашнее. Еще бы, убить трех кальмаров в восемь лет! Барристан узнавал — правда. Если старик и молчаливые сестры, занимавшиеся телами, не ошиблись, то одного мальчик прикончил долбаной *палкой*. Впервые услышав об этом, Роберт был в восторге.

— Останься, Нед, — сказал Роберт, когда лорды покидали шатер. Сир Барристан замер за его правым плечом.

— Ваша милость, — он коротко кивнул бастарду, которого куда-то тащил мальчик-Ланнистер и снова повернулся к королю.

— Сядь, — фыркнул Роберт, — Ты тоже сядь, Селми. Твоего сына нужно наградить, Нед.

— Вы уже наградили его, светлейший.

— Дать ему кувшин и сделать слугой — не награда. Я прав, Барристан?

— Служить королю — великая честь.

Роберт почувствовал раздражение.

— Тогда на следующем совете вино наливать будешь ты. Польщен?

— Я награжу Джона, ваша милость, — заговорил Нед, вновь не дав Роберту разойтись, — так, как посчитаю нужным.

И оба они слишком напоминали ее. Он едва помнил ее лицо, Нед и Лианна не были близнецами, но, Роберт мог поклясться, этот мальчик походил на нее так же сильно, как Джоффри был похож на Цареубийцу.

— Назови его Старком, что за проблема? — Сын его брата был таким же доблестным, как и отец. Какая награда могла быть почетнее, чем носить это имя? — Я узаконю его. Если твоей жене это не понравится, отправь парня к Джону, пусть его воспитает тот же человек, что и нас.

— Эта награда пропитана отравой. Он не Старк. И он останется со мной.

О, он знал этот тон. Так же Нед разговаривал, когда Роберт пытался затащить его в бордель.

— Хорошо, пусть остается бастардом. Пусть станет оруженосцем. Этот желтый *котенок*, как там его — Ландель? — стал, а твой сын нет? Посмотри, Нед, перед тобой лучший рыцарь в Семи королевствах. Ему ть бастарда доверишь?

— Он *останется со мной*, Роберт. Со своими братьями и сестрами. Джон не поедет в это змеиное гнездо. Бастарда там ничего не ждет. Он — мой, и мне решать, какой будет награда.

Пальцы сжались с такой силой, что подлокотники жалко треснули. *Она мой сестра, Роберт. Она останется со мной.*

— Барристан, выйди.

Десять вдохов молчания были самыми неудобными в его жизни.

— Ты не говорил о ней, Нед, — *Ты не позволил мне даже взглянуть на нее*, — Она ведь была жива, да?

Роберт не узнавал свой голос.

— Была. Она умерла с моим именем на устах, — Лицо Неда окаменело, — И этого никто не знал.

Ну конечно, Нед, ты не задал бы этот вопрос.

— Паук знает свое дело. Расскажи мне, Нед. Ты знаешь, я любил ее. Прошло достаточно времени. Она... она страдала? — Мог ли король звучать так жалко?

— Ей было плохо, Роберт. Я думаю, ей сказали про отца и Брана. Я помню ее маленькой худышкой, но она была еще меньше и тоньше. На лице были царапины — нет, их оставил не Рейгар — думаю, она сама. Она истекала кровью.

— Ее ранили?

— Она истекала кровью. Лиа... даже не сразу поняла, что это я, но нашла силы улыбнуться. "Большой брат" — так она звала меня, хотя я всегда был меньше Брана. Она спросила, правда ли Эйрис убил их — "Нет, — я сказал, — они скоро поправятся". Лиа всегда знала, когда я лгал. Она спросила, мертв ли Эйрис — и я ответил. Она сказала, что ей страшно. "Не бойся", — ответил я. Она сказала, что не хочет умирать. "Ты не умрешь", — пообещал я. Она вцепилась в мою руку, словно это я был при смерти. Ее ногти были черными и сломанными, пальцы распухли и посинели — ей было больно держать меня. "Прости меня", — прошептала она. Я сказал, чтобы она не смела закрывать глаза — но когда она меня слушала? Я сказал, что мне нечего прощать. "Спасибо, Нед", — ответила она — и улыбнулась.

Нед замолчал. Роберт никогда не видел его слез — не видел и сейчас, но его глаза блестели. *Рейгар должен был умереть тысячу раз за это.*

— Я разрушил Башню Радости, Роберт. Если бы я встретил Рейгара, клянусь, я оторвал бы его голову зубами, — он говорил все так же тихо, но Роберт чувствовал kloкочущую ярость в его голосе.

Та же ярость до сих пор жила в груди короля. Слова Неда должны были разбудить ее, но вместо этого успокоили.

— Она говорила... — *обо мне*, — чтонибудь еще?

Роберт чувствовал, будто его легкие наполняются песком. Так было в Королевской гавани, когда ему сказали, что у него больше нет невесты. Ты все еще дышишь, но будто уже утонул.

— Говорила, но эти слова предназначались только мне, — голос Неда был осколками льда. — Больше не спрашивай меня о ней, Роберт.

Не спрашивая позволения, Старк вышел из шатра.

Роберт с размаху треснул стулом о стол. Сломались и то, и другое. Барристан оказался в шатре мгновенно.

— Вина! — рявкнул ему король, ломая еще один стул.

Он выпил весь принесенный мех за один раз, жадно глотая, не обращая внимания, что вино льется на бороду и пачкает дорогой камзол, потом бросил этот мех в грудь мальчику и потребовал еще. Перед глазами ему виделось лицо Рейгара Таргариена, мертвенно-бледное и ухмыляющиеся, чудился смех Безумного короля, которого он ни разу не слышал и звон колоколов Каменной Септы.

Он попытался выхватить меч и встать, запутался в ногах и едва не упал, но нашел опору на чьем-то плече. Снова Нед помогал ему.

— Нам надо спасти ее, Нед, — прошептал Роберт, пытаясь стоять самостоятельно, — Этот... этот ублюдок где-то спрятал ее, я знаю. Я хочу вернуть свою невесту.

— Вам надо поспать, ваша милость, — сказал Нед голосом Барристана, — завтра мы отправимся на поиски.

Мир закружился, и Роберт обнаружил, что лежит, а над ним стоит его брат в серебряных доспехах и с седыми волосами. Роберт ухватил его за руку.

— Я убью его, Нед, клянусь, — прорычал он, чувствуя, как сознание уходит — его и всех, в ком течет его кровь.

— Вы уже их убили, светлейший, — Нед говорил голосом, полным ледяного гнева. Почему он злится?

Роберт вспомнил.

— Верно, убил. Но где же она? Я хочу вернуть ее, Нед. Где она?

Ему снился бой на трезубце, где в доспехах Рейгара сражалась девушка.

На следующий день он проснулся лишь после полудня и с ужасной головной болью. Совет могли бы провести и без него, но во взгляде Джона и так было достаточно разочарования — еще немного, и старик может умереть, а у него жена на сносях. Нехорошо получится, если ребенок уже родится сиротой.

Голоса лордов звенели в его голове. Он старался, честно старался прислушиваться.

— Мы могли бы построить осадные башни на кораблях и подойти с моря... Самый быстрый способ лишиться флота... Ночной штурм, вот что нам поможет, говорю вам... Возьмем их измором... Только если ваши люди научились бегать по воде... Бейлон будет сидеть там до зимы...

Спокойный и жесткий голос Тайвина заставил остальных замолчать.

— Мои люди построили полсотни требушетов. Мы можем обстреливать Пайк, пока от него не останутся одни руины.

Согласный гул вызвал еще один приступ боли, и Роберт едва не лишился завтрака.

— Лорд Тайвин, все мы знаем о вашей склонности к уничтожению замков, — жестко проговорил Джон, — Но вы не можете...

Тут перед Робертом поставили кубок. Он выпил его двумя глотками, лишь потом поняв, что это вовсе не вино. Вода, лед и лимон — вернее, лимон, лед и вода, настолько кислым было это пойло, но голова очистилась, а завтрак остался в желудке. Обведя взглядом людей он увидел едва заметную насмешку в глазах Неда — ну конечно, чей еще бастард осмелился бы дать королю воду вместо вина. Значит ли это, что вчерашний разговор забыт?

— Ваша милость? — на него зачем-то смотрела половина совета. Ах да, Пайк.

— Будет штурм.

Кто-то попытался что-то сказать, и Роберт грохнул ладонью по столу — на этот раз дубовому.

— Через два дня их стены должны быть пробиты, лорд Тайвин.

Старый Лев кивнул.

— Что ты там шепчешь, ублюдок?

Роберт в ярости повернулся к сказавшему это, но Хостер Талли смотрел не на него — на бастарда, что-то говорившего на ухо Неде. Мальчишка на мгновение казался растерянным, но потом Нед кивнул, глядя на сына с улыбкой, которую Роберт никогда не видел.

— Водоросли плохо горят, милорд, — Хостер открыл было рот, но мальчик не дал ему начать говорить, — но дыму от них столько, что солнца не видно, и пахнет он как... плохо пахнет.

— Ты, видно, много их нюхал, что решил об этом говорить на совете короля, — Рендил Тарли смотрел на мальчишку с презрением и гневом, — как водоросли нам помогут взять замок?

— Люди лорда Тайвина построили полсотни требушетов, — ответил тот.

Роберт расхохотался.

* * *

Столько дыма он еще никогда не видел. Да и вряд ли хоть кто-нибудь видел — казалось, что Пайк целиком сделан из дерева и целиком горел. Даже два дня спустя из крепости поднимался неровный дымок. Он даже слышал, как несколько солдат уверяли одного рыцаря, что это Торос из Мирра поджег замок колдовским огнем при помощи пылающего меча — быть может, сам жрец тоже так думал. Возможно, про него сочинят несколько песен, которые будут потом распевать в южных замках.

Жрец действительно заслужил свою славу — он первым ворвался в пролом в крепостной стене, не обращая внимания на дым и поджигая защитников своим мечом. Джорах Мормонт отстал от него ненамного, но его мало кто заметил — Длинный Коготь, пусть и был из валирийской стали, гореть не умел.

Они сумели посеять панику, и когда Роберт вместе с принцем Станнисом и солдатами Западных земель пробили ворота, исход боя был решен. Самого Неда бой свел с Григором Клиганом — они сражались едва ли не спиной к спине, но удовольствия в этом было мало — этот безумный великан дважды чуть не зарубил Старка, оставалось надеяться, что случайно. Не то чтобы в сражениях было много чести, но в том, как сражался Клиган, чести не было вовсе — сдававшихся он убивал даже яростнее, чем сражавшихся, а когда бой закончился, Нед нашел поваренка, разрубленного надвое — точно как принцесса Элия.

Еще одним героем стал Джейме Ланнистер — что ж, в сравнении с Горой он и правда казался таковым. Цареубийца вместе с Джори Касселем захватил Морскую башню и приволок Бейлона в чертог, где уже стоял Роберт Баратеон, покрытый копотью, кровью и солью.

— Он предатель, — сказал Станнис, которому лекарь зашивал рану — один из железнорожденных сумел пробить панцирь и топор вонзился принцу в грудь, к счастью, неглубоко, — его следует казнить. Если они здесь так поклоняются Утонувшему богу, отправь его на дно.

— Кого я предал? — Бейлон стоял прямо, сложив руки на груди и подняв голову. — Не помню, чтобы Грейджой присягали Баратеонам.

Мормонт, чья кузина едва не погибла на этой войне, был в ярости, когда король пощадил Бейлона, но это было справедливо, как и взять заложника.

Теон был мальчишкой двенадцати лет, худым и пугливым, но отчаянным — по словам Джори, когда солдаты ворвались в его комнату, мальчик кинулся на них с ножом. Тайвин хотел взять его на воспитание в Утес, но Нед смог уговорить Роберта отдать Грейджоя в Винтерфелл.

С Джоном Теон пока не встречался, но это и к лучшему, оба они сейчас слишком злы на мир.

Перед отплытием, в Лордспорте, когда Нед вместе с Теоном и стражей уже шли к кораблю, на него набросилась — иначе не сказать — девушка. Лет четырнадцати, вся в прыщах и с острым лицом. Она едва доходила

ему до плеча.

— Возьмите меня, лорд Старк! — крикнула она, оттолкнув одного из гвардейцев, — Оставьте Теона! Оставьте! Её хотели схватить, но Нед остановил гвардейцев. Она подошла к нему почти вплотную.

— Пожалуйста, — выдавила она, будто это слово жгло ей глотку, — Он должен остаться здесь.

Оставить мальчика он не мог, но позволил им вдоволь попрощаться. Теон, до этого державшийся гордо, поднялся на корабль угрюмым, с дорожками слез на щеках. Когда корабль отплывал, девушка все еще стояла на пристани.

— Иди к маме, Аша! — зло крикнул Теон.

Его голос сорвался, когда он кричал имя сестры.

— Тебе самому бы еще мамкину титьку сосать, — произнес один из гвардейцев. Раздались смешки.

Я тоже плакал, когда прощался с сестрой, и голос у меня был тоньше.

— Теон, ты, верно, разбираешься в кораблях лучше нас, и воды эти знаешь.

Мальчик рвано кивнул.

— Будешь капитану помогать — читать карту, выбирать путь, заменять, когда он спит, — лица всех на палубе вытянулись, — А он, — Нед указал на шутника, — на время плавания твой стюард.

На лице Теона появилось бледное подобие улыбки.

Нед отвернулся. "Увидим, — подумал он, — сколько в тебе от лорда, а сколько от пирата".

Каюта была маленькой, но Нед, воспитанный солдатом, в такой чувствовал себя лучше. Стойка, куда можно повесить броню и оружие, сундук с одеждой, стол, стул и кровать — даже больше, чем нужно.

На корабле таких кают было еще три — в одной поселился Джори, в другой Теон, последняя предназначалась для Джона, но он попросил позволения плыть с Мормонтами.

Джон очень привязался к Дейси, а Джорах стал одним из его героев, когда сам король посвятил Мормонта в рыцари прямо на поле боя. Нед надеялся, что среди героев Джона и для него найдется место. С того нападения железнорожденных Джон не смотрел ему в глаза дольше двух вдохов.

Нед слишком хорошо помнил, как медленно разжимал маленькие пальцы, намертво вцепившиеся в меч, как обнимал мальчика, не обращая внимания на вонь десятка трупов, и повторял ему — и себе — что все хорошо. Что было бы, опоздай он на десяток вдохов? Роберт, напомнивший о смерти Лианны, совсем не помог.

Корабли прибыли в Ланниспорт через два дня. Его встретил Тиггет Ланнистер, один из братьев Тайвина, наименее неприятный Неду — и, что важнее, с ним были Мормонты и Джон, тут же подошедший к Неду. Старк положил руку на плечо мальчику, и Джон Сноу улыбнулся.

На Теона, однако, он смотрел враждебно, и Грейджой отвечал взаимностью.

Нед покачал головой — сейчас было не до того, помириться они могут и в Винтерфелле.

Ланниспорт был уже почти восстановлен, во всяком случае, пересекая его, Нед не увидел ни разрушенных зданий, ни нищих попрошаек.

Тиггет отвел Неду и Теону роскошные покои, но Джона хотел поселить с солдатами. Неда это разозлило сильнее, чем он ожидал — Джон едва не погиб, он, по крайней мере, заслужил, чтобы им не пренебрегали. Еще больше его разозлила покорность Джона.

— Отдайте Джону покои Теона, а ему отведите комнату рядом с моей — в конце концов, он мой стюард.

Насмешливая улыбка исчезла с лица Грейджоя, а вот глаза Джона зажглись надеждой.

В Ланниспорте они пробыли почти луну — столько заняли подготовка к турниру и сам турнир. Старый лев явно вознамерился превзойти тот, что прошел десять лет назад в Харренхолле. Схватки пешими, общая схватка, выступление акробатов их Эссоса, конные сшибки, огненные танцоры, состязания лучников... Даже Джон и Теон смогли в нем поучаствовать — железнорожденный занял третье место среди стрелков, а Джон вылетел после третьего круга, хотя не слишком расстроился — он носился, приставал к акробатам и плясунам, дрался с местными мальчишками на палках, будто и не было войны, а руку он разодрал, лазая по деревьям, а не сражаясь за жизнь.

Это хорошо.

Роберт, наконец, представил Неду своих детей, златовласых и зеленоглазых. Джоффри, пятилетний мальчуган, уже умел танцевать, хотя за меч, даже деревянный, еще не брался. Он был высок для своего возраста и гибок, но в глазах мальчика Нед видел неуверенность. Мирцелла, годовалая улыбчивая девочка, понравилась ему гораздо больше.

Турнир выиграл Джорах Мормонт, победив в последний день Бронзового Джона, Бороса Блаунта и Джейме Ланнистера и прямо на ристалище попросив руки Линессы Хайтауэр. Сансе наверняка понравится эта история.

На прощальном пиру было столько блюд, что можно было бы накормить половину Севера. За восемь лет, проведенных дома, он успел забыть, насколько богаты земли к югу от Перешейка. Барды, одеты в пестрые, режущие глаз костюмы, играли на инструментах, названия которых Нед никогда не знал и пели песни, которых он никогда не слышал. Платье каждой женщины стоило дороже рыцарских доспехов...

— Ты выглядишь растерянным, Нед.

Обернувшись, он увидел отеческую улыбку Джона Аррена.

— Не больше, чем когда смотрел на Долину из Орлиного Гнезда, — тогда он и правда думал, что превратился в птицу.

— Твой кровный сын здесь?

— Нет, — в отличие от Грейджоя. У Джона не было подходящей одежды, но главная причина в том, что Нед не хотел оставлять его без присмотра в одном зале с Тайвином Ланнистером.

— Хорошо, — Джон положил руку ему на плечо, — Я хотел поговорить.

— Ты знаешь, Джон, я всегда буду рад твоим советам, — *отчего ты кажешься таким неуверенным?*

Джон вздохнул и будто постарел на десять лет. Улыбка померкла.

— Я единственный здесь достаточно стар, чтобы помнить Старого Льва молодым. И единственный, кто скажет тебе это.

— О Тайвине Ланнистере? Я знаю, что он опасен. Я *видел*.

Красные плащи, кровь на полу тронного зала и тела, маленькие и обезображенные.

— Нет, о твоём сыне, — *что?* — У него может быть твое лицо, но я уже сейчас вижу в нем Тайвина. — Что-то во взгляде Неда заставило Джона Аррена вздрогнуть. — Ты сам сказал, что всегда ценил мои советы, Нед, послушай меня и в этот раз. Дай ему все, что можешь, или не давай ничего. Иначе он возьмет остальное сам. Джон Сноу может сделать твой дом сильнее или он может создать свой на его пепле.

— О чем ты говоришь? — Нед старался говорить тихо, и его голос стал похож на голос Болтона. — Джон похож на Тайвина так же сильно, как ты на Серсею.

Аррен лишь покачал головой.

— Посмотри на него, Нед. Он храбр, силен и умен. Как скоро он поймет, что заслуживает большего, чем судьба бастарда? Как сильно его ожесточат насмешки и презрение? Когда проявится его природа?

— *Замолчи*, — Нед и сам не понял, когда схватил названного отца за синий дуплет. Сравнить Джона, его Джона с Тайвином Ланнистером, жадным до власти детоубийцей и лжецом — большее оскорбление придумать сложно. Опомившись, Нед отпустил его. — Он *мой*, милорд. Не Тайвина Ланнистера.

Нед в раздражении направился к выходу, чувствуя спиной растерянный взгляд Джона Аррена. У дверей он столкнулся с человеком, которого хотел видеть меньше всех.

— Лорд Старк, уже покидаете нас? — улыбка Цареубийцы была острее меча. — Я не видел вас на турнирном поле.

— Я не участвую в турнирах, сир.

— В Харренхолле участвовали.

Нед сжал зубы. Откуда он знает?

— Меня там не было, но о рыцаре Смеющегося Древа сложно было не услышать — слишком уж его искали. Так что остановило вас в этот раз? Потеряли сноровку?

— У меня никогда не было сноровки для подобных игр. Если я беру в руки оружие, значит, собираюсь убивать.

— Не думал, что вы так кровожадны, милорд. Вам есть о чем поговорить с сиром Григором.

Ланнистер подошел к нему вплотную. Он был выше Неда, шире в плечах, и от него разлило духами и вином.

"Он пьян, — понял Нед, — он пьян и хочет моей крови".

Цареубийца, как и полагается королевскому гвардейцу, был в доспехах и с мечом, а вот на Неде был лишь камзол, и он был безоружен. Он отвернулся было, но Ланнистер ухватил его за плечо.

— Король очень любит вас, вы знали? "Сын Неда — герой, Нед Старк опять всех спас, надо спросить Неда..." Странно, что он не трахнул тебя вместо твоей сестрицы, — Ланнистер округлил глаза в притворном изумлении. — Или трахнул?

В этот момент ему ничего не хотелось так, как вбить слова Цареубийцы ему к глотку.

Обещай мне, Нед.

— Ты хитер, сир, — прошептал он в холодной ярости, — ты дождался, когда я буду безоружен и моих людей рядом не будет, а теперь хочешь, чтобы я ударил первым — так ты сможешь спокойно меня зарубить. Я не подарю тебе такой шанс. Можешь доставать свой меч, Цареубийца, увидим, так ли он острее, как твой язык.

Ухмылка Ланнистера стала шире, и Нед уже подумал, что он и правда достанет меч посреди пира, но тот отступил на шаг. Лишь тогда Нед заметил, что на плечах Цареубийцы руки, оттащившие его.

Одного человека он сразу узнал — Тиггет Ланнистер. И он был зол. Нед не слушал, что тот говорил Джейме, но выглядел он грозно, даже без доспехов. По другую сторону от Цареубийцы стоял еще один Ланнистер, поменьше и повеселее — он с Недом и заговорил.

— Простите моего племянника. Джейме плохо переносит поражения.

— Как и правду. Это общая черта подлецов.

Мужчина лишь засмеялся. Если забыть про бороду, он был похож на Джейме даже больше, чем Тайвин Ланнистер.

— Что ж, теперь, когда лучшие мечники мира обменялись остротами, можем мы поговорить о чем-то более интересном? — мужчина умиротворяюще улыбнулся, но в Старке кипела ярость.

— Можете говорить о чем вздумается. И уложите вашего племянника спать, пока он не начал войну.

Широким шагом он вышел из чертога, но Ланнистеры — оба — пошли за ним.

— Лорд Старк! Пойдите же!

Нед выдохнул и остановился.

"Они — не Цареубийца, — сказал он себе. — Они — не Тайвин."

— Простите меня, милорды. В грубости вашего племянника вашей вины нет.

— Вот и хорошо, — улыбка мужчины казалась мягче, чем в чертоге. — Скажите, лорд Старк, Стена и правда так великолепна, как о ней написано?

Этого вопроса он ожидал меньше всего.

— Великолепна — неверное слово. Насколько мне известно, это самое огромное сооружение из когда-либо построенных. В ней мало красивого, но... Стена — нечто великое.

Мужчина пожал плечами.

— Что ж, значит, ее мне тоже нужно будет посетить. Простите, я так и не представился. Я Герин Ланнистер.

Нед слишком долго был вдаль от семьи, слишком сильно хотел сломать какую-нибудь кость Цареубийце и слишком привык говорить по делу.

— Вы хотели о чем-то поговорить?

— Я хотел, — ответил за брата Тиггет. — Правда, что ваш кровный сын убил трех островитян?

Этот человек нравился Неду больше — он говорил прямо, не улыбался без причины и, насколько знал Нед, был честным и доблестным воином. Будь его волосы менее золотыми, сошел бы за северянина.

— Правда.

— Хорошо. Робар Ройс был моим оруженосцем. До Джейме ему далеко, но я научил его обращаться с мечом и копьем. Теперь он рыцарь. Мне нужен новый оруженосец, и ваш кровный сын подходит.

"Боги, опять", — обреченно подумал Нед.

К нему уже подходили с таким предложением — Джон Ройс, Джон Амбер, Джаред и Лионель Фрей, Гарт Хайтауэр, даже Джорах Мормонт. Всем он отвечал одинаково: "Джону нужно увидеться с братьями и сестрами. Ответ будет дан не раньше возвращения в Винтерфелл". Так же он ответил и сейчас.

* * *

Сначала город понравился Джону — но он ошибся. Ланниспорт был в десять раз больше Винтертауна, а может еще больше — и людей тут было столько, сколько Джон и представить не мог. Ему, по просьбе отца, отвели роскошные покои — в которых Джон не представлял, что делать. Перина на кровати была настолько мягкой, а Джон настолько привык к соломенным тюфякам, что первые дни не мог уснуть. Крепость, больше похожая на дворец, была в самом центре города. В ней жили Ланнистеры из Ланниспорта — и их было великое множество. Джон нашел среди них не меньше двух десятков сверстников, половина из которых быстро напомнили ему, что он все еще бастард. Девочки фыркали и отворачивались, стоило только увидеть его, а мальчишки, едва поняли, что побить его не выйдет, перестали его замечать.

Джон хотел побыть с отцом, но его отец был лордом Старком, самым близким другом короля, и с королем проводил почти все время — а Джон уже не был королевским виночерпием. Он хотел побыть с Дейси, но она жила в шатре за пределами города, как и сир Джорах.

Едва выздоровев, Дейси нашла Джона на Пайке и засыпала благодарностями и извинениями. Джон до сих пор краснел от воспоминаний — леди Мормонт оторвала его от земли и сжала в медвежьих объятьях, потом расцеловала в обе щеки и снова прижала к груди. "Наверное, так бы сделала мама, если бы мы встретились", — подумал он тогда. Он на это надеялся.

С того момента он проводил с Дейси все время, когда не прислуживал королю. Плавать они не могли — у Дейси была рана на ноге, а у Джона на ладони — он даже не помнил, как ее получил, но болела она сильно. Как-то раз, размотав повязку, он увидел серо-красную корку, покрывавшую глубокий порез — тогда он понял, почему лекарь сказал не разматывать повязку. По словам лекаря, рана была до кости. Дейси пыталась научить его обращаться с кистенем, но получалось у жуть как плохо — он даже умудрился зарядить им себе по затылку, рассмешив половину островов; еще она учила его вязать узлы и по-птичьим свистеть — тут он добился куда большего.

В Ланниспорте было интересно первые пять дней — за это время он облазил весь замок, подрался со всеми мальчишками на тренировочном дворе и сдружился с детьми поварихи, тремя погодками — Энной, Дованом и Сарой Хилл. Энна, младшая из них, была старше его на год, но все трое ходили за ним хвостом, клянча страшные

истории. Сара, самая старшая и единственная незаконнорожденная, была выше его на дюйм и клянула больше всех. Ее восторженные зеленые глаза напоминали ему об Арье — и о Дейси. А еще она была единственным бастардом, которого он здесь встретил — и, в отличие от Джона, не знала своего отца.

Но даже дети поварихи не могли занять его больше чем на час. Почти все время он проводил с деревянным манекеном, избивая его мечом, копьем и булавой или лазая по деревьям в богороще, больше похожей на сад. К счастью, за два дня до турнира в замок приехали еще гости.

Выйдя рано утром на покрытый длинными тенями и утренним туманом двор, он обнаружил, что там уже упражняются люди — двое мужчин с турнирными мечами пытались одолеть одного. Он был высок, широк в плечах и очень ловок с мечом, на его щите были две золотые розы на зеленом поле. Джон помнил, что похожая роза была у одного из верховных лордов, но забыл его имя.

Тем временем мужчина сбил одного из соперников щитом, мечом отражая удар второго, затем набросился на него, чередуя атаки сверху и снизу, в конце концов поймал соперника обманным ударом — показав, что бьет в левое бедро, обрушил меч на правое плечо.

Посмотрев на Джона, он улыбнулся.

— Можешь упражняться с упражняться с манекеном, только нам не мешай.

— Да, спасибо. Сир? — полувопросительно закончил Джон.

— Я еще не рыцарь. Гарлан Тирелл к твоим услугам.

— А. Я Джон Сноу.

На всякий случай поклонившись, не желая видеть реакции на свое имя, Джон быстро пошел к манекену. Начал он с простых ударов, потом повторял все приемы, которые успел выучить — это заняло удивительно долго. Когда Джон закончил, солнце уже стояло высоко в небе, а во дворе упражнялись солдаты.

У стены, в тени навеса сидел Гарлан, уже снявший доспехи. Он махнул Джону рукой и протянул мех с водой, когда тот подошел. Джон вдруг понял, что умирает от жажды.

— Меня называют хорошим мечником, но я не помню дня, когда так усердно упражнялся. Джон Сноу, да? Чей ты бастард?

— Лорда Эддарда Старка, — Джон выпрямился, произнося имя отца.

Гарлан казался удивленным.

— Моя бабушка рассказывала о нем. Он победил моего отца у Штормового Предела, не пролив ни капли крови, — Джон кивнул — сир Родрик рассказывал ему то же самое. — А еще говорят, он победил сира Эртура Дейна, Меча Зари.

Про Эртура Дейна Джон тоже слышал, но о нем говорили шепотом, будто боялись, что появится его призрак. Он снова кивнул.

— Ты не слишком разговорчив, да? — Гарлан откинулся на стену и усмехнулся.

Это был едва ли не первый человек настолько высокого происхождения, который не выказывал Джону *Сноу* презрения.

— Вперед! Лети, Мераксес!

Арья? Джон подскочил под смех Гарлана. Во двор вбежал мальчик, немногим старше Джона.

— Я Висенья, драконья всадница! — кричала девочка у него на плечах, размахивая какой-то веткой. Чем-то она и правда напоминала Арью, но была старше и выглядела... мягче.

— На Мераксес летала принцесса Рейнис, — фыркнув, выговорил Гарлан. — Маргери, хватит мучить брата.

Все трое, Гарлан, Лорас и Маргери, оказались детьми Мейса Тирелла, приехавшими на турнир. И все они были милы с Джоном — настолько, что это стало подозрительным. Впрочем, Лорас перестал быть милым, стоило Джону его победить. Он играл с ними весь день и лишь вечером узнал причину, почему с ним вообще заговорили.

Сара пришла к нему в покои.

— Это правда? — в голосе девочки звучали обвинение и обида.

Соломенные волосы сейчас походили на гнездо, еще больше напоминая об Арье.

— "Это" — что? — устало переспросил Джон.

— Тебя собираются узаконить? — Сара зло всхлипнула. — Старуха сказала так твоим новым друзьям.

Отец говорил об этом с Джоном, еще на Пайке. Он сказал, что тогда все решат, что Джон хочет стать наследником вместо Робба — на самом деле отец говорил сложнее, но смысл именно тот — и Джон тоже думал, что лучше остаться Сноу.

— Неправда. Старуха ошиблась.

Сара закусила губу — один в один, как Арья.

— А ты умеешь целоваться?

Джон не умел.

Утром он снова встретился с Гарланом — на этот раз Тирелл сражался сразу с тремя противниками, и за ним

наблюдали брат и сестра, выкрикивая: "Хайгарден!" Они снова были милы с Джоном, Маргери даже поцеловала его в щеку, но на этот раз он чувствовал себя зверушкой, с которой они развлекаются. Санса тоже была милой со щенками, если они были чистыми, и даже целовала их.

Джон не был щенком.

От турнира он был в восторге, несмотря на неудачу в состязании стрелков. Он даже уговорил акробатов научить его делать колесо — и чуть не свернул шею в попытке сделать сальто. Победителем турнира стал сир Джорах, один из лучших воинов Севера, он сумел одолеть даже сира Джейме. Уже после турнира Джорах подошел к нему и подарил стальные наручи, сделанные специально под руки Джона.

— Этого не хватит, чтобы отплатить за то, что ты сделал для Дейси — да и ничего не хватит, Джон, она мне как дочь — просто знай, что теперь ты друг любому Мормонту.

По правде, эти слова были достаточной платой — этот ответ пришел ему на ум уже после. Тогда Джон лишь залился краской и пробормотал что-то, что сам не смог разобрать.

Окончание турнира означало, что вскоре Джон вернется домой, к Арье, Роббу, сиру Родрику и Сансе — от этой мысли он не мог подавить улыбку, а вот Сара расстроилась. Они учились целоваться в богороще — у Джона, наверное, выходило бездарно, но Саре было не с чем сравнить.

— Я буду скучать, — сказала она, — Приезжай, когда подрастешь, и привози еще истории.

Джону стало грустно. В Ланниспорте он вряд ли когда-нибудь появится, и хоть Сара и сказала, что они просто тренируются, он чувствовал, что предает ее. Не надо было вообще целоваться.

Вместо ответа он еще раз поцеловал ее.

Сара ушла, а Джон остался в богороще, рядом с сердце-древом. Там его и нашел Теон Грейджой — новый воспитанник отца, двенадцатилетний, долговязый и остролицый парень со злым взглядом.

— Сноу, тебя ищет лорд Старк. И переоденься к пиру, выглядишь так, будто обмарался и не заметил.

Джон сжал кулаки и послушался. В Великий чертог его все равно не пустили. Джон сидел вместе с челядью, межевыми рыцарями и гвардейцами Ланниспорта. Он высидел ровно столько, сколько потребовалось, чтобы наесться и собирался вернуться в комнату, но по пути столкнулся с королевским гвардейцем.

— Еще один, — пробормотал Джейме Ланнистер. — Почему ты не пируешь, Сноу? И чего кривишься? Меня зовут Цареубийцей, а это уж похуже бастарда.

— Но ведь вы убили... — робко начал Джон

— Да, чтоб тебя, убил! Убил. И горжусь этим, потому что когда пришлось выбирать между дерьмом и дерьмом, я выбрал, а не стоял в стороне, как твой благородный отец или наш добродетельный король!

Рыцарь присел, чтобы заглянуть ему в глаза, но все равно был выше Джона.

"Он выглядит, как герой из сказок", — подумалось Джону.

— Сир...

— Скажи, бастард, твой отец сразится со мной, если я отрублю тебе, скажем, руку? — Джон сглотнул. Цареубийца рассмеялся. — Успокойся, я не калечу детей, — Джон почувствовал, как рука в латной перчатке ущипнула его за ухо. — Удачи тебе, бастард.

"Теперь всегда буду носить с собой меч", — пообещал себе Джон. Почему-то ему казалось, что сейчас он был ближе к смерти, чем когда его окружили железнорожденные.

— Ты первый северянин, приглянувшийся моему брату.

Из-за угла вышел самый странный человек, какого Джон когда-либо видел. Сплюснутое лицо, разные глаза, короткие ноги. Ростом он был даже ниже Джона. Этого человека сложно не узнать.

— Если это я приглянулся, то кто же нет?

— Эйрис Таргариен, надо думать, — Джон опешил. — Твоему отцу мой брат не нравится. Джейме вообще мало кому нравится, если речь не о девушках. Тебе тоже, верно.

Джон не знал, что ответить.

— Но позволь задать тебе вопрос, мальчик. Если король прикажет тебе убить лорда Старка, ты выполнишь приказ?

Джон вздрогнул, а потом заговорил так твердо, как мог:

— Я не служу королю, я служу лорду Старку.

Тирион Ланнистер засмеялся.

Утром Джон был рад убраться из Ланниспорта. В этот раз он был на одном корабле с отцом, но плыли они не в Сигард, а в Темнолесье, которое было намного ближе к Винтерфеллу — ведь армия, как оказалось, уже давно вернулась на Север.

Они были в дне пути от Винтерфелла, когда Джон нечаянно сорвал с руки повязку, лазая по деревьям. Он даже не сразу это понял — ветка подломилась под ногой, он ухватился за сук, и повязка сорвалась. Джон ударился спиной о землю и обнаружил, что повязки нет, только когда умывался в ручье.

Кровавой корки тоже не было — сорвалась вместе с повязкой. Взглянув на ладонь, Джон похолодел. Стало понятно, почему она не чесалась, как обычные раны, почему почти не болела.

Ни мастера, ни врачи ему об этом не рассказывали. Джон знал эту болезнь только по историям старой Нэн. Кожа на ладони была словно камень, серая и потрескавшаяся.

Джон закричал.

Винтерфелл IV

Барристан устало теребил завязки, снимая с себя доспехи. Спина уже целую луну нещадно болела: с тех пор, как Джейме выбил его из седла. Он все забывал, что Ланнистер — уже давно не тот светящийся гордостью мальчик, одетый в белый плащ в пятнадцать лет, и давно избавился от глупой привычки прижимать копьё краем щита. Селми ударился о деревянное ограждение с такой силой, будто в него врезался бык. Наверняка вся его спина — один чёрный синяк. Надо бы спросить Пицеля о помощи.

И обзавестись оруженосцем. Все его братья имели хотя бы двоих, но эти дети были скорее слугами, чем оруженосцами, и ни один из них не имел способностей, чтобы стать хорошим воином. Оруженосец должен быть учеником, тем, в чьи руки рыцарь вложит меч, в чье сердце вложит понимание чести... не слугой. А его братья даже не тренировали своих подопечных, за исключением Джейме Ланнистера — но Лансель все же был его кузеном.

Вспомнив Ланнистеров, он вспомнил и другого мальчика, Сноу. Не то бастард, не то кузен Эддарда Старка — Барристан мало что знал о северных домах. Кажется, лорд Старк называл его сыном, но Барристан не был уверен. Мальчик отличался храбростью, наверняка был способным и силой обделен не был, через несколько лет он вполне мог бы стать оруженосцем, а после рыцарем, как и говорил король, но не сейчас.

Король... Барристан не знал, что сказал его величеству лорд Старк, но победа встала тому поперек горла. Роберт Баратеон всегда любил вино, но теперь не было дня, когда он был трезвым. Даже в общей схватке он выступал пьяным, орудуя вместо любимого молота мечом. Он мог бы победить, если бы не свалился с лошади. Или мог бы свернуть шею, будь он немного более пьяным.

Боги милосердные, как защитить короля от бурдюка с вином?

Доспех с лязгом упал на каменный пол — только тогда Барристан услышал стук в дверь.

За ней стоял Джон Аррен, десница короля — он был на дюжину лет старше Барристана, бился рядом с ним на Ступенях, против него на Трезубце и, вновь на одной стороне, на Железных островах.

— Милорд? — Барристан был удивлен.

Десница мог вызвать его к себе — так и было положено, он мог прислать слугу и приказать Барристану спуститься, но предпочел сам забраться на Белую башню.

— Лорд-командующий, — мягкая улыбка на морщинистом лице вызывала доверие, — мне нужен ваш совет.

Как редко Барристан слышал эти слова. Королю Эйрису не нужны были советы белого плаща, король Роберт же не слушал никого кроме Джона Аррена и Эддарда Старка, но последний не спускался южнее Перешейка, если только не вел войну. Барристан вдруг понял, что помнит Рикарда Старка, который мертв уже десять лет, куда лучше, чем его сына. Наверное, это проклятье всех стареющих людей. Он ведь уже старше, чем был Геральд Хайтауэр, когда Старк убил его.

Барристан сжал зубы — о чем бы он сегодня ни думал, Старк появлялся в мыслях.

Джон Аррен молчал, продолжая мягко улыбаться в ожидании. Барристан догадывался, о чем его спросят.

— Королева возвращается? Если пожелаете, я возглавлю эскорт.

Серсея Баратеон, гордая и вспыльчивая, осталась в Утесе Кастерли после ссоры с мужем — а с ней, разумеется, остались ее брат-близнец и дети. Вместо них в столицу прибыл Тирион Ланнистер, чье общество еще больше роднило короля с вином. Быть может, королева смогла бы отвлечь его от пьянства и горьких воспоминаний?

— Нет. Проблема, которой я не могу найти решение, куда серьезнее.

Барристан напрягся.

— Угроза королю?

— Угроза королевству. Принц Оберин Мартелл отплыл в Эссос больше трех лун назад. Он посетил Пентос, затем Лисс и Тирош. В Пентосе, как сообщил Варис, несколько лет прятался Визерис Таргариен, в Лиссе недавно умер Джон Коннингтон — по словам Петира, перед этим он ссорился с юношей валирийской внешности, после чего этот юноша вместе с сестрой наняли корабль до Тироша, где его след оборвался. Красный Змей ищет Таргариенов. Я был в Дорне больше тридцати лет назад, когда возвращался со Ступеней, а после, восемь лет назад, провел там несколько неприятных недель. Тогда принц Доран заверил, что сохранит мир — мне показалось, он был честен. Однако я не знал его. Но вы, сир, человек из Дорнийских марок, вы были в Солнечном Копье, Лимонной Роше, Водных Садах, Даре Богов — и в тех замках Дорна, о существовании которых я даже не знаю. Вы провели там несколько месяцев вместе с Рейгаром Таргариеном и Эртуром Дейном. Вы хорошо помните то время?

Помнил ли он? О, Барристан помнил. Их странствие было неожиданным — по крайней мере, для него. И Староместа, где Рейгар выковал себе шесть звеньев, как обычный школяр, они отправились на юг. Три дня они провели с городке вблизи Солнечного Дома, на берегу Летнего моря — ровно столько, сколько принцу понадобилось, чтобы сочинить песню. Селми полагал, что после они отправятся морем в Королевскую Гавань, но Эртур убедил принца посетить Дорн — пара месяцев, говорил он, но вышел почти год. Рейгару было лишь шестнадцать, а Эртуру девятнадцать, и он больше двух лет не видел свою семью.

Они купили трех лучших скакунов, прошли гористым морским берегом и поднялись вдоль Быстроводной, спали под открытым небом, Эртур ловил рыбу в каменистых запрудах, Рейгар и Барристан собирали ягоды и сладкую траву на высоких лугах; каждый день небо было голубым

и солнце грело их спины, каждую ночь над их головами появлялась россыпь звезд. Путь до Звездопада занял три дня. Когда они прибыли, Барристан понял, почему Эртур так уговаривал принца ехать — малышка Аллирия была меньше двух лет от роду, и брат ни разу ее не видел. Глядя на Эртура, когда он держал ее на руках, Рейгар улыбался так, как не улыбался никогда.

Проведя в Звездопаде целую луну, они отправились дальше. Горная Обитель, Поднебесье, Железная Роща — им были рады везде, их встречали хлебом и дорнийским вином, устраивали в честь принца пиры. Но все трое понимали, что рады им скорее из-за Эртура Дейна, самого юного Меча Зари за сотни лет, самого прославленного бойца Дорна, самого искусного мечника в Семи королевствах.

Эртур заслужил это — четыре года он побеждал во всех турнирах, в которых участвовал, он выбивал из седла Белого Быка, Ливена Мартелла, Бронзового Джона и самого Барристана.

Однако Рейгар смог завоевать их любовь, разгромив шайку преступников, сбежавших из Серий Крепости, после чего Барристан посвятил уже семнадцатилетнего юношу в рыцари.

Покинув Дорн по Костяному пути, они посетили руины Летнего замка, а после Грифонье Гнездо, навестив юного Джона Коннингтона — там они и узнали о рождении Визериса Таргариена.

Два года спустя Рейгар хотел отправиться на Север, но его планы задержало восстание Сумеречного Дола, потом разбойники в Королевском лесу, а после — помолвка с Элией Мартелл.

Принцесса прибыла в Королевскую Гавань на корабле, ее сопровождали семь фрейлин, пять рыцарей — и ее младший брат. Тогда Барристан впервые увидел Эшару Дейн.

Женившись, Рейгар вместо Севера вновь отправился в Дорн — там, в Солнечном Копье, и родилась темноволосая малышка Рейнис.

Оберин и Доран оба души не чаяли в племяннице.

Барристан вновь почувствовал старый гнев. Джон Аррен был мудр и старался сделать так, чтобы Селми не пересекался с Тайвином Ланнистером, а судьба не позволяла Барристану сойтись в поединке с Клиганом — но вина и неведение лишь сильнее разжигали гнев.

— Я все помню.

— Расскажите мне о дорнийцах, сир. Мог ли Оберин утаить все от брата или действовал по его приказу? Какие дома их поддержат, если они решат начать войну?

— Я не был в Дорне после убийства принцессы Элии, — Барристан не мог не заметить, как от этих слов вздрогнул десница. — Когда его последний раз видел, принц Доран был терпелив, разумен и осторожен. Его младший брат — полная противоположность Оберин был остер на язык, хитер и гневлив. Он едва не бросил вызов сире Джонотору Дарри, перед этим оскорбив его племянницу — мирить их пришлось принцу Дорану, как и приносить извинения. Но, клянусь своим мечом, Оберин Мартелл безумно любил сестру. Он даже хотел вступить в Королевскую гвардию, однако передумал, узнав подробнее о наших обетах.

На самом деле, они оба любили Элию, и они казались мне братьями. Не думаю, что один из них предал бы доверие другого. Но, даже если они зачем-то ищут принца Визериса, разве это преступление? Принц Доран не начнет войну и не позволит брату начать ее.

— И, все же, если они попытаются, какие дома Дорна встанут на их сторону?

Неожиданно Барристана захлестнула ярость.

— Все.

Рейнис, его маленькая принцесса. Барристан был тем, кто подарил ей черного котенка, а она обняла его за колени. "Балерион" — так она его назвала. Она была хорошей. Она была доброй. Этот кот до сих пор бегал по замку, а Рейнис была убита мясником.

Джон Аррен закрыл глаза. Он выглядел как человек, терпящий ужасную головную боль. Выдохнул.

— Есть еще кое-что, о чем я хотел бы поговорить.

Барристан молчал. Если Аррен хочет о чем-то поговорить, пусть говорит.

— Моя жена решила навестить свою сестру в Винтерфелле. Она напомнила мне о бастарде, которого Нед назвал моим именем. Вы ведь говорили о нем, сир? Я хочу знать, кто его мать.

Селми не сразу понял, что он сказал.

— Я не спрашивал лорда Старка об этом.

— Но вы были в Харренхолле. Я — не был. Если я не ошибаюсь в Неде, он зачал бастарда до того, как взял жену. И он привез его с юга — значит, и мать отсюда.

Барристан почувствовал, как его ударили в грудь. Теперь он знал, кем была мать бастарда. Старк забрал ребенка у нее из рук, и она не нашла в себе сил пережить это.

С трудом Селми разомкнул сухие губы.

— Эшара Дейн.

Джон Аррен открыл рот, чтобы спросить о чем-то еще, но Барристану хватило разговоров.

— Я сказал вам все, что знал, лорд-десница. Уходите.

Барристану хотелось ударить кулаком в стену. Хотелось отправиться на Север и зарубить Старка. Хотелось...

"Ты белый плащ, — сказал он себе, — Ты должен защищать короля. Роберт Баратеон лучше многих, он силен и справедлив. Ты должен защищать его, блюсти свои клятвы и помогать ему хранить мир в Семи Королевствах".

Сам того не желая, он вспомнил битву на Трезубце — там Роберт был похож на короля больше, чем когда либо — проклятье, он был похож на демона, расшвыривая солдат словно тряпичных кукол. Барристан тогда думал, что большая угроза исходит от Старка, холодного и беспощадного, но он ошибся — и это стоило жизни его принцу.

А ведь за день до этого Барристан сам настаивал на сражении.

"Они не согласятся на мир, мой принц, — говорил он, — а если согласятся — солгут. В них слишком мало чести и слишком много ярости".

Проклятый идиот!

Переговоры с Робертом Баратеоном казались глупостью, но Рейгар так не считал. Барристан удивился, когда вместо разъяренного великана на встречу явился Нед Старк — без Джона Аррена, без Хостера Талли, Черной Рыбы или Джона Ройса. С ним были трое, но Барристан знал только Рида, болотного лорда.

— Лорд Старк. — Рейгар казался разочарованным — видимо, он ждал разговора с Робертом Баратеоном, кого он мог бы убедить, кого он *знал*.

— Я не был бы лордом, если бы не твой отец. Где моя сестра?

Рейгар говорил гордо, с достоинством, он говорил, что Лианна пошла с ним по своей воле, что он заберет трон у своего отца, если восстание прекратится, что он забудет о том, что лорды вообще восставали.

Старк не поверил.

— Даже если ты соблазнил мою сестру, принц, даже если она обезумела, я не поверю, что она осталась с тобой после... — Старк сглотнул, и его взгляд потемнел. — После смерти моих отца и брата. Если ты говоришь правду, почему она не рядом с тобой? Если ты говоришь правду, почему она не сообщила мне? Если ты говоришь правду, то... То ты убил моего брата *случайно*. Но ты не говоришь правду. Моя сестра никогда бы не подвергла семью опасности. Спрошу еще раз: где она? Что с ней?

"Он в отчаянии, — понял Барристан, — в отчаянии, зол, потерял и хочет защитить сестру".

Ответ Рейгара стал его приговором.

— Она беременна.

* * *

Санса стояла по левую руку от матери и не могла совладать с улыбкой. Она хотела быть красивой, как мама, только вот два дня назад у нее выпал передний зуб, и улыбка стала некрасивой. В этом не было ничего страшного, Санса умела улыбаться одними губами — но сейчас возвращался отец, которого не было дома почти год, и ей хотелось гоготать и носиться по двору, как делала Арья.

Во дворе собрались почти все жители Винтерфелла, не было лишь сира Родрика и десятка гвардейцев, отправленных навстречу отцу. И, кажется, каждый из них улыбался. Улыбалась мама, сжимая плечо Сансы, улыбался Робб, Арья была настолько счастлива, что не могла устоять на месте, — только двухлетний Бран растерянно оглядывался и дергал маму за юбку, силясь понять, откуда взялось столько людей.

Солнце светило им в спины, согревая. Пели птицы, лаяла собака. Послышалось ржание.

Санса и сама начала подпрыгивать, когда в Западные ворота начали въезжать всадники. *Что-то не так*. Отец сидел на гнедой лошади и смотрел перед собой, рядом с ним ехал побелевший Родрик Кассель. За ним ехали несколько лордов, Санса уже могла их узнать. Джон Амбер, на чьем лице была неприкрытая злость, один из Мандерли — Санса поняла по размеру живота — угрюмо смотрел на спину своей лошади, за ними лорд Слейт и Халис Хорнвуд, Рикард Карстарк с сыном... тех, кто ехали за ними, Санса не узнавала. Она окинула их взглядом. Чего-то не хватало. А где Джон Сноу?

Отец слез с лошади, и мать сразу же заключила его в объятия. Санса видела его лицо, скорбное и растерянное, видела безвольно опущенные руки. *Где Джон?* Почему никто этого не видит?

Санса огляделась. Все улыбались, кроме Арьи, с непониманием и надеждой смотревшей на ворота, в которые продолжали въезжать всадники. Джон Сноу должен был ехать рядом с отцом — или сразу после всех благородных, если, наконец, начал соответствовать имени — но точно не с челядью в конце, почему Арья не могла этого понять? И все же Санса тоже посмотрела на ворота.

Последние два всадника въехали — одним из них был Джори Кассель, а вторым, видимо, какой-то болотный человек, уж больно маленького он был роста. Натянутый на глаза капюшон серого плаща скрывал лицо, но не черную кольчугу. За его левым плечом Санса увидела рукоять меча, а на предплечьях блестели стальные наручи.

Когда все остановились, он начал слезать с лошади, но в этот момент Арья закричала: "Джон!", он вздрогнул и, зацепившись ногой за стремя, неловко упал.

"Это не может быть Джон Сноу, — подумала Санса. — Он хороший наездник, так все говорят".

Это было почти все, что она знала о Джоне.

Арья думала иначе — Джори поймал ее в двух футах от поднимавшегося человека. Он оказался еще ниже, чем выглядел, будучи верхом — пожалуй, лишь чуть выше Робба. Капюшон слетел, и Джон Сноу отер пыль с лица.

Он смотрел на Арию с отцовской печалью во взгляде.

"Он не должен быть настолько похожим на отца", — почему-то эта мысль принесла испуг.

Но она тут же заметила разницу — у отца никогда не дрожала нижняя губа.

Санса встала на колени вместе со всеми, чтобы мама могла вручить отцу замок, но Арье было плевать — она извивалась и кричала в руках Джори, оттаскивавшего ее от Джона Сноу. Ей удалось его пнуть — даже Санса знала, что от такого пинка будет больно, — но Джори не отпустил ее. Он держал ее, даже когда Арья до крови прокусила ему руку.

Отец на кого-то кричал — а он никогда не кричал, Джори уносил Арию брыкающуюся двора.

— Прошу вас, верните Сансу и Брана в их комнаты, — услышала она голос матери.

Септа взяла Сансу за руку. Она так иногда делала, Сансе не должно было быть страшно, но ладонь септы оказалась вдруг скользкой и влажной, и Сансу передернуло.

На обеде Джона не было, но был другой мальчик. Теон Грейджой, новый воспитанник отца. Он был еще тише и угрюмее, чем Джон Сноу.

Так вкусно Санса не ела со своих последних именин. Оленина, запеченная с яблоками и специями, вода с вишней, рыбная похлебка с овощами и лимонные пирожные в конце — Санса готова была поклясться, что съела столько же, сколько весит — но раньше за едой всегда шел разговор, а в этот раз все молчали.

Арья проглотила оленину и выпила вишневую воду, но больше ни к чему не притронулась, обиженно поглядывая на Джори и маму, постоянно при этом ерзая.

— Почему Джон не с нами? — спросил Робб, доедая.

— Он болен, — сказал отец, — Джон останется в своих комнатах, пока не поправится.

Санса вдруг поняла, что отец ничего не съел. Может, он хотел поесть вместе с Джоном, пока тот не может выйти?

— Я отнесу ему! — Арья опрокинула стул и начала сваливать пирожные в подол, который придерживала рукой.

— Сколько раз тебе повторять, Арья, платье — не сумка, — отругала ее септа Мордейн.

— Джона покормят слуги, — сказала мама тоном, который не позволял возразить.

Тогда Арья сделала нечто непростительное — она отпустила подол, и пирожные упали на пол.

— Арья!

— Я хочу к Джону!

Мама и септа одновременно начали говорить, но вдруг поднялся отец. Все замолчали. Все перестали есть. Можно было услышать, как каркают мейстерские вороны в другом конце замка.

— Джон очень расстроится, если ты заболеешь из-за него, Арья, — отец подошел в ней и коснулся ее щеки, но Арья зло дернулась. — Ты могла бы собрать для него ягод или... — голос отца вдруг стал хриплым, а потом и вовсе пропал. — Сделай ему подарок, Арья, Джон будет рад.

Арья кивнула и зло затопала с сторону сада, отец устало покачал головой. Пирожные остались на полу.

Следующим утром, во время шитья, Арья спросила септу Мордейн о Джоне. Санса иногда завидовала младшей сестре — она могла спросить о чем хотела.

— Боги наказали его, — выговорила септа сухим голосом, — этот мальчик был порождением греха, оскорблением брака твоих родителей, заключенного в свете Семерых, и Отец покарал его.

— Я спрашивала тебя не об этом. Я спросила: когда Джон поправится? И при чем тут боги?

Септа выглядела готовой ответить, и Санса замерла, не донеся иголку до ткани.

— Он поправится, когда того пожелают боги, если Мать будет к нему милостива.

— Так бы и говорила, что не знаешь, — огрызнулась Арья.

Септа не ответила. Странно, ведь она не позволяла Арье дерзить, никогда.

На обеде отца не было, и Арья приставала с этим вопросом к мейстеру — с тем же результатом. Лишь встав из-за стола Санса поняла, что Робба тоже не было, как и Теона Грейджоя.

Спросив разрешения септы, она отправилась в богорощу — Робб, в отличие от нее, почему-то любил это место и страшное лицо, вырезанное на дереве. Но его там не было. Санса обошла половину замка — даже библиотеку и Воронью башню, пока не услышала всхлипы.

Теон сидел на крыше башни.

— Спускайся! — крикнула ему Санса. — Маме не нравится, когда по ним лазают.

— Твоей маме, ты имеешь в виду, — со злым смешком ответил Теон. — Моя-то осталась в Пайке.

Санса не сразу поняла — как это, мама не рядом. Потом вспомнила Джона Сноу. Ей стало жалко их.

Еще она вспомнила, что вчера Теон ей нравился. Он был красивым — в Винтерфелле не было других красивых мальчиков. У него были длинные черные волосы, расчесанные и блестящие, перевязанные золотой лентой, узкое красивое лицо, черные глаза, каких почти не было на Севере. И красивая одежда — чего здесь вообще не было. Черный камзол с золотым узором на груди и с застежками из черного оникса, черный полуплащ с золотым кракеном, высокие начищенные сапоги. Она узнала, что мужчины тоже могут одеваться красиво, лишь когда у них остановился певец, но тот был скорее пестрым, настолько, что в глазах рябило. Теон Грейджой был красивым.

Тут ей пришла в голову идея — настолько замечательная, что Санса не смогла удержаться.

— Она могла бы и тебе быть мамой, — ты ведь не бастард, — а я твоей сестрой. Если хочешь. Как игра.

— Нет уж, оставь ее себе, Старк. У меня своя есть. И сестра тоже. И братья были, пока их твой отец не убил.

Санса окаменела. Отец кого-то убил? Его братьев? Детей? Братьев, как Робб? Братьев, как *Бран*? Она скрестила руки на груди, чтобы унять дрожь, вдруг возникшую в пальцах. Сансе хотелось крикнуть, что он врун, но он не врал — он почти плакал.

"Вежливость — щит женщины", — вдруг вспомнила она.

— Я сожалею о твоих потерях, — так ведь надо говорить, верно? — Ты не знаешь, где Робб?

Он спрыгнул с крыши и приземлился в одном футе от нее. Посмотрел на нее сверху вниз.

— Я не знаю, *кто* Робб.

— Робб — мой брат, — удивленно сказала Санса.

Как можно это не знать? Он что, совсем глупый? Тут ее осенило — папа никого не убивал, глупый Теон просто ошибся.

— Рыжий? Видел его. Ревел как девчонка и бежал куда-то. Зеленый неженка. Это он-то — наследник Севера?

Санса почувствовала ком в горле и поняла, что плачет.

— Робб хороший! А ты... ты... злой!

— Да плевать. Оставь меня в покое.

Он начал неловко карабкаться назад на крышу, с которой спрыгнул. Санса собирала уходить, когда Теон заговорил:

— Через кладбище. Он бежал по кладбищу.

— Благодарю, — Санса, сдерживая слезы, сделала реверанс, хотя он не смотрел в ее сторону.

Ей пришлось спуститься в Крипту. Она никогда не приходила сюда одна — только с Роббом, ведь он защищал ее от огромных пауков, которые здесь водятся. Даже Арию сюда не пускали — мама говорила, для нее лестница слишком крута.

— Робб? — Санса поняла, что ее голос дрожит от страха.

Вокруг было темно и холодно, а статуи сжимали свои страшные ржавые мечи, и казалось, что они не позволят ей вернуться. Ей почудилось, что лютоволк у ног одной из статуй оскалился, и Санса побежала.

Она остановилась, лишь добежав до последних статуй.

Тут она и увидела Робба — он вылез из ниши за статуей Брандона Старка, старшего брата их папы. Даже в неровном свете факелов она видела дорожки слез на его щеках.

— Санса? Как ты меня нашла?

Она решила, что на этот вопрос отвечать необязательно.

— Что случилось? Ты плакал?

Обычно он бы устыдился — хотя Санса не знала, чего здесь стыдиться: все дети плакали, даже Джон Сноу, изображавший из себя папу, — но сейчас Робб просто кивнул.

— Мама и папа кричали... И мейстер Лювин... Я ничего не понял, и меня увели прежде, чем я успел спросить но... — Робб, сглотнул, посмотрел прямо ей в глаза, и Санса вздрогнула. — Санса, мама сказала, что Джон умрет.

* * *

Кейтлин чувствовала себя так, словно вернулась в прошлое.

Она ждала Неда. И даже не из-за Полурукого и секрета о матери Джона Сноу. Боги, она просто скучала по нему! По его рукам, по его колючей бороде, по серым глазам, по голосу, называвшему ее "Кэт" — никто, кроме Неда, не называл ее так с тех пор, как она покинула Риверран.

Она не могла говорить от счастья, когда увидела его, невредимого, въезжавшего в ворота Винтерфелла — и как она могла когда-то не любить этот замок, каждая частичка которого помнила Неда?

Кэт не была слепой — она видела его опустевший взгляд, направленный куда-то вдаль, видела бледность на его щеках — она появлялась лишь тогда, когда Нед слишком утомлен. И она видела, что бастарда нет рядом с ним. Она не знала, какие чувства это вызвало в ее груди — боль или облегчение — но они не имели значения, когда Кэт

бросилась в объятия мужа и прижалась щекой к его щеке.

Она ощутила, как горячая волна прошлась по всему ее телу, сорвав с губ бессмысленный стон. Кэт почувствовала влагу между ног. Ей хотелось, чтобы он поднял ее на руки, отнес в свои покои и любил, пока не наступит следующее утро, она хотела почувствовать его дыхание на своей коже, хотела почувствовать его в себе, хотела увидеть в его глазах огонь, предназначенный только для нее, хотела ласкать его всеми способами, которые только можно придумать, хотела показать ему, как она скучала, как сильно она любит его.

Она отступила и опустила на колени, и весь двор опустился вместе с ней.

— Винтерфелл твой, мой лорд, — она подняла взгляд и увидела, что муж смотрел не на нее.

Нед смотрел на Куорена Полурукого, оставшегося стоять, и Кэт никогда не видела во взгляде мужа столько гнева. Он поднял ее с колен и поцеловал руку, но даже не взглянул на нее.

— Что ты здесь делаешь?

Кэт вдруг почувствовала себя несчастной. Ну что ей стоило выгнать этого дозорного с его сотней секретов? Поселить его в Винтертауне и забыть о нем?

— Ты знаешь, зачем я здесь, лорд Старк, — Полурукий выпрямился и положил руку на рукоять меча.

Нед сделал два быстрых шага и ударил дозорного по лицу. Кэт не знала, почему тот не достал свой меч. Этот удар мог бы сбить с ног людей вдвое больше Куорена, но дозорный устоял.

— Я сказал тебе, сир, что убью тебя, если увижу еще раз!

Ужас сковал сердце Кэт. Она приняла Куорена как гостя в Винтерфелле, если Нед нарушит законы гостеприимства, боги не простят этого.

Куорен поднял ошеломленный взгляд.

Кэт должна была заговорить, ее слово могло бы сдержать руку мужа, но если жена будет перечить Хранителю Севера перед всеми его вассалами...

— Мой лорд, прошу вас! Этот человек — гость Винтерфелла, он преломил здесь хлеб.

Благослови боги сира Родрика!

Нед замер, и Кейтлин видела, как его глаза вновь заледенели, а лицо превратилось в холодную маску.

— Для чего он сюда прибыл?

— Сопроводить Уэймара Ройса в Ночной Дозор, — мгновенно ответил сир Родрик.

— Дайте ему лучший доспех из оружейной и отведите в Винтертаун, там он дожидается лорда Ройса.

— Я хочу его увидеть, Старк, — из рассеченной брови Куорена текла кровь, и он смотрел на Неда со смесью мольбы и ярости.

Нед повернулся к Родрику, не обращая на дозорного внимания.

— Уберите его отсюда. Мейстер Лювин! Я хочу, чтобы вы немедленно отвели Джона в его комнату и осмотрели его руку.

Кэт не понимала, что происходит. Кто такой это Куорен? Почему Джон Сноу здесь? Он все еще Сноу? Где он и что с ним случилось? Почему Нед так холоден с ней?

Все вопросы перестали иметь значения, когда Нед переплел ее пальцы со своими. Он сжимал ее руку так сильно, будто тонул. Они шли в его кабинет — и Кэт показалось, что эта дорога заняла больше часа. Ноги вдруг стали ватными, а руки задрожали. Наверное, она слишком много испытала. Предвкушение, счастье, возбуждение, страх, разочарование... Кейтлин чувствовала себя так, словно не спала несколько дней.

Дверь за ними захлопнулась, и из Неда словно выпустили воздух. Он сгорбился, опустил голову, его рука повисла на ее мертвой плетью.

Кэт хотела знать, что происходит, но боль ее мужа была важнее любопытства. Она обвила руками его шею, прижалась к нему всем телом и запустила пальцы в его волосы. Впервые Нед нуждался в ее утешении. Что она за жена, если не сможет его дать?

"Я люблю тебя, Нед. Твоя боль — моя боль, твой гнев — мой гнев. Я люблю тебя, люблю, люблю", — она пыталась передать ему это, покрывая поцелуями его лицо, сжимая его в объятиях.

Он не отвечал на ее ласку, но Кэт чувствовала, как его спина выпрямляется.

Когда пришел Лювин, Нед был похож на древних королей Зимы, холодных и могучих.

Мейстер Лювин редко выглядел взволнованным, и сейчас был один из таких случаев. Он смотрел на Неда как на умирающего.

— Это серая хворь, милорд, нет никаких сомнений. Он сказал, что на руке была рана.

Кэт ошеломленно посмотрела на Неда. Он несколько вдохов смотрел на мейстера и лишь потом понял, что это был вопрос.

— Да. В его руку вонзился кусок дерева во время... Да, рана была, по словам лекаря, до кости.

— Значит, споры попали в кровь, — пробормотал Лювин, — тогда заражение проходит удивительно медленно. Хворь забрала лишь небольшой участок ладони за... месяц? два?

— Пятьдесят восемь дней, — хрипло проговорил Нед.

— Что же, тогда у него есть еще несколько лет перед тем, как, — мастер замылся, — наступит конечная стадия.

Эти слова привели Неда в ярость.

— Я не спрашиваю, сколько ему осталось жить! Как его вылечить — вот что мне нужно!

Кейтлин схватила Неда за руку, успокаивая.

— Я не видел больных серой хворью с тех пор, как был школяром в Цитадели, — невозмутимо ответил Лювин, — я знаю о ней больше, чем обычный мастер, но есть люди более сведущие. Мне неизвестно лекарство, неизвестно, сможет ли оно помочь Джону, я лишь знаю, что оно есть.

— Вы знаете, кто может помочь? — глухо спросил Нед.

— Да, я знаю нескольких людей.

— Напишите мне список. Я призову их в Винтерфелл.

— Я должен сказать, милорд. Винтерфелл, наверное, лучшее место в Вестеросе, чтобы переносить эту болезнь. Здесь сухой и чистый воздух, в замке тепло и нет сырости, вне замка слишком холодно, чтобы эта сырость появлялась. Если у мальчика есть шансы выздороветь — то именно здесь, однако...

— Однако что, мастер Лювин? — Голос Кэт дрогнул. Она догадывалась, что он скажет.

— Серая хворь заразна.

Услышав это, Кейтлин больше не могла спокойно спать.

Арья рвалась к Джону после обеда, и на следующий день, снова и снова. Джори пришлось выставить охрану у двери Джона Сноу. В его комнату входили только Нед, Лювин и две служанки.

Через несколько дней мастер осмотрел все вещи Джона Сноу — они были в повозке за стенами замка. Он вернулся и показал им с Недом обгоревшую фигурку всадника.

— Хвори на ней больше нет, все остальные вещи стоит вымыть в кипящей воде и уксусе, но хворь была именно на этой игрушке.

Нед дождался ухода мастера и сдал ее в правой руке, заставив тонкое дерево с треском сломаться.

— Это, — прорычал он, — подарил Джону Станнис Баратеон. Эта игрушка была для Арьи.

Кейтлин оцепенела. Это был подарок для Арьи. Она почти что видела, как ее дочь обнимает сводного брата и прижимает фигурку к груди. А потом, через луну или две, ее руки, вечно исцарапанные и грязные, превращаются в серые, потрескавшиеся и иссохшие палки.

Очнувшись, она поняла, что Нед что-то писал, сидя за столом. Он уже отправил ворона в Цитадель, попросил двух архимейстеров прибыть в Винтерфелл, а после — королю, с просьбой поторопить их. Он послал гонцов в Браавос, Пентос, Мирр и Волантис. Кому еще он мог написать?

Ее сердце сжалось, когда она прочитала письмо, написанное дрожащей от гнева рукой.

"Джону очень понравился ваш подарок, милорд. Если он умрет, я лично вручу вам такой же".

Когда ее жизнь превратилась в сплетение страхов и опасений? Почему все не может быть как раньше, до Пайка и Грейджоев?

— Любовь моя, ты ведь не отправишь это брату короля?

— Он мой сын! — отчаянно прошептал Нед, комкая пергамент побелевшими пальцами. — *Он мой сын.*

Его глаза блестели. Сердце Кейтлин разбивалось на тысячу кусков оттого, что Неду больно, и разбивалось снова потому, что ему больно из-за бастарда.

Она опустила на колени перед его стулом и погладила его по щеке.

— Нед, я знаю, что ты сделаешь все, чтобы спасти Джона Сноу. Видят боги, я не питаю к нему любви, и я всего лишь женщина, но я не могу понять, как война с Железным Троном поможет ему.

Нед посмотрел на нее потерянными глазами.

"Боги, — ужаснулась Кейтлин, — в нем больше не осталось сил".

Эдгард Старк был самым непоколебимым и твердым человеком в Вестеросе — она точно это знала. Стена растает раньше, чем ее муж потеряет свой дух — так она думала. Жалость и болезненная любовь затопили ее.

Кейтлин за руку отвела мужа в его покои.

Он плакал. Нед, ее милый муж, могучий, сильный, стальной, плакал, когда брал ее. Он вбивался в нее, вжимая в кровать, а его слезы капали ей на грудь. Его поцелуи были солеными и отчаянными, словно это он умирал.

Прошел целый месяц, прежде чем прибыл первый лекарь. Архимейстер Марвин, с маской из валирийской стали, он больше походил на бандита, стерегущего путников на захудалых дорогах. Вместе с ним прибыли три мастера, его ученики, еще не выковавшие себе звено из валирийской стали. Он провел в Винтерфелле десять дней, половину из которых потратил на изучение Крипты. Кейтлин не представляла, что он делал в комнате Джона Сноу, но она слышала детские крики в одну из ночей, а когда мельком увидела мальчика, бледного и испуганного, поняла: он боялся именно Марвина.

Архимейстер покинул замок, сказав, что не может помочь, а вот один из его учеников, Квиберн, остался. Он заявил, что хочет изучить этот случай, а Лювин, увидев в его цепи серебряное звено, согласился.

Робб старался делать вид, что все в порядке, но он начал проводить все больше времени с Теоном Грейджоем и стал подражать ему. Кейтлин предпочла бы видеть слезы сына, а не озлобленную усмешку.

Однако, как бы плох ни был Робб, Арья была хуже. Она пыталась пробраться в комнату Джона Сноу и будто не слышала, когда ей говорили, что он может заразить ее. Пришлось даже сделать решетку у его окна, пока Арья не догадалась, что сможет туда влезть. Она и раньше умела пропадать, но сейчас делала это постоянно. Ее находили спящей на крыше конюшни и молящейся в септе посреди ночи, находили в псарне вместе с собаками во время уроков шитья. Но страшнее всего было, когда ее не находили, а она объявлялась сама — Кэт боялась, что Арья все-таки пробралась к бастарду, или сбежала в Волчий лес, или навредила себе каким-нибудь безумным способом, который и в голову никому не придет. Никакие разговоры не помогали, Арья не слушала — и, уж конечно, не отвечала на вопросы.

За следующий месяц их посетили несколько целителей из Эссоса. Красный жрец из Волантиса говорил, что может помочь, нужны лишь две жертвы — человеческие. Нед выгнал его, едва услышав об этом. Браавосиец, высокий и худой, со следами оспы на широком лбу, предлагал отвести Джона Сноу в Черно-Белый Дом, где его, быть может, смогут исцелить. Лювин, едва услышав об этом, побелел и упросил Неда в тот же день отослать браавосийца. И это были лишь те, с которыми Кейтлин и Нед встречались. Посланник из Пентоса вернулся ни с чем, Мирийцы же прислали письмо, где написали, как следует правильно умерщвлять больных серой хворью — благословением богов это письмо прочла Кэт, а не ее муж.

С каждым днем Нед все больше впадал в отчаяние.

Все стало еще хуже, когда к ним приехала Лиза — причем на сносях. Кейтлин была рада сестре, но не тогда, когда она пытается объяснить ее мужу, что чрезмерная забота о бастарде — оскорбление. Конечно же, она буквально повторяла мысли Кэт, но Неду не нужно было это *слушать*.

У Лизы была еще одна неприятная черта — она не умела хранить тайны. Суть болезни Джона была секретом от детей, когда он только приехал — теперь о ней знали все. Лиза не стеснялась говорить об этом за обеденным столом, едва вспоминала какую-нибудь страшную историю о серой хвори, напоминала, что Джон Сноу опасен для ее ребенка — племянника Кэт.

Архимейстер Эброз, лучший целитель в Семи Королевствах, прибыл много позже Марвина и задержался намного дольше. Он каждый день приходил в комнату Джона со странными инструментами, подолгу запирался с Лювином в его покоях, и в конце концов предложил отправить мальчика в Цитадель.

Кейтлин радостно ухватилась за это решение — оно избавило бы ее детей от угрозы, а Нед смог бы успокоиться, не посещая мальчика каждый день и смириться с участью бастарда.

Они ждали архимейстера у дверей комнаты Джона, когда Лювин воспротивился этому решению.

— Мой лорд, я не хочу говорить плохо о коллегах, но в Цитадели его едва ли вылечат.

Нед бросил на него непонимающий взгляд

— Но ведь Эборз сказал...

— Что там лучшие инструменты — и это, несомненно, правда. Я могу вспомнить дюжину способов излечить серую хворь, которые убьют вашего сына, — Мейстер увидел непонимание на их лицах и, с тяжелым вздохом пояснил: — Ванны с мышьяком останавливают болезнь, но пациент после них не проживает больше полугода. Уверен, еще больше подобных способов ждут проверки.

— Они не осмелятся...

— В Цитадели десятки больных, и они меняются довольно часто, милорд. На моей памяти лишь двое из них поправились — никто из них не был бастардом.

Эброз легко принял отказ.

— Это ваше решение, лорд Старк. Быть может, эссоские мудрецы смогут сделать то, чего не могу я. Но, если нет, вот вам мой совет — убейте его, это милосерднее, чем дожидаться конца. Убейте и сожгите тело. Серая хворь боится огня.

Нед побледнел и заговорил голосом мертвеца.

— Разве нельзя просто отрубить руку? Болезнь ведь лишь в ней...

Эброз покачал головой и начал что-то объяснять, когда скрипнула дверь.

Джон Сноу вырос и побледнел, его длинные темные волосы опустились до лопаток. Бастард смотрел прямо на нее, и Кейтлин впервые не видела в нем страха перед ней. Казалось, он хотел что-то сказать, но потом просто отвернулся и захлопнул дверь.

Они смотрели друг на друга лишь несколько мгновений, но Кейтлин почувствовала, как мурашки пробегают по ее спине.

Вечером Лиза с восторгом объявила, что нашла решение. Горести, город в Эссосе, куда ссылают зараженных.

Будто они без нее не знали.

— Я вижу, вас слишком беспокоит близость болезни, — ледяным голосом ответил Нед, — это, должно быть, вредно для ребенка. Полагаю, вам лучше поселиться в Винтертауне.

Лиза оскорбилась, но Нед не был настроен слушать женские упреки. С каждым днем он становился все холоднее.

Прошла еще неделя, и Квиберн, про которого они уже успели забыть, объявил, что может попробовать один способ.

Крики Джона Сноу были слышны, наверное, за полмили от замка. Кейтлин не представляла, что человек может издавать подобные звуки.

Нед вошел в комнату бастарда белый как снег, а вышел с легкой усталой улыбкой.

Они сказали детям, что Джон Сноу поправляется, и скоро выйдет к ним — даже Арья перестала приходить каждый день к его комнате. Все стало как раньше. Арья смеялась, когда мальчик-конюх катал ее по двору, Робб учился обращаться с копьем, будучи верхом, Санса ворковала с Браном. Даже Теон Грейджой, казалось, стал чаще улыбаться. Даже стены Винтерфелла, наверное, потеплели. Кейтлин нравился такой Винтерфелл.

А через неделю серая хворь вернулась.

Арья обезумела, когда они сказали, что к Джону запрещено приходить. Робб убежал, едва сдерживая слезы. Кейтлин почувствовала, что у нее больше нет сил, она лишь растерянно смотрела на то, во что превращается счастливая семья из-за одного больного бастарда.

— Все будет хорошо, папа, — Кэт увидела, как Санса, встав на цыпочки, клюет Неда в щеку и обнимает. Она вспомнила, что говорила то же самое после смерти матери, но не могла вспомнить, выглядел ли ее отец столь же несчастным.

Нед вновь послал гонцов в Эссос, во все его уголки, вплоть до Асшая, обещая золото любому, кто сможет исцелить его сына. Они и так потратили больше, чем могли, чтобы достойно принять всех приезжавших и оплатить их услуги. Если это продолжится, то зимой им будет не на что покупать еду — но ведь не могла она сказать этого мужчине, чей сын умирал.

Тем вечером Арья едва не пробилась к бастарду, ткнув охранника в глаз метлой.

Кейтлин знала, что нужно сделать, но, Боги, это было... она даже не могла подобрать нужного слова. От одной мысли ее начинало тошнить.

"Соберись, Кейтлин Талли. Семья, долг, честь — этому тебя учили с детства".

Ей нужно было подумать. И нужен прохладный воздух, пока ее не вырвало.

Она шла по вечернему Винтерфеллу будто под водой. Вейлон Пуль, кастелян замка, что-то ей говорил — она что-то ему отвечала, но даже под угрозой смерти она бы не вспомнила, о чем шла речь.

Вдруг она обнаружила себя подходящей к комнате Джона Сноу. Охранник даже не пытался возразить — все знали: Эддард Старк верит своей жене.

"Это милосердие, — сказала она себе, открывая дверь, — он уже мертв".

Мертвым он, однако, не казался. Джон Сноу сидел, опираясь спиной о стену, положив книгу на скрещенные ноги. Правая рука в перчатке безвольно лежала на кровати, а левой он переворачивал страницы. В комнате пахло потом, травами и болью. Деревянный меч лежал у изголовья кровати — Кейтлин могла бы поклясться, что им пользовались.

Джон Сноу поднял на нее свои серые глаза. О чем он думает сейчас, этот мальчик? Он боится умереть или верит, что выживет? Кейтлин поняла, что впервые так пристально его разглядывает. Его нос был прямым, а у Неда была маленькая горбинка, и брови Джона Сноу были гуще и темнее — должно быть, от матери. Теперь уже неважно, кто она такая или даже жива ли она.

— Леди Старк? — Джон Сноу стоял перед кроватью, выпрямившись и смотря прямо ей в глаза, мурашки снова пробежали по ее спине. Раньше он непременно опускал голову.

"Ты не должна бояться, — подумала она, — Дай ему немного ласки, он ее заслужил".

И все же она не смогла заставить себя произнести его имя.

Кейтлин присела на кровать и похлопала рядом с собой. Он присел. Его глаза расширились, когда Кэт развернула его лицо и поцеловала мальчика в лоб. Она попыталась заговорить, но у нее вышел какой-то немощный хрип. В горле стоял ком. С трудом сглотнув, она все же заговорила.

— Мне жаль, что это с тобой случилось, — Кэт взяла его руку в свои, — Мне правда жаль.

Его рука была теплой, в отличие от рук Неда, хотя мозоли на них были похожими.

— Я умру? — его голос звучал ровно, почти безразлично, но его маленькая рука дрогнула.

Кейтлин снова почувствовала тошноту.

— Никто не знает, как это лечить. Насколько оно высоко?

Мальчик, поморщившись, поднял правую руку, высвободил из ее хватки левую и провел пальцами по запястью.

— Пальцы пока слушаются, — сказал он, — мейстер говорит, что перестанут через несколько лун.

"Какой мейстер?" — хотела она спросить, но их здесь было полтора десятка.

— Ты умрешь, — сказала Кейтлин, заставив голос не дрожать, — Но ты можешь решить, как и когда. Мальчик непонимающе на нее посмотрел, и Кейтлин прыгнула с обрыва.

— Арья едва не пробралась к тебе сегодня.

— Я знаю. Я слышал.

— Она может умереть, если коснется тебя, — жестко продолжила Кейтлин. Джон Сноу отшатнулся от нее. — Я знаю, что ты любишь ее, как любишь всех моих детей, и ты не хочешь навредить им. Нед никогда не прекратит искать лекарство — он тоже тебя любит. Я не желаю тебя зла, Джон Сноу, но...

— Я понял вас, миледи, — голос бастарда не был холоден, как она ожидала — только печален. — Моему отцу не придется искать лекарство, и Арье незачем будет рваться в пустую комнату.

Он поднялся, подошел к очагу и уставился в огонь. Кэт вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, отвлекающей отца от важных дел.

Она поднялась, стараясь не создавать шума.

— Хотел бы я, чтобы вы были моей матерью, — сказал он, не отводя взгляда от огня, и Кэт окаменела.

Ей хотелось провалиться под землю, прямо здесь, хотелось плакать и просить прощения — видят боги, есть за что.

— Для меня было бы честью быть твоей матерью, — голос внезапно охрип. Кейтлин вдруг поняла, что сказала правду. Возможно, это было бы для нее слишком большой честью. — Я могу что-нибудь сделать... для тебя?

Джон Сноу наконец посмотрел на нее. Его серые глаза стали мягкими — таким был взгляд Неда до восстания Грейджоя. Он молчал, молчал, молчал, а Кейтлин чувствовала, как ее начинает трясти.

— Я хочу увидеть их. Папу, Робба, Брана, Сансу. Арья. Как-нибудь. Пожалуйста, — он смотрел на нее несколько вдохов, а потом его глаза заледенели. — Забудьте.

Она уже стояла в дверях, когда ее настиг голос, один в один повторяющий интонации Неда.

— Мне понадобится меч, миледи.

* * *

— А у бастарда правда рога на голове растут? — спросил мальчишка.

Он был меньше двух других, его рыжеватые волосы напоминали Робба, хотя Робб никогда не был таким дураком. Она стояла, притаившись в тени, у входа в конюшню и слушала болтовню мальчишек, хотя из них троих ей был интересен лишь один.

— Хватит чепуху молоть, — Харвин, четырнадцатилетний здоровяк, мечтающий служить в гвардии ее отца, сын мастера над конями и замковой служанки, был нежен с лошадьми, а вот дураков не любил, — Матушка сказала, все как у всех, просто бледный, и перчатку с руки не снимает.

Услышав, что хотела, Арья тихонько вышла. Она хотела спросить у Харвина, но так даже лучше — а то начал бы упираться.

Арья замерла, глядя на Великий Замок. Ее окна выходили на тренировочный двор, а вот окна Джона — на небольшой дворик перед караульной, где никогда не происходило ничего интересного.

От мыслей о Джоне Арья всхлипнула. Ему, наверное, ужасно грустно. Сначала она передавала ему ягоды через служанок, но она уже давно не бывала за стенами Винтерфелла, и ягодам неоткуда было братья. Арья приходила к его комнате каждый день, но ее никогда не пускали. Вчера она двинула охраннику метлой, но тот успел ее схватить — и теперь они стояли там по двое.

В замок постоянно приезжали новые люди. Ей было любопытно, поначалу, и она начала подслушивать, что они говорят. Они говорили, что могут вылечить Джона, но все они ввали. Первым был огромный бандит с толстым лицом и бычьей шеей. Он назвался ахримейстером — Арья знала, это какой-то главный, умный мейстер, но тот бандит не выглядел умным — и Арья слышала, как Джон кричал, когда он пришел к нему ночью.

А еще он постоянно лазал в крипты. Арья жаловалась на это отцу, но тот ничего не сделал — бандит-ахримейстер уехал сам.

Вместо него остался Квиберн — у него было доброе и умное лицо, но Арье он не нравился. Арья залезла в его комнату в гостевом доме — там были странные смеси в странных склянках, а в одной банке в воде плавала дохлая мышь. Другие люди приезжали до и после, но дохлой мыши ни у кого не было. Потом приехал еще один ахримейстер, на этот раз не бандит, но тоже лжец — Джона он не вылечил, и просто уехал.

В тот день она видела Джона. Он выглянул в окно, когда она стояла на внутренней стене. До него было меньше десяти ярдов. Его волосы, темные, как у нее, отросли и закрывали лицо. Он смотрел вниз — там две собаки дрались за кость — и, кажется, плакал. Арья не видела слез, но его плечи вздрагивали, и она слышала всхлипы, несмотря на шум замка.

Арья не окликнула его, только смотрела сверху вниз, замерев и боясь издать хоть звук. Джон вскоре перестал

плакать, и собаки тоже убежали. Он просто высунулся в окно, подставляя лицо ветру. Потом он влез назад, но ставни не закрыл, и Арья смогла разглядеть, как он упражняется с мечом.

Она провела несколько часов, наблюдая за ним, пропустила обед, урок шитья и, наверное, много чего еще, но ей было все равно. Она стала приходить на это место на стене и смотрела на Джона, если ставни были открыты.

К ним еще приезжал Бронзовый Джон Ройс — хотя в нем не было ничего бронзового. Арья смотрела, как он сражался с отцом и сиром Родриком во дворе. Ройс сбил с ног сира Родрика, потом повалил отца и вновь набросился на Родрика.

Потом они бились один на один. Арья запомнилось, как тренировочный меч в руках отца разбился вдребезги от силы, которую отец вложил в удар.

— В чем дело, Нед? — пробасил Ройс. — Ты не позволял побить тебя дважды к ряду с тех пор, как тебе исполнилось шестнадцать.

Арья знала, в чем дело.

Вскоре лорд Ройс уехал, а Корен увез его сына в Ночной Дозор.

А потом был самый страшный день в ее жизни. Она стояла на том самом месте, когда к Джону пришел кто-то — Квиберн, скорее всего — и закрыл ставни. Арья выждала немного и хотела уже уйти, когда Джон закричал. Это длилось несколько часов. Джон кричал, плакал, выл и рычал, а Арья, свернувшись в клубок на стене, глотала слезы. Когда она пришла на ужин, оказалось, что она прикусила губу до крови и сгрызла три ногтя до мяса.

Папа обнял ее, потрепал по щеке и сказал, что Джон скоро выйдет. Но он обманул. Через неделю Джон снова заболел, а Квиберн, извинившись, покинул Винтерфелл — Арья подслушала их разговор с отцом.

— Боюсь, хворь заберет его в ближайшие два года, — так сказал этот лживый, злой мейстер с дохлой мышью в банке.

А потом он уехал, и Арья даже не успела дать ему по носу — она плакала.

За несколько часов до этого она висела на шее у папы и обещала, что сделает так, что он больше не захочет плакать, и вот — она сама ревела.

Все говорили, что Джон умрет. Противная тетя Лиза говорила об этом во время обедов — больше они с Арьей нигде не виделись, мама и мейстер Лювин шептались об этом в Вороньей башне, папа говорил об этом в крипте — ну, он говорил, что не позволит этому случиться, Робб плакался об этом Теону Грейджою. Санса *щебетала* об этом с Джейни Пуль, прямо во время шитья. Санса казалась грустной, но Джейни Пуль вдруг захихикала и пробормотала что-то о снежных призраках — вот она удивилась, наверное, найдя в постели лошадиные говьяшки.

И они говорили об этом все чаще. Арья иногда хотела взять старый меч Джона — ну, деревянный — и хорошенько огреть каждого по голове — кроме папы, потому что он не позволит Джону умереть.

Джон не должен был умирать.

Потому она и ткнула охранника метлой — как ей еще поговорить с Джоном?

На следующий день мама привела их — всех, даже Робба и папу — на дворик перед караульной — как раз туда, где Джон мог их разглядеть.

А потом ушла.

Джон смотрел на них из-за оконной решетки — откуда только она взялась! — и улыбался. А потом взял и завыл.

Санса испугалась, а Арья запуталась, но Бран, ее маленький брат, повторил за Джоном.

Хохоча, Арья тоже завывала, изображая из себя волка. Санса покраснела, а отец улыбнулся, обнял их всех разом и поднял.

Арье было весело, но это быстро закончилось, и они разошлись. Санса потащила ее к септе Мордейн, Брана забрала служанка, а Робб отчего-то разозлился и ушел, топая ногами.

Арья хотела еще — и с Джоном.

"Но Джон умирает, — вдруг вспомнила она, — он больше не будет брать тебя на руки и выть с тобой, глупая Арья, он превратится в камень и будет стоять в Крипте".

Арья заплакала — прямо в септе, под взглядами Сансы, Джейни Пуль, Бет Кассель, семи дурацких богов и септы Мордейн. Это были не те слезы, которые просто текут из глаз — Арья давилась рыданиями, икала, растирала рукавом соплю по лицу и тряслась.

Джон обещал ей привести подарок. И сказки. Он должен был рассказать ей новые сказки, не страшные, как у старой Нэн, а интересные, как только у него. И целовать ее перед сном — он делал так, пока не уехал на войну с папой, и заставлять ее смеяться, строя рожицы, и обнимать, когда она спит, и есть вместе с ней голубику, и учить ее ездить верхом, и познакомиться с собакой, с которой Арья подружилась, и побить Корена с Роббом.

Ему нельзя умирать.

Перестав трястись, Арья поняла, что плачет в объятьях септы.

Она должна увидеть Джона. Ближе, чем с десяти ярдов.

Ее отнесли в комнату — хотя она и сама могла пойти, мастер Лювин дал ей что-то выпить, и Арья уснула.

Во сне ей чудилось, что кто-то гладил ее волосы, но так делал только Джон. Ей снилось, как они гуляют по волшебному лесу, играют в деву и чудовище и собирают шишки.

Она проснулась посреди ночи, и ей снова захотелось плакать, но в этот раз Арья не поддалась. Ей нужно было встретиться с Джоном. Быть может, надо ему что-нибудь принести? Арья живо представила, как они сидят на его кровати и уплетают пирожные с ежевикой, а потом показывают друг другу синие языки и смеются.

Пробраться на кухню было несложно, сложнее было выйти из комнаты. Арья выглянула в окно — луны почти не было, а завтра она и вовсе исчезнет. Было темно-темно, должно быть, час волка — от этого наблюдения Арья едва не засмеялась. На цыпочках она подошла к двери и тихо ее открыла.

Проклятье! Она забыла про огонь в очаге — на стене коридора тут же заплескались его отражения, обхватывая тень Арьи — высокую и с непомерно большой головой. К счастью, за дверью не было никого, кто мог бы это заметить — во всем Великом замке охраняли лишь вход и комнату Джона.

Но Арье сперва нужно было на кухню. Пришлось подняться по лестнице и вылезти в одно из окон — она наступила прямо на крышу перехода, ведущего в арсенал — дальше все легко.

Зайдя на кухню, Арья поняла, что может и не найти тут ежевичных пирожных. Было темно, и ей пришлось искать едва ли не на ощупь. Она нашла вчерашний хлеб, копченое мясо — для зимних запасов, когда снег будет таким глубоким, что нельзя будет выйти охотиться, нашла маленький нож, которым резали лимоны для ее любимых пирожных, а вот пирожных не было: ни лимонных, ни ежевичных.

Арья, наверное, истратила целый час, ощупывая кухню — зато сумела найти плетеные корзины, где были ягоды. Арья набрала всех понемногу — вишни, ежевики и голубики, сложила это все в кулек и запихнула его себе под платье.

Уже забираясь в окно Великого замка, она вспомнила, что дверь Джона охраняют двое — и Арья понятия не имела, что делать со вторым.

"Уж с одним-то я разберусь", — подумала она, сжав рукоять лимонного ножа.

Размышляя, она едва не уснула на ступеньках, прямо у коридора с гвардейцами.

Наверное, уже пришла пора утренних сумерек, когда у нее появилась идея. Даже план.

Арья затопала по коридору, ничуть не прячась. Подошла к стражникам.

Одного из них она знала — пузатый Том. Он был добрым и... не-да-ле-ким, как говорил Джон. Арья встала перед другим — его имени она не знала, но он казался умным.

— Пусти меня к Джону, — сказала она, держа руки за спиной.

Он печально покачал головой.

— Не могу, маленькая леди. Тебе положено спать сейчас.

— Пусти меня, — Арья попыталась сделать папино злое лицо, но стражник только снисходительно улыбнулся, и она разозлилась.

— Нельзя к нему, Арья, иди в свои покои.

Сначала она хотела только пригрозить ножом, но вдруг она ощутила такой гнев, что не смогла совладать с собой.

— Пусти меня! — крикнула Арья и воткнула нож ему в ногу.

Он вошел на два дюйма и наткнулся на что-то твердое.

— Ох, боги! — крикнул стражник, а потом посмотрел на нее, словно впервые увидел.

Нога его вдруг подогнулась, и он с лязгом рухнул на камень.

Арья побежала от них, и пузатый том хотел броситься за ней, но передумал. Она поднялась по лестнице, пронеслась по коридору и спустилась, оказавшись с другой стороны коридора с комнатой Джона.

Высунувшись из-за стены, она увидела, что у двери больше никого нет.

Арья радостно подскочила к ней и, навалившись как следует, распахнула.

Джон не спал.

"Он ждал меня", — подумала Арья.

Ее брат стоял посреди комнаты и сжимал двумя руками меч — настоящий. Арья могла видеть, как заточенная сталь отражает огонь.

"Джон теперь большой, ему можно носить сталь, хотя Роббу еще нет".

Он повернул голову, посмотрел ей в глаза, и Арье показалось, что ее сердце остановилось. Арья хотела разбежаться и прыгнуть в его объятия, хотела, чтобы он погладил ее по волосам и назвал маленькой сестричкой.

Вместо этого она сказала:

— Ты обещал привести подарок.

Джон попятился.

— Как ты сюда попала?

Единственным освещением был очаг, лицо Джона скрывалось тенью от волос, и Арья не могла видеть его.

— Я принесла ягоды.

Арья достала кулек. Половину ягод раздавило, пока она бегала, но вкус ведь от этого не портится. Она сделала шаг к Джону, он — шаг назад.

— Тебе нельзя подходить, Арья.

Джон выпустил меч и показал ей руку в перчатке. Арье захотелось поколотить весь мир.

— А тебе нельзя умирать! — выкрикнула она. — Я не хочу!

— Я тоже, — тихо проговорил Джон.

— Обещай, — тут же потребовала Арья.

Джон посмотрел в огонь и его глаза стали пурпурными, отражая пламя.

— Я не умру, — голос Джона охрип, — я обещаю.

* * *

Свет играл на лезвии меча, сходясь и расплываясь, создавая причудливые узоры. Огонь очага делал обычный меч похожим на валирийскую сталь, на отцовский Лед.

Джон полагал, что леди Кейтлин принесет его, завернув в ткань или спрятав как-нибудь еще, но меч ему принесла служанка.

Он не знал, как это лучше сделать. Надо было просить веревку. Джон видел много смертей.

Если он упадет грудью на меч, будет умирать добрую сотню вдохов — если повезет, и меч пробьет сердце. Если же меч пробьет живот, Джон может мучиться несколько часов. Самая быстрая смерть, которую он видел — это казнь, когда отец отрубал преступникам голову. Их ноги и руки при этом всегда дергались, раньше Джон думал, что их смелость изменяет им перед смертью, но лекари объяснили ему, что это от удара по шее. Они страдают меньше вдоха.

Но Джон не мог сам себе отрубить голову. Можно было, конечно, попробовать перерезать глотку, но у Джона не было столько сил — в шее много хрящей, которые так просто не перережешь. И, если быть честным, такая смерть внушала Джону ужас — смотреть, как из тебя вытекает красный ручей, и захлебываться в собственной крови.

Было жаль, что его тело сожгут — он слышал, как об этом говорил архимейстер. Серая хворь боится огня. Ему бы хотелось стоять в Крипте, чтобы Робб и Арья могли его навещать. Отец наверняка позволил бы. Мертвый Джон, даже будучи Старком, Роббу не помешает.

Когда ворвалась Арья, он как раз примерялся, как бы вбить меч себе в грудь, попав в сердце.

Он почти набрался решимости. Он был спокоен. А Арья принесла ему ягод.

Этот кулек так и лежал на крышке сундука.

Меч расплывался перед глазами.

— Я не хочу умирать, — сказал Джон в пустоту.

За те несколько лун, что он болел, отец был рядом с ним больше, чем за восемь лет до этого.

Отец рассказал Джону о Роберте Баратеоне, об Орлином Гнезде, о турнире в Харренхолле, рассказал о его деде, Рикарде Старке, который был лордом Винтерфелла до отца. Рассказал о Штормовом Пределе, где гостил в дни своей юности.

Джон лежал вечерами и представлял себе эти места — огромный Харренхолл, в десять раз больше Винтерфелла, с оплавленными драконьим огнем башнями, лучших рыцарей Вестероса, сражающихся друг с другом. Демона Трезубца, сражавшегося в общей схватке, Барристана Смелого в серебрянных доспехах и Эртура Дейна Меча Зари.

Джон никогда не задавал вопросов, чтобы не задеть те воспоминания, которые причиняют отцу боль, только просил: "Расскажи еще".

Еще Джон начал много читать. Тирион Ланнистер подарил ему книгу путешественника, бывавшего и в Эссосе и в Вестеросе, где он описывал самые величественные и невероятные чудеса. Джон прочитал эту книгу несколько раз, и ему захотелось посмотреть на эти чудеса.

Правда, в Вестеросе была лишь Стена, да еще упоминалась Высокая Башня в Староместе — она была даже выше Стены.

"Эброз предлагал забрать меня в Старомест, — вспомнил Джон, — Но отец решил оставить меня здесь".

На краю сознания, словно назойливая мошка, появилась мысль — она постоянно ускользала от Джона, но почему-то внушала надежду.

Джону вдруг захотелось взглянуть, не прошла ли серая хворь дальше, забрав у него еще кусок. Пальцы слушались, хотя уже ничего не чувствовали — кроме того кошмарного дня, когда мейстер срезал с него зараженную плоть и поливал мясо под ней серным уксусом.

Хворь забралась чуть выше запястья. Раздражение снова накатило на Джона — это же надо, взяться раненой

рукой за зараженную фигурку. Когда он вообще успел получить эту дурацкую рану?

Тут Джон снова взглянул на потрескавшуюся плоть, а потом на меч.

Разве нельзя просто отрубить руку? Болезнь ведь лишь в ней...

И правда. Джон видел на Пайке рыцаря, который потерял правую руку во время штурма замка — его лечил тот же мастер из Ланнистеров, что и Дейси.

Джон поднял меч левой рукой и собирался уже рубить, когда понял, что может промахнуться. Или не до конца отрубить, и тогда серая хворь попадет в новую рану, и будет только хуже.

Джон несколько часов тренировался, и все же смог перерубить ножку стула с одного удара.

Потом он понял, что бить будет еще и неудобно, но это ничего.

Еще за час Джон продумал все. Обрубок он бросит в очаг — ведь серая хворь боится огня. Рану надо будет замотать чистой тряпкой — Джон отрезал мечом кусок простыни и несколько раз потренировался заматывать левой рукой обрубленную ножку стула. Попробовав разрубить ножку стула из того положения, к которому он будет рубить руку, он не смог. Надо было просить топор.

Джон подтащил сундук к камину — кулек с ягодами он перекинул на кровать, он их еще с Арьей съест. Положил руку. Замахнулся мечом.

И струсил.

"Огонь слишком слабый, — сказал себе Джон, — моя рука в нем не сгорит. Я попрошу развести посильнее, а потом уже отрублю. Сегодня, пока Арья снова не пробралась ко мне".

Джон чуть не сошел с ума от страха, когда увидел ее в своей комнате. *Она может умереть, если коснется тебя.*

Даже когда на него напали железнорожденные с золотыми кракенами на груди, даже когда архимейстер Марвин колдовал над ним, а в его комнате плясали тени, даже когда он падал со стены, Джон так не боялся.

Он поставил сундук обратно, спрятал ягоды и меч под кровать и стал ждать слугу, который принесет дров и заберет ночной горшок.

Потом вскочил, перепрятал меч и ягоды — ведь проклятый горшок стоял под кроватью.

К нему пришел не слуга — это был отец.

Растерянным взглядом он оглядел комнату, не сразу заметив Джона. И тут Джон догадался, в чем дело.

— Отец, я не прикасался к ней! Арья стояла у входа, а я там, у очага, я не позволил ей зайти, клянусь!

Лицо лорда Старка посветлело. А потом он заметил изрубленный стул.

"Проклятье! Надо было сделать все ночью, теперь отец заберет меч, и я больше ничего не смогу сделать".

Джон едва не заплакал от злости на себя. В груди будто извивался какой-то зверь.

— Кэт велела принести тебе меч.

Джон опешил. Как он узнал?

— Прости, отец, я просто...

— Зол. Я понимаю, Джон, правда, я понимаю. Я тоже зол.

Слова потекли из Джона рекой.

— Я не видел солнца уже несколько месяцев. Я не могу обнять тебя, отец. Я не могу обнять свою сестру. — Джон вытер злые слезы левой рукой. — Моя мать тоже не придет сюда, чтобы меня обнять. Мне холодно! — Джон передернул плечами и указал на очаг. — Позволь, хоть что-нибудь меня согреет. А еще мастер сказал, что тепло мне полезно, — Джон улыбнулся сквозь слезы, — клянусь, он хотел сварить меня заживо в этих треклятых ваннах.

Отца его слова тронули. Они сидели бок о бок больше часа, пока слуги бегали с дровами туда-сюда. Под конец было настолько жарко, что пот начал заливать Джону глаза.

Удивительно, но ему нравилась эта жара, а присутствие отца рядом делало его решимость все крепче. Джон даже о руке начал забывать. Серая хворь боится огня.

Когда он остался один, Джон снова поставил сундук к очагу и положил на него правую руку. Он почувствовал, как жилка на его руке дрожит, когда сжал меч.

Джон посмотрел в пламя. До очага был целый ярд, но горячий ветер обдувал лицо Джона. Ярко красные угли переливались, воздух дрожал от жара, языки тянулись вверх и наружу, прямо к Джону.

Серая хворь боится огня.

Меч со звоном упал на пол, Джон перешагнул через сундук и встал прямо перед очагом; стянул с правой руки перчатку. Медленно провел ей по языкам пламени и ощутил легкое пощипывание. Сердце бешено колотилось в его груди.

Серая хворь боится огня.

Браавос встретил ее туманом и мелким дождем.

Виликор была почти счастлива, даже когда вся ее одежда была промокшей до нитки. Скоро, скоро она вернется домой. Она переплыла залив на рыбацкой лодчонке, оставив ее хозяину серебряную марку — одну из двух, что были у нее в кисете.

Вряд ли ей еще понадобятся эти деньги.

Она проплыла мимо рыбного рынка — ей нужен был северо-восточный островок города. На самом севере стоял дворец морского владыки, а вот на востоке, среди обычных домов было место, которому она принадлежала.

Плывя домой по Длинному каналу, она увидела слева от себя храмы всех известных богов. Они никогда не интересовали ее. Может, эти боги существуют, может — нет, но *небо*... небо есть везде. Небо видит все.

Идя по улице, она жадно смотрела вокруг. Все было точно таким, как она помнила. Точь в точь.

— Чего тебе? — огрызнулся на нее прохожий.

Он, должно быть, думал, что широкие рукава скрывают, насколько у него тонкие руки — достаточно тонкие, чтобы девочка могла его удержать.

— Кто живет в этом доме? — потребовала Виликор.

Домом, по правде, это строение не было. Скорее уж дворец. В Браавосе самыми богатыми людьми были банкиры, быть может, один из них его выкупил? Но почему тогда он не снял знамя?

— Тразадо, идиотка, кто же еще? — рявкнул он раздраженно. — Пусти!

Он дернул рукой, пытаясь освободить рукав, и удивленно выпучил глаза, когда девочка удержала его.

Тразадо — один из старых родов Браавоса; Виликор наизусть знала их историю. Основатель рода, Аоран, был бастардом из Валирии, которого из зависти к военному мастерству продал в рабство кровный брат.

"Аоран" — не настоящее имя, на высоком валирийском это слово значило "бастард", а "тразадо" означало "проклятый" или "убийца дракона".

Взбунтовавшись, он убил драконьего всадника и его дракона во время войны с Сарнорским царством — клинок, который он вонзил в драконий глаз, хранился в доме Тразадо до сих пор, Виликор видела его, огромный двуручный меч, изогнутый и оплавленный. После этого Аоран бежал из рабства, а с ним бежали еще четырнадцать человек, но до города добрались лишь трое. В то время Браавос все еще оставался тайным, никто не знал о его существовании, потому что больше года скитались по Андалосу, преследуемые отрядами Валирии.

Аоран так исхудал, что когда предстал перед морским владыкой и первым мечом Браавоса, не мог поднять собственный клинок. Первый меч рассмеялся и заявил, что беглец скорее подметал залы своих господ в Валирии, а меч этот просто нашел. Тогда Аоран попросил принести метлу и бросил вызов первому мечу. Тот вновь рассмеялся и обнажил сталь, но Аоран победил его, будучи вооруженным лишь палкой.

Морской владыка был так впечатлен, что повелел выковать для Аорана меч, которым тот сможет сражаться. Тонкий бандитский клинок.

Аоран Тразадо был первым мечом Браавоса тридцать семь лет, при трех морских владыках, как раз в те годы, когда Браавос только открылся миру, и никогда не брал в руки иного меча, кроме подаренного владыкой. Он и был на знамени дома — клинок брави, скрещенный с метлой на лазурном фоне.

Аоран вел войны с пиратами Закатных королевств и Валирией, которую люто ненавидел. Он взял себе в жены бывшую рабыню, родом с Летних островов, где все любили всех, и обязал ее хранить ему верность. У них было трое детей, и средний из них, будучи лучшим бойцом, наследовал отцу. Все дети унаследовали его внешность, белые волосы, небесные глаза и бледную кожу, хотя их мать была чернее ночного неба.

— Тразадо мертвы, — сказала Виликор.

Раньше эти слова заставили бы ее плакать.

— Пусти, — повторил он, — Эраст Тразадо, это его дом, пусти меня.

Вместо этого пальцы Виликор сжались сильнее.

В доме Тразадо было много традиций. Они никогда не женились и не выходили замуж за тех, в ком могла течь хоть капля крови Валирии. В их роду были дотракийцы, иббенийцы, высокие люди, даже джогос-нхай — странно, как они все еще сохраняли свою внешность. Женщины этого дома, когда брали себе мужей, оставались Тразадо. Каждый ребенок обучался владению мечом, а в двенадцать лет проходил особое посвящение — лишь тогда его начинали считать истинным Тразадо. После смерти членов этого дома клали в стальные короба и относили в горы, ближе к небу — а в Браавосе гор не было, потому что каждые похороны становились путешествием. Глава дома избирался в поединке между всеми мужчинами старше тринадцати лет — именно в этом возрасте Аорана продали в рабство — и младше тридцати — когда он стал первым мечом.

— Эраст — калека.

Он сломал себе колено, когда упал, катая сестру на шее, и это случилось до того, как он прошел посвящение.

Мужчина закатил глаза и перестал вырываться.

— Ани, его новая жена, стала главой семьи после смерти Винара и всех его дядьев в спорных землях.

"Глупость, — подумала Виликор, — Ани была женой Винара, матерью Эраста через брак, и никогда его не любила".

И женщина никогда не вела за собой род воинов.

Тразадо всегда были особой семьей. Обычные люди шли в наемники чтобы заработать денег или упиться кровью, но не Тразадо. Внуки и правнуки обычных наемников становились купцами, банкирами и лордами, но не потомки Тразадо. Те воевали всегда — бывало и такое, что они оказывались с разных сторон конфликта.

Если Браавос не вел войн, они шли наемниками в Спорные земли, или присоединялись к какому-нибудь кхаласару; если же Браавос воевал, то все они слетались туда и присоединялись к нему в боях. А раньше, когда еще был Валирия, они сражались в королевствах Вестероса.

Тразадо были воинами. Они сокрушили наемные армии Пентоса сто лет назад, двести лет назад они разбили Безупречных Квохора, они воевали с Волантисом на Золотых полях и с Лиссом в Летнем море. Лишь в одной войне Браавоса они не участвовали — когда город освобожденных сражался против Волантиса на одной стороне с Эйгоном из рода Таргариенов, последних валирийцев.

Но в этот раз они потерпели поражение. Винар Тразадо был человеком в равной степени гордым, амбициозным, честным и кровожадным.

Он призвал всех Тразадо — три или четыре десятка. Отряд небольшой, но их репутация была известна. Они все вступили в очередную войну между Тирошем и Мирром, на стороне последних — Винар полагал, что если Тирош ослабнет, морской владыка сможет объявить им войну и освободить еще один вольный город от рабства, а Тразадо еще сильнее увеличат свое влияние. Винар хотел, чтобы место первого меча было занято Тразадо *навсегда*.

На стороне Тироша выступили Золотые Мечи. Винар решил, что это ему на руку: Золотые Мечи были основаны человеком с валирийской кровью.

Битва была на поле, и Тразадо возглавляли кавалерию, полторы тысячи тяжелых всадников. Это была непобедимая сила. Если только у врагов не было животных побольше. Лошадей можно научить прыгать через пламя и не бояться собак или даже львов, но слоны?

Кавалерия была разбита за час, Виликор видела, как их давили. Все Тразадо погибли. Тирош победил.

Среди мертвецов она нашла отца, столь же мертвого. Она едва успела схватить его клинок и убежать до прихода победителей, собиравших трофеи.

Она не могла сражаться — отец взял ее с собой, лишь чтобы продолжать обучать военному делу, и не подпускал близко к битвам, и это спасло ей жизнь. Она добралась до Браавоса через Вольные города. Ей приходилось побираться и убивать, воровать и сбежать.

Виликор, наконец, выпустила рукав, и прохожий, ругаясь, удалился.

Ани Тразадо. Она была шлюхой из Лисса — конечно же, валирийской крови — вскружившей ее отцу голову. Он забыл о столетиях истории, когда взял ее в жены, заявив, что не намерен прятать любовницу в сундуке. Винар Тразадо был честным человеком.

"Смотри в глаза, когда убиваешь, — учил он ее, — смотри в глаза, когда любишь. Смотри в глаза, когда пытаешь".

Вся ее спина была покрыта шрамами от его честности.

Виликор подняла голову. Небо над Браавосом было серым, облака слились в одну свинцовую стену, стоящую между ней и солнцем.

Эраст любил свою сестру — или говорил так, когда она последний раз помнила.

Ани же... Ани ненавидела Виликор. Она полагала, что ее с Винаром дети — которые уже никогда не родятся — станут наследниками, но Винар, уже нарушавший одну из традиций, хотел нарушить и вторую. Он тоже хотел, чтобы после него семью возглавляли его дети, а не кузены и племянники. Эраст был калекой, а Виликор — девочкой, но Винара это не остановило. Он говорил, что в день рождения Виликор в небе появилась красная комета, и что это знак. Он дал женщинам больше прав в их доме, чтобы Виликор смогла участвовать в поединках, когда придет время, но, видимо, этими правами воспользовалась Ани.

Наверняка она смогла убедить Эраста принять ее сторону, а теперь...

Если она узнает, что Виликор жива — быстро исправит это.

Виликор с удивлением поняла, что ничего не чувствует. Она не хочет видеть Эраста. Не хочет быть главой Тразадо. Не хочет смерти Ани.

Она шла по улицам Браавоса как призрак. Грязные волосы закрывали лицо, протертые до дыр сапоги, снятые с какого-то мертвеца, болтались на ногах. Клинок отца остался лежать у дверей дома Тразадо, и она чувствовала странную легкость, когда ничто больше не висело у нее на бедре.

Она никогда не бывала на Острове Богов, где стояли храмы всем богам, какие только были в мире — кроме

богов Тразадо, потому что никто не смог бы построить статую Неба или создать для него храм.

Небо теперь было для нее ничем большим, чем местом, откуда светят солнце и луна.

Храм Владыки Света был похож на горящую кровоточающую крепость. Аоран бы восстал из могилы, если бы какой-то Тразадо вошел в храм тех, кто поклоняется огню и боготворит драконов.

Черно-Белый Дом выглядел странно. Все остальные храмы стояли так, чтобы к ним легко было подойти, словно торговки на рынке — не хватало лишь зазывателей, но храм Многоликого стоял на отдельном островке, а лестница, ведущая к дверям, начиналась в воде.

Виликор скинула с себя плащ и прыгнула в соленую воду. Плавать она умела лишь по-собачьи, и путь до храма занял добрую четверть часа.

Вдоль стен стояли воплощения смерти — в их рядах не хватало Винара Тразадо, но все остальные были.

Но ей был больше интересен бассейн с водой посередине.

"Небо должно отражаться в воде," — подумала она, но здесь не было неба.

Поверхность воды была идеально гладкой, и в ней было видно лишь отражение ее лица. Она видела его впервые за несколько месяцев — лицо было другим. Острые скулы стали еще острее, щеки впали, волосы из белых стали грязно серыми.

Она слышала, что эта вода помогает уснуть и не видеть сны — это то, что ей сейчас нужно.

Опасливо оглянувшись, она зачерпнула воду из бассейна и жадно выпила.

Утром она проснулась с широкой улыбкой.

* * *

Нед сидел в Библиотечной башне. Мейстер Лювин уверял, что здесь есть книги, которые стоят дороже, чем клинок из валирийской стали — некоторые были в единственном экземпляре, у некоторых были копии лишь в Цитадели. Последнее время Нед много читал — но ни в одной из этих книг не было сказано, как спасти Джона. Старк охотно отдал бы свой фамильный меч, чтобы мальчик выздоровел, тысяча лекарей охотно приняли бы его, поклявшись всеми богами, но ни один из них не мог помочь.

— Есть ли еще кто-нибудь? — Нед не хотел знать ответ на этот вопрос.

— Мне жаль, милорд. Я возлагал надежды на Эброза, он разбирается в человеческом теле лучше всех. Квиберна я в Цитадели не встречал, но у него живой ум и смелые идеи, Марвин же... я уважаю его, но он приехал сюда скорее из-за тех диких слухов о драконьих яйцах, чем с целью излечить Джона. Те, кого в Эссосе называют мудрецами, могли бы стать мейстерами, да — частично, но большая часть из них лишь самоучки и шарлатаны. Если вам угодно, есть слухи о Асшайских заклинателях...

Дверь в башню открылась, грохнула о стену и едва не сшибла вломившегося слугу.

— Лорд Старк, ваш сын... ох, простите. Джон Сноу, он...

— Что с ним? — Нед поднялся.

Книга, которую он пытался читать, соскользнула со стола и упала, раскрывшись на середине.

— Он... что-то сделал. Мы не знаем... его рука...

Нед уже не слушал.

В комнате Джона было невероятно жарко воняло, горелым мясом и мочой, на полу валялись угли, часть была еще красными. Джон без сознания лежал на кровати, его правая рука свисала вниз.

Когда Нед увидел серую и каменеющую кожу, он испугался. Сейчас он пришел в ужас. Кожа на руке Джона почернела и пузырилась, местами и вовсе слезла, Нед мог видеть мясо, кости и жилы на детской руке.

"Наверное, мой отец выглядел так же", — подумал он.

Неду не приходилось еще видеть таких сильных ожогов. Человек либо сгорал в огне, либо избавлялся от него раньше, чем кожа слезет.

Лювин подошел к кровати и опустился на колени; Нед шагнул к Джори Касселю — он лично охранял дверь после того, как Арья пробралась внутрь — и посмотрел на него.

Джори побледнел и отступил на шаг, однако заговорил.

— Он сунул руку в огонь, милорд. Я не знаю, сколько он терпел, — Джори передернуло, — я вообще не знаю, как можно это терпеть. Он закричал, я вошел и увидел, как он сидел перед очагом и сжимал головешку. Я... простите, лорд Старк, я растерялся. Когда я попробовал его оттащить, Джон пнул меня, — только сейчас Нед увидел разбитую губу Джори, — а потом он упал, продолжая сжимать клятое полено.

Эддard почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

Мейстер сказал, что тепло мне полезно.

Он посмотрел в огонь, все еще горящий в очаге. Жар перекачивался по красным углям, и у Старка в животе что-то сжалось. Ну конечно, Джон пытался излечиться — так, как только ребенок мог придумать.

Ночью Арья, малышка пяти лет, обдурила двух стражников и пробралась в комнату, а днем Джон едва не сжег себе руку — кто управляет этим замком, черт возьми?

— Лорд Старк! — окликнул его Лювин. — Я не могу быть уверенным, но, кажется, хворь ушла, — Нед не мог поверить его словам. — Ожог ужасен, но его я смогу залечить, и нет ни одного признака иного поражения плоти.

Откуда-то Лювин достал пузырек и кинул туда кусочек... проклятье, лучше бы Нед этого не видел! Маленький, не больше ногтя, кусочек кожи Джона плавал в прозрачной жидкости, а мейстер удовлетворенно улыбался.

"Квиберн делал то же самое, — вспомнил Нед, — но в тот раз в склянку будто мела насыпали".

Тогда Квиберн сказал, что болезнь, скорее всего, остановится. Сейчас она исчезла.

Серая хворь боится огня.

Как и следовало ожидать, первой в замке обо всем узнала Арья. Слуги еще не успели сменить белье и вещи, на которых могли остаться следы серой хвори, как Арья зашла и, гордо всхлипнув, уселась у Джона в ногах. Арья должна была быть заперта в комнате под постоянным присмотром септы, но Нед не мог заставить себя выгнать ее.

Лювин мазал руку Джона свернувшимся молоком и травяными маслами, вливал в его рот разбавленное маковое молоко.

— Сейчас мальчик просто будет спать, — сказал он, — но вскоре начнется лихорадка, она всегда следует за обширными ранами. Пускай ночью за ним присмотрят служанки — если проснется, он может навредить себе в бреду.

Джон был покалечен, но Нед почти улыбался — он будет жить.

Арья отказалась выходить из комнаты. Она пересела к изголовью Джона, у стены, чтобы не задеть случайно руку, и замерла, глядя на брата.

"Как Лианна перед сердце-древом", — подумал Нед, но Лианна была старше Арьи.

В пять лет его сестра не могла усидеть на месте и двух вдохов.

На обед Кэт, Робб и Санса опоздали. Нед умудрился забыть, что они отправились на конную прогулку с самого утра — это была идея Кэт. Арья должна была отправиться с ними, однако после ночной вылазки осталась в комнате под присмотром.

Кейтлин вошла бледная как снег, и Нед подумал было, что и Роббом что-то приключилось, но Робб и Санса шли за ней, раскрасневшиеся и улыбающиеся.

Нед поднялся.

"Джон здоров", — едва не сказал он.

Джон *не был* здоров.

— Серая хворь ушла, — объявил Нед, — Полностью. Джон скоро поправится.

Кэт сглотнула и побледнела еще сильнее.

— Это радостная новость, — выдавила она.

"Да, — подумал Нед, — Это радостная новость".

Почему тогда он не радовался? В его руках было меньше силы, чем когда он был ребенком. Старые шрамы вновь ныли.

На правой ключице горел первый его боевой шрам — Нед и Роберт тогда вели отряд, преследовавший дикарей в Лунных горах. Стрела пробила кольчугу и вонзилась в грудь. Стрелу эту вытащил Роберт, а затем прижег рану, нагрев меч о факел. Нед тогда даже не сразу понял, что был ранен — что-то вынырнуло из темноты и ударило его в грудь, и он упал на камни, а потом увидел древко, торчащее перед глазами. Шрам вытянулся на полтора дюйма — Роберт был не слишком нежен и разорвал рану наконечником.

Ровная линия на левой руке, от локтя до плеча — подарок от Эртура Дейна и его волшебного меча. Ему сейчас казалось, будто он все еще истекает кровью. Тогда Нед был в такой ярости, что не заметил рану — он обнаружил ее лишь в Звездопаде, два дня спустя, когда внезапно свалился с лихорадкой. Пожалуй, в тот раз он оказался ближе всего к смерти.

Самый огромный из шрамов болел меньше всех — Старк не знал, чем он был нанесен, но отлично помнил, когда. Его сбили с крыши во время Колокольной Битвы, он отбил все что можно, а когда поднялся, понял, что истекает кровью.

Был еще десяток шрамов — один из них ему оставила Лианна, два Роберт, еще один остался от сира Донотора Дарри, белого меча, убитого Недом на Трезубце, оттуда же был еще и шрам от копья какого-то дорнийца. И каждый из саднил.

Когда обед закончился, Нед вдруг понял, что у него нет сил встать со стула.

Нед заставил себя подняться и вышел в крытый переход, откуда он мог видеть упражняющихся гвардейцев и детей. Прохладный ветер обдул его лицо и вернул немного сил.

Робб уже был во дворе вместе с мастером над оружием. Возраст сделал сира Родрика тучным и медлительным, но он по-прежнему был хорошим бойцом и знал о сражении на мечах больше, чем любой северянин — кроме Неда, воспитанного в Долине, лорда Рикарда Карстарка и, возможно, сира Джораха Мормонта.

Робб достаточно вырос, чтобы больше не укутывать его перед боем, как младенца. Подогнанная кольчуга,

несомненно, тянула мальчику к земле, но он успел уже привыкнуть к ее весу. Скоро и Джон к ним присоединиться — хотелось бы на это надеяться. Возможно, он настолько повредил руку, что больше никогда не сможет взять меч.

Нед хорошо помнил, как Джон ради забавы умудрился нацепить на себя доспех, и сир Родрик заставил его так упражняться. Дети смеялись и били Джона по голове, когда шлем закрывал ему обзор, но тот все равно продолжал отмахиваться. С тех пор половину тренировок Джон проводил в доспехе и с тяжелым мечом, а Родрик не уставал его хвалить — за глаза, разумеется.

Будет ли Джон теперь так хорош?

Робб, однако, был не намного хуже. Он был крепче Джона и шире в плечах. Он улыбался и смеялся. "Он будет похож на Брана", — подумал Нед.

Вот уж кто не улыбался — Теон Грейджой. Железнорожденный стоял в стороне ото всех, напротив мишеней, и держал в руках лук. Ох уж, сколько разговоров из-за этого было. Сир Родрик не доверял островитянам, а Джори смотрел на Теона как на врага, но они оба подчинились, когда Нед сказал, что его воспитанник будет упражняться вместе с его сыном.

Драться на мечах этот парень не умел совсем — даже Робб, будучи на фут ниже Грейджоя, бил его каждый второй раз, зато с луком Теон был хорош. Он уже уложил три стрелы в центр мишени, каждый раз отходя на пять ярдов.

Нед услышал шаги за спиной, а через мгновение до него донесся запах. Яблоки и осенние листья — так пахла Кэт.

Подойдя, она положила свою руку на его и переплела пальцы. Нед посмотрел на нее — Кэт была бледной и задумчивой, и неловко, натянуто улыбнулась, когда встретила его взгляд.

— Что будет с ним дальше? — Нед не хотел об этом думать, не сейчас уж точно, но Кэт продолжила: — Мейстер сказал, что его рука может не восстановиться.

"Нет, — вспомнил Старк, — он сказал, что будет чудо, если Джон сможет сгибать пальцы".

Кэт опустила глаза, ее рука судорожно сжалась. Видимо, последние мысли отразились на его лице.

— Я решу это, когда Джону станет лучше.

Кэт отняла руку и ушла. Это хорошо — сейчас Нед не хотел ничего общества. Помимо боли в шрамах на него накатила жуткая мигрень — будто гвоздь вбили прямо в лоб. По дороге к своим покоям он приказал слуге вызвать мастера.

Он лежал на кровати, когда в дверь постучались. Это был не Лювин — Робб.

Мейстер пришел позже, когда они уже поговорили, и дал Неду сонного вина и каких-то еще трав.

— Они вернут вам силы, милорд.

— Да уж, завтра силы мне пригодятся.

Выпив все, Нед закрыл глаза, а когда открыл, было уже утро.

Кейтлин была возмущена, Нед даже не мог вспомнить, когда в последний раз видел ее такой разозленной — и видел ли.

— Ты отдал ему покои Робба, — ее голос был ледяным, а взгляд и того хуже.

— По его же просьбе. Джон еще долго не сможет выйти из комнаты, и я горжусь Роббом, что он беспокоится о благополучии брата.

— Он Роббу не брат, — взвилась Кейтлин, — Ушли бастарда в Цитадель, уж с ожогами они справятся! Воином ему не стать, ты слышал Лювина — так пусть кует цепь. Чем раньше начнет, тем лучше.

Злость скрутилась внутри Неда. Видимо, она может выносить Джона, лишь когда тот несчастен.

— Он останется здесь и сам решит свою судьбу.

Последний раз, когда они с Джоном говорили — до серой хвори — тот решил стать оруженосцем сира Джораха. Джон мечтал о подвигах, о Королевской гвардии, или о Ночном Дозоре, но никогда в их разговорах он не упоминал о мейстерской цепи.

Гнев Кэт исчез, и она выглядела готовой зарыдать.

— А если он выберет судьбу лорда Винтерфелла? Ты помнишь, как он пришел во двор в доспехах? — Нед, удивленный переменой, кивнул. — А помнишь ли, какой щит он себе выбрал? Я помню, хотя тогда я и вовсе о них не знала. Белый волк на сером поле, я думала, это лишь бастардская гордыня, бастадский герб — они почти всегда просто меняют цвета, — Нед нахмурился — он знал, что она сейчас скажет. — Это герб Грейстарков из Волчьего Логова, Нед, которые тысячу лет назад присягнули Болтонам и захватили Винтерфелл.

* * *

Они перенесли Джона вечером. Как мешок зерна. Пузатый Том поднял его на руки и унес куда-то, Джори шел рядом, а ей пришлось бежать за ними — Арья никто не ждал.

Джона принесли в комнату к Роббу — она была намного больше, тут было целых два окна и мягкий ковер на полу.

Арья знала, что ее попытаются отправить спать, потому залезла под кровать, едва все ушли. У Джона в комнате кровать была ниже, такой трюк там бы не прошел. Она думала вылезти ночью, когда никого не будет, но в комнате кто-то остался. Арья не двигалась, даже когда нос зачесался.

Джон же метался по кровати, что-то бормотал и хныкал. Служанка сидела рядом — достаточно было наклониться, и она увидела бы Арию, но с каждым часом это волновало ее все меньше. Арья уже зевала, когда Джон заговорил.

Сон пропал.

— Хворь прошла? — его голос был слабым, она едва могла его слышать.

— Да, — ответила служанка, и Арья узнала голос.

Это была Хетти, она однажды успокаивала Арию после кошмара. А еще смешно ругалась, когда Арья путалась у нее под ногами, пока та стирала.

— Мейстер сказал дать тебе...

— Когда можно увидеть Арию?.. И Робба?

Вдруг Джон зашипел, словно обжегся.

"Он и обжегся, — Арья была удивлена, что сумела это забыть, — Он сжег свою руку, так мейстер сказал".

Арья слышала его крик, когда ее держали в комнате. Еще никогда ей не было так плохо.

Ей захотелось вылезти из-под кровати и обнять Джона, но Хетти уговорила его выпить то, что он должен был пить, и Джон снова уснул.

Арья на вдох закрыла глаза и вспомнила, как они все вместе купались — едва ли не первое ее воспоминание. Это было в теплом пруду в богороще — в том, который не был бездонным. Робб и Джон плескались друг в друга водой, Санса смущенно хихикала, глядя на них, а Арья пыталась брызгаться с ними, но там было слишком глубоко. Она потеряла дно, хотела позвать маму, но вода попала ей в рот и Арья испугалась, а потом Джон вытащил ее, щелкнул по носу и поставил рядом с Сансой. Арье тогда было три года, не больше.

Она проснулась, услышав шаги служанки.

Дверь с хлопком закрылась, и Арья вылезла из-под кровати, тут же забравшись на стул.

Джон выглядел плохо. Осунувшийся, бледный, его кожа блестела от пота, а глаза двигались под закрытыми веками. Повязка на его руке еще вечером была белой, сейчас она пропиталась кровью и гноем и плохо пахла, а ведь ночью Хетти ее меняла.

Арья нетерпеливо ерзала на стуле, ей хотелось, чтобы Джон проснулся.

Дверь открылась, и вошел Робб.

— Так и знал, что ты тут, — заявил он и положил на стол два пирожных, кусочек мяса, а рядом поставил кувшин. — К обеду ты спустишься вниз, к своей семье.

Робб сказал это очень похоже на папу, и она кивнула.

"Если бы Робб лежал здесь, Джон никогда бы не приказал мне его оставить", — подумала Арья.

Вскоре пришла еще одна служанка. Она сменила повязку на руке Джона и Арья смогла увидеть, что с ней стало. Из желто-красной плоти сочился гной, а под ней...

Арию вырвало.

На обед она все же спустилась — запихнула в себя все что смогла и убежала, никого не слушая. Когда за ней пришла септа, Арья забралась под кровать. После септы пришла мать.

— Арья, вылезай немедленно, иначе кровать поднимет стража.

А на кровати лежал Джон.

Арья вылезла с другой стороны и исподлобья взглянула на мать.

— Ты пропустила урок шитья, Арья. И ты пропустила молитву.

— Неправда! Я молилась, прямо тут! И шить я тоже тут могу, если надо! И есть!

Мать разочарованно вздохнула:

— Ты не будешь проводить все время с... — она проглотила бранное слово. — С ним. Он все равно не приходит в себя, а ты мешаешь за ним ухаживать. Думаешь, бедной Элле понравилось отмывать ковер?

Арья стыдливо опустила глаза. Кровать скрипнула.

— Миледи? — голос Джона был все таким же слабым, но мама вздрогнула.

Она смотрела на Джона большими испуганными глазами, будто он превратился в сарка или Белого Ходока.

Но Джон, казалось, испугался ее еще больше. Он неловко заерзал, пытаясь сесть на кровати, глядя на маму так, словно она его сейчас съест. А потом Джон посмотрел на нее.

Арья вдруг поняла, что ее голова похожа на гнездо, а на лице грязь, и почувствовала, как краснеет — будто она не должна здесь быть. Его лицо переменялось быстрее, чем Арья моргнула. Джон неловко ей улыбнулся.

С визгом Арья кинулась его обнимать.

Он попытался подняться ей навстречу и неловко рухнул на кровать, а Арья прыгнула на него сверху, обхватила

руками талию с вжалась лицом в грудь. Джон болезненно зашипел, но Арья почувствовала, как он неуклюже гладит ее по волосам. И разревелась.

— Все хорошо, сестричка.

Когда Джон снова заснул, Арья позволила маме увести себя, но только взяв с той обещание, что она сможет вскоре прийти назад.

Септа, увидев ее, всплеснула руками:

— Матерь всеблагая! Что у тебя на голове, юная леди?

Арья рассеянно улыбнулась.

— Меня Джон погладил.

На следующий день он уже мог сидеть, а еще спустя два дня поднялся на ноги.

Арья приходила к нему по вечерам.

— Септа сказала, мне нельзя брать меч, — пожаловалась она на второй день.

У нее отобрали старый Джонов деревянный меч.

— А книги читать можно? — спросил Джон, и Арья, погрузившись, кивнула — она надеялась, что он разрешит ей то, что запретила септа. — Давай читать про королеву Нимерию.

И Джон прочитал ей про воинственную принцессу Ни Сара, спасавшую свой народ от рабства. Про скитания в далеком Соторисе, про войну с пиратами и болезни на острове Наат, про союз с Морсом Мартеллом и завоевание песчаного Дорна.

Когда он читал ей, когда рассказывал истории, даже его голос менялся, становился крепким и сильным, каким она его помнила. После Арья сама стала таскать ему книги, лишь бы Джон ей почитал. Он рассказал ей о падении Сарнорского царства перед ордами дотракийцев, про Дворец Тысячи покоев и Высоких людей.

После он прочел ей книги о приключениях какого-то путешественника и рассказал обо всех великих замках Семи королевств.

— А Пайк? — спросила она.

И Джон замер. Он просидел сотню вдохов, задумчиво глядя в пустоту, словно забыл о ней. Арья разозлилась и ткнула его в бок.

— Там сыро, — сказал он, — сыро и холодно. Иди спать.

Септа не одобряла их разговоры.

— Но ведь королева Нимерия сражалась! — едва ли не прошипела Арья, прижимая к себе деревянный меч.

Этот был новым — вернее, конечно, старым, Арья просто взяла его в оружейной. Наверное, раньше с ним тренировался Робб, или Харвин. Кто-то. Не Джон — его меч у нее забрали.

— Королева Нимерия молилась лжебогам и погубила половину своего народа, — Септа отвечала спокойно — и это еще больше злило Арию. — И я знаю, Висенья Таргариен тоже была воином, но Таргариеном было позволено куда больше, чем простым людям. И посмотри, к чему это их привело — к безумию и смерти.

Арья закусила губу.

А если Джон заболел из-за того, что она училась драться? И поправился — когда она прекратила?

— Взгляни на свою сестру, Арья, — продолжала Мордейн. — Разве она набивает синяки? Разве рвет платье? Разве она не счастлива? Тебя, дитя, делает несчастным твое упрямство и непослушание.

Когда она пересказала эти слова Джону, он добродушно засмеялся и растрепал ей волосы.

— Дейси Мормонт, наследница Медвежьего острова, тоже сражалась — и боги не торопились ее проклинать. И отчего ты решила, что тебе понравится походить на Сансу?

Арья представила себя — выше, красивее, с чистым платьем и с красивой прической. Мама смотрела бы на нее с гордостью. Ее хвалили бы гостившие в замке лорды. Ей бы восхищались другие девочки.

— Мне понравится, — уверено ответила Арья.

Ей не понравилось.

Арья честно пыталась быть как Санса, но Джейни Пуль смеялась над ней и называла Лошадиным Лицом, септа все так же ругала шитье, а платья все равно пачкались — только теперь Арья от этого расстраивалась. А мама так и не взглянула на нее, как смотрела на Сансу.

Когда Арья пришла к Джону, едва не плача, он растрепал ее волосы, уложенные служанкой в сложную прическу, поддел пальцем ее нос и протянул ей...

— Бери меч, сестрица, — с улыбкой сказал Джон, и Арья подчинилась.

Арья размахивала мечом в комнате, а Джон, сидя на кровати, говорил ей, как надо махать.

А через полмесяца Джон наконец поднялся. А спустя еще несколько дней снова взялся за меч.

Она едва доставала ему до груди, но могла держать меч двумя руками, а Джон — только левой.

— Сверху, справа, справа, укол, слева... стой! — Джон опустил меч и подошел к Арье. — Сделай хват чуть пошире, так будет проще блокировать удары.

Удары Джона и правда были сильными, а вот защищаться он успевал не всегда — наверное, левой рукой было непривычно. Правую, в свежей повязке, он неизменно прятал за спину. Два дня назад он попытался взять ею меч, но не смог даже поднять его — и весь побелел от боли.

Арья казалось, что Джон после этого боялся хоть к чему-то притронуться больной рукой.

"Не зря", — подумала она, вспомнив гной и кровь, сочившиеся из обожженной руки месяц назад.

— У меня рука устала, — пожаловалась она, но даже не подумала опустить меч.

Джон, зажав меч подмышкой, растрепал ей волосы.

— Ты молодец. Хватит на сегодня.

Арья не хотела уходить.

— Расскажи историю! — тут же попросила она.

— И о ком тебе рассказать в этот раз? — Джон улыбнулся ей, и Арья почувствовала себя счастливой.

Он уже рассказал ей, каков из себя могучий король Роберт, добрый мудрец Джон Аррен и доблестный лорд-командующий Барристан Смелый. Она знала, о чем попросит в этот раз.

— О ком-нибудь страшном, — возбужденно прошептала Арья.

— Ну, хорошо, сестрица, слушай. Я расскажу тебе о двух самых страшных людях в Вестеросе, — Арья восхищенно замерла. — Отец и сын, они похожи друг на друга, как я и лорд Старк.

— Папа? — удивилась Арья.

— Не перебивай, иначе будешь слушать истории септы вместо моих, — Арья состроила испуганное лицо и замолчала, хотя знала, что Джон все равно расскажет, стоит ей попросить. — Они оба могучие воины, высокие и широкоплечие, их доспехи сделаны из чистого золота, и золотые их волосы. Единственное их отличие в том, что сын улыбается всегда, и улыбка эта опаснее сотни клинков, а лицо отца не знало улыбки уже десять лет. Они не знают пощады, не знают прощения и нет к югу от Перешейка людей могущественнее Тайвина Ланнистера, Старого Льва, и его сына, Джейме Цареубийцы.

— А король? Ты же сам сказал...

— Я помню, что говорил, — отрезал Джон. — Нет никого сильнее короля. До него был другой король, безумец-Таргариен, против него и сражались отец и Роберт Баратеон, и Роберт убил его сына, принца Рейгара, в поединке посреди реки, — Арья затаила дыхание, — а отец убил половину королевских гвардейцев, но самого Безумного короля убил Джейме Ланнистер, Белый меч. Так он и стал Цареубийцей. Ты хотела знать, кто самый страшный человек? Это он. Лорд Тайвин зол и беспощаден, и его боятся враги, но его сына бояться даже друзья. Цареубийца легко убьет того, кому день назад спас жизнь.

* * *

Они встретились на тренировочном дворе ранним утром. Солнце едва поднялось над стенами Винтерфелла — половина двора все еще была в тени.

Робб проснулся раньше обычного и спустился вниз, все еще зевая и ежась. Он собирался зайти на кухню, но, едва выйдя во двор, увидел Джона. Тот бил мечом по вкопанному в землю бревну — только меч почему-то был деревянным.

Сколько Робб помнил, Джон сражался двумя руками — если только не приходилось держать щит, и даже тогда клинок всегда двигался плавно и стремительно, бил туда, куда Джон хотел.

В этот раз острое ходило туда-сюда, удары были слабыми и неуклюжими, а когда Робб окликнул брата, тот едва не наткнулся на собственный меч.

— Что ты здесь делаешь? — Джон выглядел так, будто его поймали за кражей еды.

Вместо ответа Робб взял со стойки еще один деревянный меч и встал перед Джоном.

— Мы не дрались почти год.

Брат ответил ему суровым взглядом и поднял меч. Острие смотрело Роббу в лицо.

— Соскучился по синякам, Старк? — на лице Джона появилась едва заметная предвкушающая улыбка.

— Давно не надирал твою зад, Сноу.

Джон ударил первым. Робб легко парировал и захватил инициативу. Не прошло и десяти вдохов, как Джон пропустил удар в бок, а затем укол в бедро и еще, и еще...

Робб отступил на два шага и опустил меч. Джон пропустил два десятка ударов, не сумев нанести ни одного. Тяжело дыша, он гневно смотрел на Робба.

— Еще.

Робб едва успел кивнуть, как Джон набросился на него. Удары сыпались градом, но были медленными и слишком простыми — будто Джон забыл все уловки и приемы, которые разучивал с пяти лет. Отбив удар сбоку, Робб плавно шагнул вперед, впритык Джону, и приставил меч к его шее.

— Я победил, — Робб был в восторге.

Это была чистая, идеальная победа, он никогда не мог так превзойти брата. Обычно это Джон так ставил на

место тех, кто говорил больше, чем фехтовал.

— Еще.

По бледному лицу Джона стекал пот, он морщился и держал меч двумя руками.

Когда мечи соприкоснулись первый раз, Джон сжал челюсти и скривился. После второго удара он застонал, а после третьего убрал правую руку с рукояти и спрятал за спину. Двумя обманными ударами Робб заставил его открыться и... сдержал удар, который вполне мог выбить Джону зубы — меч едва его коснулся.

Джон посмотрел на него, и Робб вдруг вспомнил, как впервые назвал брата бастардом.

— Еще!

Робб замахнулся — он знал, что открывает бок, но Джон все равно не успевал. Так и случилось — Джон ударил по его мечу. А потом широко шагнул вперед и пнул Робба в грудь. Он потерял равновесие, попятился, но Джон наступал быстрее. Удары были все такими же неуклюжими, но Робб не успевал их отражать. Он пропустил укол в плечо, и напряженные мышцы свело — пришлось перехватить меч двумя руками. Едва Робб сделал это, как ему в грудь вбилось плечо брата. Старк отлетел, споткнулся, деревянный меч ударил по голове, потом по руке, заставив отпустить рукоять. Джон стоял над ним, вдавив острие Роббу между ключиц.

— Не смей меня жалеть! — прошипел он. — Думаешь, раз я калека, то теперь ничего не стою? В полную силу! Всегда!

Сноу отвернулся и с размаху ударил мечом по бревну. Меч переломился, щепки брызнули на землю.

Робб поднялся, отряхиваясь, а Джон, напряженно согнув спину, быстрым шагом вышел со двора. Да что с ним такое?

На обеде Джон не появился. Отец спросил об этом сира Родрика, мать поджала губы, а Арья беспокойно заерзала и закусила губу.

— Он в библиотеке, милорд. Мейстер Лювин обмолвился при нем, что некогда один из Белых мечей был лишен руки и продолжил службу. Джон вознамерился узнать его имя.

— И как его имя, сир? — подался вперед Робб.

— Представления не имею, — пробасил рыцарь. — Но учиться драться слабой рукой — занятие столь же бесполезное, как попытка держать кубок ногами.

Сказав это, сир Родрик замолчал и принялся жевать так яростно, что затряслись его пышные бакенбарды.

Роббу казалось, что мастер над оружием не прав, но он не мог понять, почему пока не добрался до сладкого.

— Но ведь Куорен Полурукий дрался левой. И не хуже тебя, сир!

— Он злой, — тут же откликнулась Арья, — а Джон хочет найти хорошего.

Робб пожал плечами — ему ночной дозорный злым не казался, но с Арьей спорить бесполезно.

— А мейстер Лювин не говорил, когда Джон поправится? — спросила у отца Санса.

Она вечно все узнавала последней.

— Никогда, — ответил ей ледяной голос от дверей.

Зал накрыла мервая тишина — слышно было только шаги Джона. Его скулы были напряжены, а лицо застыло, словно маска, и он показался Роббу выше, чем был — словно это шел отец, молодой и безбородый, каким он был шесть лет назад.

— Позвольте присоединиться, лорд Старк?

После кивка отца Джон занял свое место рядом с Роббом, но даже не подумал притронуться к еде. Он смотрел то на Сансу, то на мать, а потом вдруг снял с правой руки перчатку.

Робба едва не вырвало. Рука Джона была одним большим шрамом. Где-то кожа была красной, где-то болезненно фиолетовой, но половину руки покрывала растрескавшаяся корка, из-под которой текла какая-то жидкость.

— Это, — сказал Джон, неотрывно глядя в глаза леди Кейтлин, — не излечится.

На лице Сансы были ужас и отвращение, но мать виновато опустила глаза, не выдержав взгляда.

— Мейстер сказал, что, если повезет, через год боль пройдет.

— Больно? — Арья, в отличии ото всех за столом, неотрывно смотрела на руку.

Джон выдавил из себя улыбку.

— Кажется, теперь я тоже левша. Когда подрастешь, нас могут принять за близнецов.

Взгляды Джона и Арьи пересеклись, и Робб почувствовал себя лишним.

— Отец, — тонким голосом заговорила Санса, — я сыта, могу я пойти в комнату?

С ней ушла и мать, а Брана уже давно увела нянька — когда-то она нянчила Джона, но не Робба.

— Ты не сможешь фехтовать левой рукой так, как правой, — прямо заявил сир Родрик.

— Фехтовать — может, и не смогу, — ответил Джон стальным голосом, — но драться буду не хуже.

На следующий день он появился на уроках фехтования.

Когда Джон уезжал с отцом, он мог одолеть почти любого — несколько раз он сумел побить даже Харвина,

бывшего на пять лет старше; Робба сир Родрик заставлял тренироваться с бревном и деревянным мечом, а Джон в это время сражался затупленной сталью в настоящих учебных схватках. Иногда Робб сходиллся с братом, но неизменно проигрывал.

Теперь все было наоборот. Джон почти все время колотил бревно, пока его ровесники фехтовали друг с другом. Но если Робб раньше постоянно отвлекался, заглядываясь на чужие схватки, то Джон, когда Робб на него только не смотрел, был полностью поглощен избиением бревна, ломая один меч за другим. А в схватках он выигрывал лишь одну из четырех.

Драться Джон тоже стал иначе. Правую руку он прятал за спину — даже щит ей удержать у него не выходило — и становился к противнику едва ли не боком. Сир Родрик ругал его, поначалу, но по-другому у Джона выходило лишь хуже. От ударов Джон предпочитал уворачиваться: щита-то не было, а заблокировать у него выходило не всегда. А вот атаковать он стал, пожалуй, даже лучше. Не мечом, конечно, левая рука Джона была слабой — Сноу бил ногами и умудрялся делать это, даже когда дрался в доспехах.

Сир Родрик называл это грязным стилем.

— Так сражались бандиты на Ступенях, — вспоминал он, — В этом нет чести.

Джон в ответ почему-то взъярился.

— У него есть две руки, а у меня ноги — как по мне, все честно!

Звучало и правда честно, однако пинаться он переставал, хотя бы до следующего дня.

Выздоровев, Джон изменился. Он стал реже улыбаться, меньше говорить. После того обеда начал шарахаться от матери, будто у нее клыки выросли. Он и раньше ее побаивался, но теперь в присутствии леди Винтерфелла Джон не издавал ни звука и старался как можно быстрее уйти.

С Роббом он играл все меньше и сторонился Теона, нового воспитанника отца.

Теон Грейджой Роббу нравился. Он был старше, но ненамного, умел шутить — казалось, он мог найти забавным что угодно — и охотиться.

Теон научил Робба как быстро стрелять из лука, научил поправляться на ветер, научил метать топор. А вот Джона Теон невзлюбил.

— Робб, почему вместе с тобой, наследником Севера и мной, наследником Железных островов, упражняется бастард? — громко спросил Теон.

При сире Родрике он так говорить не отважился бы, но старый рыцарь еще не пришел во двор, и Теон говорил в полный голос. Робб бросил взгляд на Джона — тот, как всегда, молотил бревно еще до того, как все пришли, и, кажется, ничего не слышал.

— Нам, стало быть, тут тоже быть нельзя? — грозным голосом спросил Харвин.

Сын конюха был старше Теона и возвышался над ним на полголовы, но Грейджой лишь усмехнулся.

— Разве ты бастард? Твои родители верно служат Старкам, как и родители каждого из вас, — Теон окинул взглядом полторы дюжины парней, — у вас верность в крови. Скажи мне, Харвин, будущий гвардеец Винтерфелла, что в крови у бастарда?

— Попробуй пустить, кальмар, и узнаешь! — прорычал Джон, каким-то чудом оказавшись в двух шагах.

Его глаза потемнели от гнева, став похожими на уголь.

— Предлагаешь драться на палках, маленький ублюдок? — усмехнулся Теон. — У матери научился?

Вот тогда Робб действительно испугался. Никто в замке не говорил о матери Джона плохо. О ней вообще никто никогда не говорил.

Казалось, от ярости Джон не мог даже говорить.

— Бери. Меч, — выдал он.

На Грейджое были длинный акетон и стальные поножи, а Джон был в одной только рубахе и штанах. Обычно он одевался, пока остальные разминались. Теон взял затупленный полуторный меч и встал перед Джоном, в насмешку опустив руки.

Джон ткнул мечом Теону в лицо так быстро, что тот едва успел отбить удар и отшатнулся. Едва он потерял равновесие, Джон пнул его в ничем не прикрытое колено, а потом коротко дернул кистью, и деревянный меч, заставив воздух засвистеть, ударил Теона в ухо.

Грейджой, согнувшись, попятился и отмахнулся от Джона широким ударом — тому пришлось отпрыгнуть и отклониться назад — меч Грейджоя был длиннее почти на целый фут.

Кровь капала из рассеченного уха на землю.

— Любишь драться грязно, бастард?

Джон не ответил. Он молчал и смотрел на Теона взглядом, который Робб никогда не видел. Грейджой шагнул вперед и ударил сверху вниз. Джон ушел влево и уколел в ногу — туда же, куда пинал. Попал.

Еще пять вдохов Джон отвечал на удары Теона легкими тычками, уворачиваясь, а потом все закончилось. Джон не успевал uklonиться и поставил блок, но деревянный меч, жалко треснув, сломался, и удар пришелся по правому

плечу.

Джон не успел отступить и Грейджой ударил его кулаком в нос. Пошла кровь. Джон сделал шаг вперед.

— Ну и вонь, — скривился Теон. — Твоя мать, должно быть, выпила море семени, раз несет даже от тебя.

— Ты мертв, Грейджой, — ледяным голосом проговорил Джон.

Обломанный меч упирался Теону под подбородок, — И ты больше никогда не будешь говорить о моей матери.

Теон показался Роббу испуганным, но ответил он твердо:

— Я уже все сказал.

Джон указал себе на лицо, по которому стекала кровь.

— Я не слышал. Будешь повторять?

Теон отвел взгляд.

— Нет.

Джон разжал руку и позволил обломку упасть. Вытер кровь рукавом. И вернулся к бревну, взяв другой меч.

Часом позже сир Родрик отвел уставшего Робба в сторону от упражнявшихся. Он казался странно спокойным.

— Скажи мне, кто такой Джон Сноу?

Робб удивленно поднял брови.

— Бастард моего отца.

Кажется, сир Родрик хотел услышать не это.

— А тебе он кто? — раздраженно спросил он.

— Мой брат.

— Тогда скажи мне, почему ты молчал, когда мать твоего брата оскорбляли?

Робб почувствовал, как краснеет. Джон никогда не просил защиты. И его мать была Роббу никем. И Теон вполне мог говорить правду.

— Я не знал, что должен был что-то говорить, — стыдливо пробормотал он.

— Вечером ты пойдешь к отцу и слово в слово передашь все, что было сказано.

* * *

Джон открыл глаза.

Ставни на окне были закрыты, в очаге еще теплился слабый огонек, бросая дрожащие алые отсветы по всей комнате.

Со стоном Джон сел на кровати и спустил ноги вниз. Он не сомневался — сейчас еще ночь. Если повезет, то час волка, но скорее всего, час совы. С тех пор, как перестал пить маковое молоко, Джон ни разу не спал до утра.

Посидев, чтобы дать утихнуть пульсирующей боли, он сполз на пол. Опустившись на колени, нашарил под кроватью корыто. Грейджой несколько дней назад сказал, что Сноу настолько трус, что нуждается в двух ночных горшках. Воспоминания о железнорожденном наполнили Джона злостью, прогнав остатки сна.

В корыте была вода со льдом. Джон носил перчатку даже ночью, чтобы не повредить заживающую кожу; так, по крайней мере, сказал мейстер Лювин, хотя Джон думал, что перчатку на него надели, чтобы он не пугал служанок своим увечьем — он не был против, на руку было противно смотреть даже ему самому. Стянув ее, Джон опустил руку в воду и наконец почувствовал облегчение.

Ожог болел постоянно. Даже маковое молоко не могло убрать эту боль, к тому же, пить его слишком много нельзя.

Джон продержал руку в воде тысячу вдохов, насухо обтер свежей тканью и натянул перчатку — новую. Наверное, у него было больше перчаток, чем у всех в замке, и почти все правые.

Он сменил ночную рубаху, неловко натянул штаны левой рукой и, ощупав каждый палец на ногах, впихнул их в сапоги. Он каждый день ощупывал пальцы на ногах. Если потеряют чувствительность — значит, хворь вернулась.

Клинок, который дала ему леди Кейтлин, лежал рядом с сундуком. У Джона хватало сил, чтобы поднять меч, но на один его удар пришлось бы пять ударов Робба.

Теперь Джон был калекой. Калекой-бастардом, до дрожи боявшимся воронов, живущем в замке, хозяйка которого хотела ему смерти.

Когда мейстер, наконец, после сотни вопросов и тысячи попыток взять что-нибудь правой рукой, сказал Джону правду — что его рука не восстановится, что Лювин никогда не видел таких ожогов — это его разозлило. Потом ввергло Джона в отчаяние — лишь на одну бессонную ночь. Сейчас Джон чувствовал лишь постоянно тлеющий гнев.

Этот гнев царапал его грудь изнутри, этот гнев ломал деревянные мечи о столб, этот гнев... не давал Джону спать.

Он вышел на тренировочный двор и полной грудью вдохнул ночной прохладный воздух. Ни пыли, ни пота, ни сладких запахов с кухни... Пахло сосной и лошадьми.

Через час на кухне загорится огонь и Гейдж, новый повар, примется готовить утренние блюда. Через два

выйдут конюхи, во главе с Харвином, а через три наступит утро.

Джон взял со стойки деревянный меч. Этот, кажется, был выделан из дуба — он весил больше остальных. Кроме того, Джон не сомневался, внутри был свинец. Когда-то эти мечи сделали по наказу сира Родрика, чтобы Робб начал привыкать к весу клинка.

Через час, когда по двору протопали приветливо улыбающийся Гейдж с двумя поварятами, тащившими корзины, Джон понял, что повторил все удары и приемы, которые когда-то знал. Наверняка в половине из них он допустил ошибки — обманки получались у него особенно плохо и медленно — но Джон впервые повторил их все.

Повернувшись к столбу правым плечом, он вообразил, что в его руке есть меч. За сотню вдохов он повторил невидимым мечом все то, что час делал деревянным. Выходит, левая рука впятеро хуже правой?

Он гневно сжал кулаки.

И обомлел.

Правая рука сжалась в кулак. Это было больно, словно ее облили кипящим маслом, но пальцы коснулись ладони!

Джон вернул дубовый меч на стойку.

Через четверть часа он уже стоял на берегу Желудевой реки. Раньше ему требовалось больше получаса, чтобы сюда добежать. И река теперь казалась меньше, хотя Джон вырос лишь на пару дюймов. Быть может, потому, что он видел море?

Джон скинул одежду и сапоги и зашел в реку. Вода приятно охладила тело и успокоила вновь разгоревшуюся в руке боль.

Джон не плавал, наверное, полгода, но тело вспомнило все мгновенно. Он плыл, но не поперек реки, а вверх, против течения.

Рука немного болела, но Джон чувствовал пробегающую между пальцев воду, чувствовал напряжение в ослабевших мышцах, которое раньше было незаметным. Он плыл, делая длинные гребки, сосредоточившись на мышцах рук, пока пальцы правой не начало сводить от напряжения.

Выйдя из воды, он с усилием сжал кулак.

С тех пор он каждый день плавал и дрался воображаемым мечом.

Через месяц Джон смог поднять палку. Она казалась тяжелой, как кузнечный молот, но боли почти не было. Может, дело было только в том, что ожог постепенно сходил и потрескавшаяся желто-красная корка сменялась обычными шрамами, может, палка — это все, что Джон сможет поднять правой рукой.

Но Джон чувствовал, как мышцы становятся сильнее.

В следующий раз, столкнувшись с Роббом на тренировочном дворе, Джон держал затупленную сталь. И держал двумя руками.

И проиграл, хотя нанес он ударов не намного меньше, чем пропустил.

Вечером его в комнате ждали отец и мейстер Лювин.

— Твоя рука восстанавливается в десять раз быстрее, чем я полагал, Джон, — начал Лювин. — Я уже говорил, я никогда не видел таких ожогов. Ты что-то делал с ней?

Отец ободряюще улыбнулся.

— Я плавал. И пытался фехтовать. Сжимал кулак. Если становилось слишком больно, окунал руку в воду со льдом.

Мейстер улыбнулся уголками губ.

— Так я и думал. Эта теория не еще не была подтверждена в Цитадели, но с тобой, очевидно, действует. Малая работа поврежденной конечностью ускоряет восстановление. Одна из гениальных идей Квиберна, впрочем, со своими оговорками. Я поделился ей с твоим отцом, когда мне показалось, что ты восстанавливаешься слишком быстро. Кроме того, я взял на себя смелость написать Квиберну. Он сказал, что нужно восстанавливать не силу руки, а ловкость пальцев — и мне это кажется верным.

Отец протянул Джону сверток. Внутри было нечто длинное и тонкое. Кинжал? Мейстер продолжал говорить:

— Кроме того, Квиберн порекомендовал занятия, которые тебе в этом помогут. Музыка — самое первое.

В свертке лежала флейта. Она была белой, как снег на ее поверхности Джон видел узоры из серых и красных линий, какие не один резчик не сумел бы создать. Неужели?..

— Она вырезана из ветви Сердце-древа, из богорощи Винтерфелла, Джон.

Древо было неприкосновенным тысячу лет, с тех пор, как Старки отвоевали Винтерфелл у Болтонов.

Джон почувствовал, что вот-вот заплачет. Когда-то, еще до Пайка, он мечтал заслужить уважение отца, совершить подвиг и унаследовать фамильный меч из валирийской стали. Потом он понял, что это означает отобрать право первородства у Робба, и устыдился. Сейчас отец давал ему дар, не менее ценный. Это была частичка Винтерфелла, частичка Старых богов. Нечто столь же ценное, как Лед.

Джон бросился в объятия отца.

Он играл на флейте каждый день — и совершенно неумело, потому играл на берегу Желудевой, где его не слышали. И, как и обещал мейстер, пальцы становились все более ловкими.

Он уже мог фехтовать правой рукой — правда, лишь деревянным мечом, зато левой уверенно держал сталь, ничем не уступая Роббу.

Он носился везде, словно ему снова было семь лет, щекотал Арья, вместе с Роббом устраивал шутки, лазал по деревьям и стенам замка — Лювин сказал, это тоже ускорит выздоровление. Боль уже почти ушла из руки.

Даже его сны изменились. Раньше он каждый раз загорался, или ему отрубали руку, или еще что-нибудь гадкое. Теперь он во сне летал. Он видел огромные степи, жаркие пустыни, заснеженные горы, пронзающие облака. Он хотел бы увидеть их вживую.

Было лишь две вещи, которых он сторонился. Вороны. Каждый раз, как они открывали клюв, Джон вспоминал пускавшийся ему на голову топор и каркающий крик железнорожденного. И леди Кейтлин.

Она-то и нашла его, лезущим на Сломанную башню.

— Слезай немедленно, мальчик.

Джон подчинился. Он встал перед леди Кейтлин. Сейчас его голова почти доставала до ее плеча.

— Зачем ты это делаешь? Ты понимаешь, что можешь разбиться?

А вам-то что за печаль?

— Местер Лювин сказал, я так быстрее поправлюсь, — пробормотал Джон.

— Тогда делай это там, где тебя не видно. Ты понимаешь, что на тебя смотрит Бран? И Арья? Если мой сын хоть руку отшибет, повторяя за тобой, я лично выкину тебя из окна этой башни.

Джон сжал кулаки.

— Вы приказываете мне не выздоравливать?

— Не будь дураком. Лазай не там, где тебя увидят мои дети. Возьмись за кузнечный молот, за плуг, за топор. Выздоровлявай так, чтобы мои дети остались целы.

Джон кивнул.

Через несколько дней наступили десятые именины Робба. Отец подарил ему великолепного серого скакуна. Джон даже поиграл в этот день на флейте — у него начинало получаться.

Только он не понимал, почему на этих именинах не было ни одного знаменосца.

Тем же вечером это объяснил отец, выхватив его и Робба к себе.

— Обычно на десятые именины приглашают всех лордов-знаменосцев. Скажи мне, Робб, почему сейчас я так не сделал?

Робб опустил голову и искоса взглянул на Джона.

— Потому что я еще не готов называться твоим наследником.

Отец, кажется, удивился такому ответу.

— Ты — мой наследник с тех пор, как ты появился на свет. Джон, как ты думаешь, почему здесь не было моих вассалов?

Джон задумался. Он много читал, когда болел, где-нибудь там обязан иметься ответ. Вдруг он вспомнил разговор с отцом, когда Джон назвал Дейрона, Юного Дракона, лучшим из королей. Отец покачал головой и объяснил, что не было среди Таргариенов короля лучше Джейхериса Первого. Джону тогда стало любопытно и он прочитал почти все, что было об этом короле в Винтерфелле.

— Правитель должен знать не только своих подданных, но и землю, где будет править.

Отец кивнул.

— Верно, Джон. Знаменосцы не приезжали суда, потому что мы поедem к ним.

Джон удивленно замер.

— Встроem? — аккуратно спросил он.

Отец снова кивнул.

Джон вспомнил ледяной взгляд леди Винтерфелла. Хотелось бы ему оказаться с отцом и Роббом подальше от нее. И с Арьей, которую та вечно ругала.

Хотелось бы больше всего.

— Я не поеду.

Кейтлин проснулась резко. Вот она еще спит, и ей сняться объятья мужа, а вот — она лежит на кровати одна, а за окном воем какой-то пес и ржут лошади.

Обычно она просыпалась полсотни вдохов, но сейчас, почему-то, рывком поднялась. Открыв ставни, она поежилась от ледяного ветра.

Арья сидела верхом на лошади. Спросонья глаза Кейтлин еще плохо видели, и она не могла понять выражения лица дочери. Она правила поводья правой рукой, а в левой сжимала деревянный меч. Откуда он у Арьи? Кэт только помнила, что сказала септе забрать меч, который девочка прятала в кровати.

Арья была сущим наказанием. Раньше Кэт считала свою сестру верхом озорства, но в сравнении с Арьей Лиза была Девой во плоти. Наверное, все бесы, какие только существуют, вселились в ее дочь, потому что то, что делала она, не могло прийти никому в голову. Она подбила дочку повара, Репку, оседлать собак с псарни. Бедная девочка украла у отца овощи, и они пытались повторить тренировку Робба — с собаками вместо лошадей и тыквой вместо соломенного чучела. Она убежала в лес и вернулась оттуда с медвежонком, пять дней прятала его в своих покоях. Наверное, окажись она рядом с пчелиным ульем, непременно засунула бы голову внутрь.

Вот и сейчас, она, верхом, наскაკивала на какого-то мальчишку, пытаясь достать его мечом — казалось, ей и в голову не может прийти, что лошадь может его просто затоптать. Парня Кэт не видела, лишь темные, собранные в хвост волосы — он стоял спиной — однако она увидела, что лишь на одной руке он носит перчатку.

Нед пообещал ей, что отдаст бастарда воспитанником, как только они закончат свое странствие. Ее муж был мудр. Он решил объехать владения с Роббом, а не созывать всех северных лордов в Винтерфелл. После сотни попыток излечения бастарда, они не смогли бы принять их, не разорившись. И Роббу, действительно, стоит знать земли, которыми предстоит править. Нед сказал, что возьмет и Сноу, чтобы найти подходящее место для его воспитания, но бастард будто знал об этом — и отказался. К тому же, вывернул все так, будто остается, чтобы не бросать тень на Робба.

Каков лжец! Когда Кейтлин заглянула ему в глаза, она увидела гнев, боль и страх, но только не смирение. Стоило отдать ему должное, мальчишка был умен не по годам — хитер уж точно. Но Кэт видела, с какой злобой и завистью ублюдок смотрел на ее первенца — не всегда, он хорошо скрывал это, но иногда маска давала трещину. Из всех детей Кэт лишь Арья не была похожа на мать, и лишь Арию Сноу не ненавидел. Быть может, его злость на законнорожденных Старков из-за нее, но это ничего не меняло. Гнев на нее Кейтлин могла бы ему простить, но Джон Сноу был угрозой для ее детей.

— Все, Арья, хватит, — раздался ненавистный голос, — умойся и переоденься, если будешь вонять лошадью, наш секрет быстро раскроют.

Арья выпрыгнула из седла так, что сердце Кэт замерло.

— Хорошо, — покладисто ответила она, протянув меч бастарду. Тот, вместо того чтобы забрать клинок, растрепал Арьины волосы.

— И главное — не говори...

— Сансе! — Восторженно закончила за него Арья.

Кэт никогда не видела за младшей дочерью такого послушания, которое та выказывала бастарду.

Уже четыре месяца прошло с тех пор, как ее муж и сын покинули замок. Грейджоя, как своего стюарда, Нед взял с собой. Как и сира Родрика, мастера над оружием. И половину гвардии Старков, сорок суровых воинов, закованных в сталь и кожу. Однако Нед не взял ни одного слуги, ни повара, ни охотников — он собирался в пути дать Роббу еще один урок.

Он выехал через Северные ворота. Первыми они посетят кланы Северных гор, бедные и гордые, после направятся на восток, вдоль Нового Дара, в Последний Очаг, а после на юго-восток, в Кархолд, вотчину Карстарков. Дредфорт, Хорнвуд, Белая Гавань, Сероводье — это лишь те замки, которые она запомнила. Кэт не увидит мужа еще месяц, не меньше — зато на бастарда ей приходится смотреть каждый день.

Стоило Роббу уйти, и больше никто не был бастарду соперником. Мальчишка мог несколько раз к ряду одолеть четырнадцатилетних юношей, при этом насмешливо перекидывая меч из руки в руку, кувыркаясь и ходя по двору колесом. Без сира Родрика во дворе руководил Томард, один из оставшихся гвардейцев, и он благоволил бастарду, и, несмотря на приказы Кейтлин, потакал Арье в ее проказах. Том даже прозвище ей дал, и оно пристало намертво. Арья-надоеда.

Бастард во дворе, будто почуяв что-то, поднял взгляд. В мгновение, когда их глаза встретились, его лицо исказила эмоция, которую Кейтлин не успела понять, а потом оно стало маской, неподвижной и бесчувственной.

Боги, этот мальчишка пугал ее!

Еще два вдоха они смотрели друг на друга, а потом Кэт захлопнула ставни.

Она не хотела, чтобы он был здесь.

Она хотела, чтобы его здесь не было.

И в тот же день ей представился шанс.

В Винтерфелл прибыли гости. Сир Джорах Мормонт, Могучий Медведь, восседал на гнедом скакуне, а рядом с ним, но золотистой кобыле сидела его хрупкая и прекрасная молодая жена. Темно зеленое платье было расшито алым шелком, золотые волосы спадали на спину, оголяя точеные ключицы, две пряди обрамляли лицо. На тонкой шее висел серебряный медальон с огромным сапфиром. Линесса Хайтауэр выглядела несчастной.

Визит был неожиданным, но Кейтлин была хорошей хозяйкой — приветственный обед был таким, словно их ожидали с нетерпением. Несколько куропаток поймали на силки — Гейдж запек их с яблоками, сделал тыквенную похлебку с лимоном и мясом, пирожки с луком и печенью. Из погреба достали бочонок дорнийского вина, а на сладкое были лимонные пирожные и ягоды в меду — их собрали мальчишки из Винтертауна.

Кэт усадила всех Мормонтов за свой стол — с Джорахом приехала его кузина.

Встретив их во дворе, Кэт приняла ее за мужчину, в кольчуге и стальных поножах, с булавой на поясе и луком в седельной сумке. Однако к обеду Дейси Мормонт надела платье и убрала волосы, преобразившись в настоящую леди, стройную и грациозную. Рядом с ней сидела Арья, засыпая ту вопросами — и почему-то называя Джораха ее отцом. Санса же беседовала с Линессой и казалась самой счастливой девочкой на земле, выслушивая их с Джорахом историю.

— Ваша жена жена прекрасна, сир, — осторожно начала Кэт. Мормонт улыбнулся, но улыбка казалось натянутой, — Как и ваша кузина. Я слышала, есть история, между ней и Джоном Сноу, верно?

Эта тема оказалась для рыцаря куда как приятнее. Кэт слышала от гвардейцев, что Джон очень сблизился с девушкой, что та едва ли не заменила ему мать.

— Мальчик спас ей жизнь, — этого Кэт не ожидала, — Дейси была ранена и больна, и он ухаживал за ней, а когда напали железнорожденные, убил троих, ворвавшихся в ее шатер, — Джорах снова улыбнулся, на этот раз открыто, — одного он мечом, второго топором, а третьего палкой.

Кейтлин замерла с открытым ртом. Нед не говорил ей об этом... она вдруг поняла, что если они и обсуждали бастарда, говорила всегда именно Кэт. Этот мальчик убил трех воинов? В *восемь* лет? Ради Семерых, *палкой*?

— Миледи? — в третий раз позвала ее Дейси Мормонт.

— Да, дитя, что ты спрашивала?

Дейси поморщилась, когда ее назвали ребенком, но как ее еще назвать? Ей семнадцать.

— До нас дошли слухи, что Джон заболел оспой. Это правда?

— Он заразился серой хворью, — Кэт видела, как лицо Дейси изменилось от этих слов, — но он излечился.

Несколько вздохов все молчали, а потом Дейси совладала с собой.

— И где же он?

Кэт почувствовала гнев. Всем нужен этот бастард.

— Он плавает! — ответила Арья, — Я знаю где, — она вскочила из-за стола, — пойдем, покажу!

Джорах ушел вместе с Дейси и Арьей — Кэт, скрипя зубами, отпустила ее. Обед стал ужином. Санса наговорившись, с леди Линессой до зевоты, ушла вместе с септой, а Кэт предложила госте разделить подогретой вино в ее покоях.

Несколько часов назад Линесса казалась несчастной, но теперь, после общения с Сансой, расцвела.

— Ваша дочь — истинная леди, — говорила она, — она напоминает мне о доме. Здесь таких нет. Только представьте, миледи, его тетка разве что мою грудь не пощупала!

— Спасибо вам. Я рада, что преуспела в воспитании Сансы.

Линесса притронулась к стене и обомлела.

— Боги, это правда! Джорах говорил, у Винтерфелла теплые стены.

— Он стоит на горячем источнике, — подтвердила Кэт.

Линесса еще раз приложила к кубку.

— А по усадьбе Мормонтов гуляет ледяной ветер. Клянусь, даже если сжечь весь лес на острове, там нельзя согреться, — Глаза Линессы заблестели, — Север — не место для Хайтауэров из Староместа.

Кэт ощутила волну сочувствия, захлестнувшую ее.

— Талли из Риверрана когда-то думала то же самое, — Кэт взяла ее за руку, пытаясь утешить, — но со временем я нашла здесь многое, что смогла полюбить.

Линесса порывисто обняла ее.

— Ох, Кейтлин, я так рада, что встретила здесь вас.

Они уснули вместе.

А утром Кэт попросила ее об одолжении.

* * *

Сир Родрик не переносил лишь одну вещь в этом мире — корабли. Качка делала из крепкого, здорового рыцаря

шатающегося задохлика, и ни вино, ни сон, ни голодание не помогали.

Именно поэтому Родрик возблагодарил богов, когда из Темнолесья они направились в Винтерфелл, а не на Медвежий остров, который они планировали посетить последним.

А вот Теон Грейджой этим фактом был жутко расстроен — мальчик рвался выйти в море.

— Теон! — зычно крикнул Родрик, — подойди сюда, мальчик.

Тот опустил лук и несколько вздохов раздумывал — подчиниться или нет, и лишь потом подошел.

— Сир, — кивнул он, скрывая за уважением насмешку.

— Скажи мне, парень, с чего ты так рвешься на Медвежий остров?

— Мне плевать на него, — Теон поднял подбородок, — Меня влечет море. Когда меня взяли *на воспитание*, я только научился ходить под парусом. Вот, чего я хотел.

— А понимаешь ли ты, мальчик, как тебя приняли бы на острове? — Родрик указал на золотого кальмара, вышитого на груди у Теона, — Там не любят железнорожденных.

Грейджой расправил плечи и ухмыльнулся.

— Эрик Справедливый приходится мне кровным дядей — дальним, разумеется. На острове меня не тронули бы.

Это было самым мерзким, что Родрик слышал за последние годы. Об этом не было принято говорить, но все знали, что Мейдж Мормонт — бастард Эрика Айронмейкера, который когда-то убил лорда Медвежьего острова и изнасиловал его жену, мать Мейдж. И, даже если Мейдж прилюдно отрицала их связь, боги знали правду, и сама Мейдж знала. Если Эрик — дядя Теона, это делало Грейджоя кузеном Мейдж.

Родрику нечего было сказать ему после такого.

До Винтерфелла они добрались за десять дней.

Бет выбежала встречать его вместе с Арьей и Сансой. Она выросла за те полгода, что его не было. Она держалась за руку Сансы и широко улыбалась, и Родрик никогда не чувствовал себя таким счастливым.

— Папа, я щеночка взяла! Он дома!

Он поднял дочь и усадил себе на плечо — она почти ничего не весила — и только потом заметил, что его племянник замер, глядя на высокую, не меньше шести футов, девушку.

"Ах, да, — вспомнил Родрик, — Мормонты же здесь. Должно быть, это Дейси, старшая дочь Мейдж".

Дейси не смотрела на Джори — она смотрела на Теона Грейджоя. Рука сама собой потонула к бакенбарде. На мгновение Родрику захотелось отойти в сторону и посмотреть, чем закончится их беседа, но Теон был воспитанником его сюзерена, и, что важнее, его учеником.

— Миледи, мой племянник много о вас рассказывал.

Джори и Дейси абсолютно одинаково покраснели.

— Надеюсь, не слишком много.

— Лишь хорошее, миледи.

— А говорил ли он вам, что бросил меня рыбачить, а сам уплыл воевать?

— Я выполнял свой долг, миледи, — достойно ответил его племянник.

Родрик оставил их спорить.

Джон Сноу стоял в стороне ото всех. Он выглядел иначе, чем когда Родрик оставил Винтерфелл. Его грудь стала шире, а плечи крепче. Он был одет в черную кожу без меха, будто не чувствовал холода, на руках, поверх длинных перчаток, были стальные наручи, за спиной вновь была рукоять меча, а на поясе — кинжал. Волосы Джон стянул в хвост.

Встретившись с Родриком взглядом, он улыбнулся.

Мальчик научился драться левой.

На следующий день за столом лорд Старк усадил рядом с собой сира Джораха, а Родрик вместе с племянником заняли места чуть ниже.

Видимо, как лорд Эддарт не противился, его жена добилась своего — Джон отправлялся на Медвежий остров, и, кажется, был этому рад.

Леди Дейси, наплевав на приличия, уселась рядом с мальчиком и увлеченно с ним беседовала. Неудивительно, если знать, что он для нее сделал.

Родрик уже давно закончил с блюдом, а Джон только тянул ко рту куриную ножку.

Вдруг Дейси, видимо желая пощутить, потянулась, чтобы вырвать ее. Джон подкинул ножку на пару дюймов, рука Дейси прошла мимо, и Джон тут же снова поймал ее — за кость, как и бросал — и, как ни в чем ни бывало, впился в мясо зубами.

Левой рукой.

Джон Сноу был прирожденным бойцом. Вчера он тренировался с Джори, и они дрались почти на равный, а Джори был капитаном гвардии! Робб же вскоре и вовсе не будет Джону соперником, уж точно не на мечах — Сноу

разве что не танцевал во дворе, сражаясь с братом. С луком Джон еще плох — стрелять левой он учился не столь усердно, а правая для этого еще недостаточно восстановилась, ведь в стрельбе точность движений куда важнее силы, зато он быстро учился обращаться с копьем, и вполне мог бы через полгода сойтись с Роббом, тренировавшимся последние два года, на равных.

Однако его стиль боя Родрику не нравился.

Джон слишком любил рисковать — и это было странно, потому как, побывав в бою, люди обычно становятся более опасливыми. Джон мог опустить меч, открывая сопернику грудь и голову, чтобы потом поймать его во время удара — но это еще куда ни что, Джон мог даже подкинуть клинок, в чем было еще меньше смысла. Правда, в трех случаях из четырех, Джон после таких финтов выигрывал бой, но это лишь значит, что его убьет четвертый человек, которого Джон встретит в настоящем бою.

Но все это меркло в сравнении с его перемещениями — он кувыркался даже тренируясь в доспехах, а если дрались без них, он изображал из себя акробата.

Родрик не знал, как исправить это — Джон уже выучил все, чему Кассель мог его научить. Но Родрик признавал, сир Джорах Мормонт был куда лучшим бойцом, чем он сам, и он сможет научит Джона куда большему. Ох, если бы у лорда Старка было время учить собственного бастарда фехтованию...

Робб же, в отличии от сводного брата, был хорошим учеником — он выполнял все, что Родрик от него требовал, и чуть больше. Будь у маленького Старка чуть больше усердия и внимания, он стал бы прекрасным бойцом, но и сейчас Робб был хорош для своих лет. Он был талантлив в работе с копьем, и обладал хорошей реакцией, на мечях он сражался не хуже, чем сам Родрик в том же возрасте, быть может, даже лучше. И, с появлением Теона, стал намного лучше обращаться с луком.

Теон... этот парень был ехиден, остер на язык и зол на весь мир — Родрик видел это за его улыбкой. И Теон был *Грейджоем*. Родрик ни за что бы не взялся его учить, если бы не лорд Эддард.

— Он мой воспитанник, сир, каким я был у Джона Аррена в Орлином Гнезде. Я намереваюсь дать Теону не меньше, чем Джон дал мне, и полагаюсь на вашу помощь.

Быть наставником означало не только научить военному ремеслу, но и привить понимание чести, вложить в сердце воспитанника благородство, и Родрик был твердо намерен преуспеть в этом. Джону и Роббу это почти не требовалось — честь была у них в крови, а пример отца — всегда перед глазами.

Теон тоже, наверное, подрожал своему отцу — пирату и отчаянному хитрецу. Родрик намеревался это исправить.

В прочем на это у него будут годы, а последнее наставление Джону будет шанс дать лишь сегодня.

* * *

Посетить Винтерфелл было лучшим решением. Джорах возвращался с турнира в Ланниспорте и не знал, что лорд Старк сам направлялся к ним, потому предложил жене увидеть величайший из замков Севера.

Его милая Линесса была нежным цветком, хрупким и прекрасным, и Медвежий остров не подходил для нее. Джорах надеялся, что твердыня Севера придется ей по душе, тогда он мог бы стать одним из гвардейцев Неда Старка, или присяжным мечом его сына, и остаться здесь. Островом могла бы управлять Мейдж.

Увы, Винтерфелл был слишком мрачен для его милой Линессы, а Эддард Старк пугал ее. Герольд Хайтауэр, брат ее деда, Белый Бык, был ее героем, и вполне ожидаемо, что она не хотела быть в одном замке с его убийцей.

Джораху нужно было вернуться на остров и взять деньги на новые доспехи — старые он выкупить не смог — и они снова могли бы отправиться в плавание, в Хайгарден, или Арбор, или ее родной Старомест. На следующем турнире ему должно повести больше.

Джон Сноу был именно таким, каким Джорах его запомнил — быть может, чуть повыше. Честный, сообразительный и молчаливый, он нравился Джораху, а Дейси и вовсе души в нем не чаяла. И, что самое важное, он понравился Линессе.

— Он покалечил собственную руку, чтобы уберечь семью от опасности, — восхищенно прошептала она, услышав эту историю от сира Родрика Касселя, — Что за невероятная преданность! Об этом нужно сложить песню.

Ее глаза загорелись интересом и Линесса принялась подбирать нужные слова. Первый раз Джорах видел ее такой увлеченной севернее Перешейка.

А когда она узнала, что Джон Сноу играет на флейте и вовсе пришла в восторг. Конечно же, она попросила мальчика сыграть.

Оказалось, Джон разучил лишь одну мелодию, которую постоянно слышал в Ланниспорте и иногда на Пайке. Эта песня была едва ли не самой известной на юге.

Рейны из Кастамере.

Джон играл на флейте, а его единокровная сестра, Санса Старк, пела.

Джорах никогда не понимал увлечения музыкой, но, когда она звучала он смотрел на жену, и не было ничего прекраснее ее лица. Печаль и восхищение на нем сменяли друг друга, а когда песня закончилась, она со слезами на

глазах обняла детей.

Сейчас она молилась вместе с леди Кейтлин — южанка в роли леди Винтерфелла пришла к Линессе по вкусу.

Джорах нашел Джона у ручья в волчьем лесу. Почему-то вышло так, что они до сих пор не говорили. Сноу стоял по пояс в воде и пытался поймать рыб голыми руками

— Ты подрос.

Джон понял голову и сдержанно улыбнулся.

— Сир.

— Что надеешься здесь поймать?

Сноу наклонил голову.

— Хорошо бы форель.

Джорах не мог не засмеяться.

— Ты вскоре отправишься со мной на Медвежий остров, как мой оруженосец.

— Это будет для меня честью.

— Ты знаешь, кто такие оруженосцы?

— Слуги и ученики рыцарей, — ответил Джон не задумываясь.

У Джораха возникло ощущение что он говорил с маленьким Недом Старком. Он намеревался объяснить мальчику, что не собирается утирать ему слезы, но, очевидно, Джон был именно тем человеком, убившем троих железнорожденных над бессознательным телом Дейси. Он был бойцом в теле ребенка.

— Я научу тебя драться по-настоящему, парень, не танцевать и фиглярничать. Как охотится, рыбачить и править лодкой, как биться на турнирах и разделять зверей.

Джон повернулся к нему целиком.

— Я стану хорошим оруженосцем, сир.

Дейси тоже так считала.

Увы, чем старше становилась его кузина, тем больше от него отдалялась — Джон Сноу был едва ли не единственной темой, в которой она с ним соглашалась. Дейси не нравился прекрасный корабль, который Джорах приказал построить, она не одобряла его участие в турнирах, ее раздражали блюда, которые готовил новый повар... даже арфист, которого Джорах нанял в Ланниспорте, ей не подошел — при том, что Дейси всегда любила музыку.

Что хуже всего — Дейси сразу невзлюбила его новую жену. Слава богам, она вняла его просьбе и не пыталась никак задеть Линессу — про ее сварливую матушку и этого нельзя было сказать. Мейдж всегда говорила то что думала, а думать о людях хорошо она не умела.

Джон Сноу был куда лучшим всадником, чем ожидал Джорах. Он влетел в седло одним слитным движением и не разу не пожаловался за восемь дней пути к побережью.

— Надеюсь, кузен, ты помнишь, что обещал моей матери, — сказала ему Дейси, взбираясь на лошадь; До моря оставалось меньше дня пути.

— Помню.

* * *

За все время, что Джон Сноу пробыл в Винтерфелле после войны, они не перемолвились и парой слов, но, отчего-то, ей было ужасно грустно, когда он уезжал.

Арья, как и всегда, не скрывала своих чувств и громко возмущалась, что ее любимого брата опять от нее забирают, а Джон Сноу, как и всегда, успокоил ее парой слов и нехитрой лаской. Робб стиснул его в объятьях, и они обменялись очередной глупой шуткой. Даже трехлетний Бран, подковыляв к Джону Сноу, ткнул его, присевшего на корточки, кулачком в грудь.

Но не Санса. Санса не обращала на бастарда никакого внимания. Даже не смотрела. Почти.

Уже подъехав к воротам, он обернулся, и взглянул прямо на Арию. И поднял руку, а Арья помахала в ответ. На мгновение Сансе показалось, что Джон Сноу смотрел на нее, и она тоже подняла руку, а поняв, что это не так, сделала вид, что поправляет выбившиеся волосы.

— Что за звуки вы издаете, юная леди?

Санса поняла, что тихонько напевала песню. Подумать только, во время молитвы! А потом Санса вспомнила, что это за песня. Рейны из Кастамере.

Ей слишком понравилось петь с ним. Она попадала словами точно в мелодию, в груди постоянно будто блуждал теплый ветер, а ее голос сливался с музыкой в одно целое. И она ни разу не ошиблась. Она никогда не пела лучше, чем в тот раз. Она хотела бы спеть с Джоном снова.

А ведь до того раза она и понятия не имела, что Джон умеет играть.

— Прошу простить меня, я забылась.

Септа покачала головой и скупно улыбнулась.

Вместе с Джоном уехали отец и Теон Грейджой, но Робб остался. Санса скучала по нему.

За полгода что его не было, он почти не изменился — только волосы стали еще длиннее. Скоро он будет собирать их в хвост, как Джон Сноу.

А вот Джейни Пуль так не считала. Она была на целый год старше Сансы и уверенно заявила, что влюбилась в Робба.

За обеденным столом, впервые за долгое время, не было никого, кроме семьи. Мама казалась Сансе уставшей и довольной, словно у нее вырвали зуб, который шатался и не давал спать, а вырывать самой было страшно. Хотя Санса видела, как Арья вырывала себе шатающиеся зубы ниткой и бегала с ними, как с драгоценностью. Лучше бы шить научилась.

— Почему Джона опять нет? Почему его вечно забирают? — Продолжила свой спор Арья.

— Ну, сестренка, Джон уехал потому что сам так хотел. Быть может он вернется рыцарем.

Это Арию успокоило, но та быстро придумала новый глупый вопрос.

— А он тогда меня сможет посвятить? Я могла бы быть его оруженосцем!

— Девочки не могут быть рыцарями, глупая.

Арья упрямо посмотрела на нее.

— Почему?

Такой глупости Санса не вынесла.

— Потому! Нельзя так и все!

Санса ожидала, что Арья продолжит спорить, но та просто уставилась в тарелку, гоня по не вилкой кусок ветчины.

— Арья, — вдруг заговорила мама, — Джон Сноу — бастард, и ему нечего наследовать, он должен думать о будущем. Если он выбрал стезю воина, тебе следует поддержать этот выбор.

Впервые на памяти Сансы мама говорила о *поддержке* Джона Сноу. Арию, кажется, это удивило не меньше.

— Я просто хочу, чтобы он еще раз мне сыграл.

— Так ты знала, что он играет?! — возмутилась Санса, — Почему ты не сказала мне?

— А тебе какое дело? — опять огрызнулась Арья, — Ты его не любишь.

Санса уже хотела ответить, как ее прервал Робб.

— Санса, мы все это знали. Ты бы тоже знала, если бы хоть раз говорила с ним.

Она почувствовала, что краснеет.

* * *

Сухой и теплый ветер вновь обдувал его лицо. Солнце нещадно палило — даже воздух дрожал от жара. Броня нагрелась, и он чувствовал себя, как уже пошутил Освелл, запекающейся куропаткой — не хватало лишь яблока во рту.

Всадники появились внезапно, и он поразился их скорости. Впереди скакал, яростно подгоняя лошадь, юноша, даже с такого расстояния похожий на Лианну.

Забрав волосы назад, он поднялся и надел шлем.

— Их семеро? — усмехнулся Уэнт, — На что они рассчитывают?

— Нас тоже было семеро, — возразил лорд-командующий.

— И чем это кончилось?

Позади раздался женский крик.

— Ничего еще не кончилось, — ответил Эртур.

Они втроем встретили семерых северян на единственной тропе, ведущей к башне.

— Лорд Старк, — кивнул ему Эртур со скорбной улыбкой.

— Где моя сестра?

От голоса молодого Эддарда у любого пробежали бы мурашки, но они были королевскими гвардейцами. Они молчали.

— Я искал вас на Трезубце.

А нашел лишь Джона Дарри.

— Нас там не было, — ответил Герольд.

Их не было нигде. Их не было, когда погиб их принц, когда предательски убили короля, когда зарезали детей Рейгара... Они были здесь. Таков был их долг.

— ... склонили колена в знак верности.

Дейн поднял голову.

— Наши колени не сгибаются легко.

Эртур изучал Старка. Среди всех, кто стоял перед ним, он был самым опасным. Юнец, лет двадцати, не больше, в легкой броне — она даже не задержит Рассвет — он не выглядел опасным. Но он *был*. Отчего-то Дейн знал — Старка не одолеть, не убив. И Эртур не хотел ему смерти. Таков был их долг.

— Мы дали обет, — сказал сир Герольд, и северяне ошетились мечами, но не Старк.

— И сейчас все начнется, — печально сказал Дейн, берясь двумя руками за фамильный меч. Он этого не хотел.

— Нет, — проговорил Старк стальным голосом, обнажая клинок, — сейчас все закончится.

И он бросился вперед.

Эртуру досталось сразу четыре соперника, но его позиция была лучшей — он стоял выше всех. Рассвет пел в его руках привычную песню. Северяне не успевали. Они не были неумехами, но и великими воинами их не назвать, к тому же они устали. Эртуру даже не нужно было поднимать клинок, чтобы защититься — он перемещался быстрее них, и северяне мешали друг другу. Острие Рассвета рассекло одному из них грудь, от плеча до живота, а парень рухнул, вопя от боли. И в тот же миг Эртуру услышал стон.

Меч Старка пробил стальную кирасу Герольда, проткнул его тело насквозь и вышел из спины. Старку пришлось ударить его ногой в грудь, чтобы извлечь клинок. Освелл кинулся на него, но два яростных удара остудили пыл Уэнта. Он принял третий удар на дубовый щит, но тот попросту разлетелся в щепки, а затем Старк толкнул Уэнта к Эртуру, и тому в бок вонзился меч — один из соперников Дейна отвлекся.

Из северян на ногах остался лишь Старк, в залитой кровью кольчуге. Эртуру рассек ему плечо, но тот этого даже не заметил. Он атаковал с такой яростью, что Дейну, едва ли не впервые в жизни, приходилось отступать. Руки дрожали от силы ударов, но, в отличии от Старка, он не пропустил ни одного.

Но, в конце концов, Старк все же достал его — меч врубился в кирасу прежде, чем Дейн поставил блок. Зажав его там локтем, он ударил Старка в живот стальным кулаком, и тот, наконец, отступил. Теперь Дейн атаковал, и в защите Старк был не так искусен, однако ударов пока не пропускал. Его сгубил случай — его меч был из обычной стали, а меч Эртура был лучшим клинком в Вестеросе. Меч Старка сломался.

Дейн сделал шаг вперед, намереваясь закончить бой и догнать отступающего противника, но Старк не отступил. Он отклонился влево и ударил.

Обрубки пальцев упали на камни рядом с Рассветом.

Старк выхватил из-за пояса кинжал.

Эртуру вытянул брызжащий кровью обрубок вперед, и кровь попала Старку в глаза. Наклонившись, он поднял левой рукой Рассвет, и в этот момент его бедро пронзила боль. Кинжал прошел сквозь кость и вышел спереди.

Эртуру упал на колени.

Старк стоял перед ним, окровавленный, сжимая в правой руке обломок меча, а в левой — кинжал.

— *Где моя сестра?*

Куорен открыл глаза.

Впервые прибыв в Ночной Дозор, он остановился в Черном Замке, и теперь тот каждый раз бередил воспоминания. Пальца на правой руке свело судорогой — как и всегда после сна.

Сегодня был теплый день теплого месяца — а значит, было холоднее обычного.

Когда Стена плачет, холоднее, чем когда идет снег, это он выучил еще в первый год службы. Ему рассказал об это лучший из разведчиков Сумеречной Башни, Манс Полудикий. Он же дал ему прозвище, известное теперь каждому черному брату. Эта шутка напомнила ему об Освелле. Наверное, с нее и началась их дружба. Манс знал земли за Стеной лучше любого другого, а Куорен был лучшим бойцом.

И вот, Манс теперь дезертир. Из-за зашитого шелком проклятого плаща!

Куорен сел на кровати. Надо избавляться от привычки лежать, проснувшись — это не подходит воину.

О оделся, привычным движением закинул меч в ножны, и вышел на воздух. Оказалось, утро давно уже наступило. Во дворе тренировались новобранцы, в кузне ковал очередное творение Донал Нойе, с кухни уже несло чем-то горелым.

Первым делом Куорен направился в домик мастера. По счастью, Клидаса внутри не было — Куорен почувствовал бы себя неловко, выгоняя старика, на двадцать с лишним лет старше него.

Эймон Таргариен сидел у огня.

— Мой принц, — он преклонил колено, хотя тот ничего не видел.

— Принц? — проговорил Таргариен старческим, скрипящим голосом, — Здесь давно нет принцев. Я лишь мастер, что служит Ночному Дозору.

— Как прикажете.

— Я рад тебя слышать, Куорен, — внезапно имя, которым он звался больше десяти лет, стало раздражать.

— Уж вы-то должны знать, что меня зовут не так.

— Нет-нет, присягу принял юноша по имени Куорен. Другого я не знаю, — *Этому юноше тогда было за тридцать*, — Ты можешь быть лучшим мечником, но лучший разведчик — Бен Старк, и его уши куда более чуткие, чем у нас.

— Как скажете.

— Зачем ты пришел, Куорен?

"Я искал сына Рейгара, — хотел он сказать, — и я не нашел". Но мейстер Эймон не был Таргариеном.

И, если быть честным, Куорен пришел за другим.

— Манс дезертировал.

— Ах, Манс... Я помню его еще мальчишкой. Он вырос в Ночном Дозоре, ты знал это? Он никогда не знал ничего иного. Лучшие из дозорных приходят к нам по своей воле, худшие — спасаясь от наказаний. И среди тех, и среди других бывают дезертиры. Я помню каждого за последние двадцать лет. Манс никогда не знал, что у него был выбор.

— Вы его оправдываете?

— Я дважды хотел дезертировать, Куорен. И каждый день я жалею, что не сделал этого. Манс не хотел жалеть.

Он отступил на два шага. Некогда Рейгар назвал этого человека умнейшим из людей, и теперь Куорен его понимал. Парой слов мейстер Черного Замка унял бурю в его душе, оставленную предательством друга.

— Это лето длится слишком долго, Куорен, — голос старик вдруг окреп, спина выпрямилась, звенья цепи зазвенели, — Я страшусь того, что придет после него. Все Таргариены были глупы, Куорен. Нам твердили правду раз за разом, но мы каждый раз слышали не то.

— Какую правду?

— Зима близко.

Больше книг на сайте - Knigoed.net